СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК, 2005—2013 ЛУЧШЕЕ

ереван

ЖУРНАЛ С АКЦЕНТОМ

ISSN 1816-5087
01312
imyerevan.com

UWC DILIJAN COLLEGE

ОТКРЫТИЕ В СЕНТЯБРЕ 2014 ГОДА

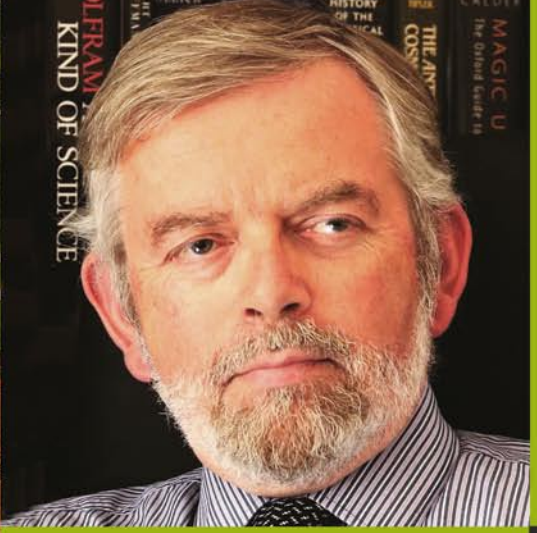
СЕРТИФИКАТ IB DIPLOMA, ПРИЗНАВАЕМЫЙ ВО ВСЕМ МИРЕ

ВОЗМОЖНОСТЬ ПОСЛЕДУЮЩЕГО ПОСТУПЛЕНИЯ В ЛУЧШИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ МИРА

БОЛЬШОЙ ВЫБОР ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ, ВКЛЮЧАЯ РУССКИЙ И АРМЯНСКИЙ

ПРЕПОДАВАНИЕ ВЕДЕТСЯ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

МАСШТАБНАЯ ПРОГРАММА СТИПЕНДИЙ И ГРАНТОВ



ДИРЕКТОР КОЛЛЕДЖА С ЯНВАРЯ 2014 ГОДА – **ДЖОН ПАДДИФУТ,** ДИРЕКТОР АКАДЕМИИ АГА ХАНА В ХАЙДАРАБАДЕ, ЭКС-ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ИТОНСКОГО КОЛЛЕДЖА

МЕЖДУНАРОДНАЯ ШКОЛА-ПАНСИОН ДЛЯ СТУДЕНТОВ ИЗ БОЛЕЕ ЧЕМ 50 СТРАН

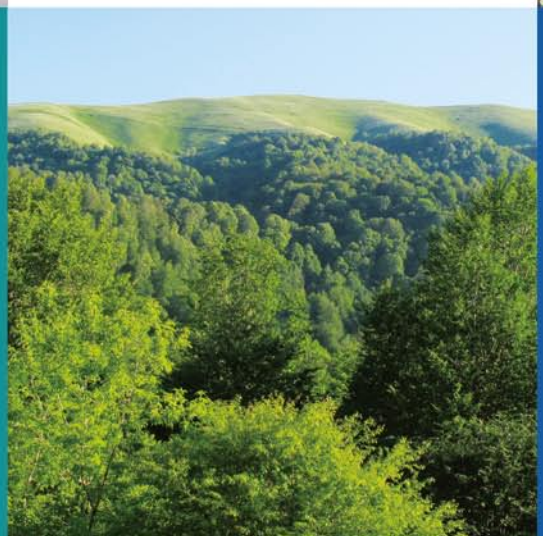
ПОДРОБНУЮ ИНФОРМАЦИЮ МОЖНО НАЙТИ НА САЙТЕ **WWW.UWC.ORG**

ПОРЯДОК ПОДАЧИ ЗАЯВЛЕНИЙ И ТРЕБОВАНИЯ К КАНДИДАТАМ:

ДЛЯ ЗАЯВОК В РФ: **WWW.RU.UWC.ORG**

ДЛЯ ЗАЯВОК В АРМЕНИИ: **WWW.AM.UWC.ORG**

КОЛЛЕДЖ РАСПОЛАГАЕТСЯ В ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТОМ И ЗЕЛЕНОМ РЕГИОНЕ АРМЕНИИ, ИЗВЕСТНОМ КАК «КАВКАЗСКАЯ ШВЕЙЦАРИЯ»



ФОНД DILIJAN INTERNATIONAL SCHOOL OF ARMENIA

РОССИЯ
+7 495 951 6486
МОСКВА, 1-Й КАДАШЕВСКИЙ ПЕР., Д. 10, СТР. 3

АРМЕНИЯ
+374 10 583 346
ЕРЕВАН, УЛ. БАГРАМЯНА, Д. 6

WWW.DILIJANSCHOOL.ORG

РЕКЛАМА

LA GALLERIA

Luxury boutiques

Армянские орнаменты
в интерпретации бренда ETRO
к 5летию люксовых бутиков
LaGalleria

Северный проспект 3, Ереван, Армения
www.lagalleria.am

стр.12

проект с акцентом

Об истории журнала «Ереван», конкурентоспособной Армении и мировой музыке, героях и брендах, добре, брошенном в воду, новых вызовах и смыслах рассказывает вице-президент Московской школы управления СКОЛКОВО, член совета директоров Фонда национальной конкурентоспособности Армении, член совета директоров «Америабанка» Гор Нахапетян — один из создателей и акционеров проекта «Ереван».

стр.54

на берегах вечности

Ручьи, реки, озера, водопады... Издали они напоминают лоскутки и пояса на охристом, зеленом или белом. Но магнетизм заставляет подойти к ним поближе. Чтобы увидеть свое отражение в зеркале для неба. Чтобы ощутить холодок первого прикосновения и тепло прощального объятия. Чтобы просто посидеть на берегу вечности.

путешествия

стр.18

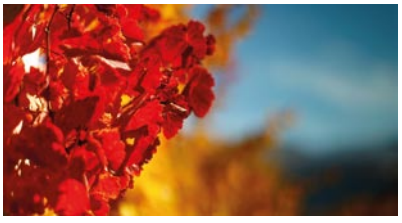
вполне себе армянский

Вы когда-нибудь пробовали найти что-то в Амстердаме, зная наверняка лишь то, что оно расположено «на воде»? Вот и я о том же.

стр.36

город перенесенных

Приехать в Степанакерт можно только с миром. Или за миром — ему здесь знают цену. Покой тут считают в пулях — за последние годы число следов от них на фасадах зданий не выросло ни на единицу. Вот и мир. И, уезжая, каждый хранит в себе то спокойствие, которое можно обрести только здесь.



стр.58

последний поцелуй солнца

В отличие от вина, в мачаре истину не ищут. Ненастоявшееся вино — не для настоящих идей. К мачару идут за молодостью — ведь молодой напиток возвращает в забытое прошлое и воскрешает память.

стр.26

Вена, кофе, два стола

В Вену нас привел исторический факт, не очень широко известный. Подданный турецкого султана, армянский торговец Йохан Диодато (Ованнес Аствацатур) более 300 лет назад открыл первую в Вене кофейню, где подавал до той поры неведомый ее жителям напиток — каву. Кофейный бизнес быстро прижился в австрийской столице, а кофе-хаусы стали визитной карточкой города. Но помнят ли в Вене о Диодато и знают ли о кофе по-армянски?

стр.44

театр начинается с таксиста

По дороге в Тбилиси воображение все время рисовало маршруты, по которым я должна пройтись, — улицы моего детства, дома родных и друзей. Но, как говорила моя бабушка, в этом ненормальном Тифлисе нельзя строить планы, ведь никогда не узнаешь, за каким углом тебя будет поджидать сюрприз.

стр.68

затерянный мир Анапата

«Анапат» в переводе с армянского означает пустыня, но, попав в эту «пустыню», поражаешься несоответствию названия и реальности. Пустыней здесь и не пахнет.

стр.74

убежище для икара

Наша машина съезжает с горисской трассы в ущелье, и кажется, ты заглянул в бинокль с обратной стороны. Обзор сужается и на смену общим планам и дальним перспективам приходят гениальные детали. Это дорога к храму.

стр.84

право на море

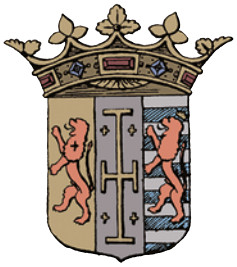
Под пасмурным небом едем на Севан. Мы приехали искать его расположения. Разрешения озера пойти по нему на «Киликии» — копии средневековых армянских кораблей.

армянский след

стр.90

чертовски дорогие буквы

Грандиозная фреска площадью 677 квадратных метров — крупнейшая в мире — украшает вестибюль дворца баварских епископов в Вюрцбурге. Мифологические существа, античные боги, нимфы, наяды, обитатели экзотических стран и... армянские буквы, высеченные на камне.



стр.92

сеньор Мадрида

В октябре 1383 года темпераментных испанцев потрясло неожиданное известие — король Хуан I подарил города Мадрид, Вильяреаль и Андухар некоему армянскому царю...

стр.98

След голубя. Утро

В принципе, это даже не было протестом. Они просто устали, и поэтому в дулах танков и автоматов оказались букеты цветов. Они устали делать войну и начали делать любовь. Они были нормальными людьми и не понимали, как можно теракт со «всего-то» одним погибшим назвать «незначительным эпизодом». Дети цветов, они были плотью от плоти этой планеты, и человек по прозвищу Восьмипалый Эдди был одним из них.

стр.102

звезды, полосы и баксы

Два символа американского могущества — «вечнозеленый» доллар и звездно-полосатый флаг. Интересно, что в их истории есть и армянские страницы — изобретение красителя, защищающего американскую банкноту от подделки, и создание первого флага Соединенных Штатов, чье таинственное исчезновение остается загадкой и по сей день.

стр.104

бомба

Известный испанский журналист, автор книг «Бомба» и «Армяне. Забытый геноцид» Хосе Антонио Гурриаран согласился ответить на наши вопросы, заранее предупредив со свойственным ему юмором: «Только пусть их будет не больше 200, иначе я устану».

стр.108

совершенно секретно

Подробности деятельности сотрудников службы внешней разведки СССР супругов Геворка и Гоар Вартанян до сих пор находятся под грифом «секретно». Это одно из последних интервью Геворка Андреевича Вартаняна.

история

стр.112

великий секрет айрудзи

История человечества — это по преимуществу история войн. Армии мира шагают по страницам учебников истории, сражаясь и постоянно совершенствуя свое вооружение и боевую тактику. Мы многое знаем о греческом, римском военном искусстве, но история армянских армий прошлого до сих пор не рассказана.

стр.116

роман с камнем

Каким же нужно быть фанатиком, чтобы добровольно лишить себя главного мужского достоинства! И сколь же безгранично должно быть желание бесплодной женщины родить, чтобы она решилась на интимный контакт с гранитным камнем — портакаром.

стр.120

вордан кармир

Символ почета и власти, залог красоты и здоровья, его слава не меркнет даже по истечении тысячелетий. Может показаться странным, но все это относится к красному червецу вордан кармиру, в котором от силы 12 миллиметров «росту». Тайну приготовления вечной краски, которой не страшны разрушительные силы времени, света, температуры и влажности, наши предки хранили более двух тысячелетий, передавая из поколения в поколение лишь избранным, и утеряли всего 400 лет назад.

стр.124

достояние республики

Современная Республика Армения, которая уже отсчитывает третий десяток, унаследовала знаки отличия первого армянского независимого государства: флаг, гимн и герб.

культура

стр.130

с металлом в голосе

Предки армян использовали самый совершенный носитель информации — язык. Вслушайтесь в армянские слова, всмотритесь в буквы, которыми они записаны, и вам откроется великий секрет — информация, оставленная нам в наследство.

стр.136

Роб

Роберт Саакянц был великолепным рассказчиком. Гораздо труднее рассказать о нем самом, ибо невозможно объять необъятное. Саакянц — это история, у которой есть начало, но нет конца, как у дороги, ведущей за горизонт.

стр.144

из огня и металла

Ара Алекян творит из огня и металла. Впрочем, во всей Вселенной с помощью огня из ничего рождается нечто.

стр.152

между двумя ударами сердца

Есть просто чудеса, и есть чудеса необыкновенные. Произведения Эдуарда Казаряна — чудеса, сотворенные человеческими руками. Его руками. Самого мастера уже нет с нами, но чудо — оно ведь вечно.

проекты

стр.158

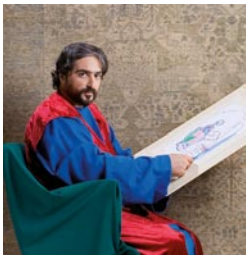
заверните!

«Бурум» можно перевести как «в руке» («бур» — «ладонь»). Все, что могло бы быть на тарелке, — в руке! И каждый уважающий себя армянин точно знает, что это такое, — со всеми возможными вариантами и вкусовыми оттенками.

стр.160

спираль времени

Время идет по кругу, а переходит во времена по спирали. И только с высоты последующих витков можно отличить суть от деталей и осознать бесценность непреходящих ценностей.



стр.164

великий шелковый плод

Всего пара глотков божественной жидкости под сенью шелковицы — и вас осеняют мысли о вечном.

стр.166

10 слов об Армении

Как правило, общение начинается со слова. Общение со страной словом заканчивается. Тем, которое потом всплывает в памяти первым. Оно у каждого свое. 10 воспоминаний. 10 историй. 10 слов об Армении.

стр.172

сырреализм

Считается, что вино и сыр (панир) «повенчаны на небесах». А в любви каждый ищет свою половинку — вина и сыры сочетаются по строго определенным канонам. «Неравные браки» не поощряются.

ереванские легенды

стр.174

рубикон-65

Трудно представить, что когда-то в Советском Союзе всякое публичное упоминание о Геноциде было практически невозможно, а непубличное — опасно. Так было до 24 апреля 1965 года.

стр.180

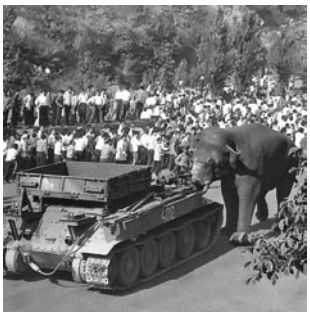
последний рекорд

Если бы многократный чемпион и рекордсмен мира по подводному плаванию Шаварш Карапетян жил в Элладе, о его подвигах сложили бы мифы покруче геракловых. Каждое из его свершений — это десятки спасенных жизней, причем в мирное время!

стр.188

побег

Даже сегодня, спустя много лет, достоверно не известно, что тогда случилось с добродушным слоном Вовой на самом деле, что послужило причиной разыгравшейся драмы.



стр.196

ковры-невидимки

В Ереване часто случаются истории, которые иначе как чудом и не назовешь. Одну из таких любит вспоминать полковник в отставке Службы национальной безопасности РА Генрих Айрапетян.

стр.206

ограбление по-армянски

5 августа 1977 года в Ереване произошло невероятное по своей дерзости ограбление. Впервые в СССР позарились на святая святых — Госбанк. В Стране Советов были талантливые воры, но даже у «воров в законе» было твердое убеждение: в СССР банки не грабят.

стр.200

столбы мироздания

стр.214

ракурс

ИЛЛЮСТРАЦИЯ НА ОБЛОЖКЕ
Саргис Антонян, Арташес Аветян

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ:
Ида Мартиросян — 2005-2009 гг.
Алексей Асланянц — 2010 г.
Эдуард Аянян — 2011-2013 гг.

РЕДАКЦИЯ
Игорь Зотов, Саркис Мноян, Эдуард Аянян, Анаит Оганисян, Эрна Ревазова, Элеонора Малхасян, Михаил Балаян, Армен Еолян, Марианна Никогосян, Татьяна Мартиросян, Сона Парсаданян, Артавазд Егиазарян, Размик Чракян, Рубен Гюльмисарян, Анна Рулевская, Екатерина Маркарян, Нунэ Мелкумян

ДИЗАЙН И ВЕРСТКА
Марина Левашова, Елена Фролова, Арам Гюмишян, Арсен Киракосян, Нонна Исадженян, Гегам Варданян, Ани Караманукян, Ваагн Погосян, Армен Еолян, Артак Саргсян

ФОТО
Назик Арменакян, Айк Мелконян, Сурен Манвелян, Марианна Искандарян, Арнос Мартиросян, Армен Погосян, Эрик Степанян, Мариам Лорецян

ФОТОРЕДАКТУРА
Карен Манукян, Армен Айрапетян, Армине Гесиян, Назени Мурадян, Давид Гюмишян, Надежда Короткенко

АВТОРЫ
Екатерина Барабаш, Наталья Шастик, Екатерина Приморская, Анна Даниелян, Арутюн Зулумян, Андрей Ашкеров, Тигран Аветисян, Давид Григорян, Зорий Балаян, Арис Казинян, Вера Буковкина, Максим Андриянов, Игорь Невзоров, Хачик Дадаян, Хачатур Мартиросян, Марк Бабаджанян, Нина Мовсесян, Татьяна Ткачук, Светлана Минаева, Сероб Оганян, Анна Григорян, Аида Бабаджанова, Гарик Саркисян, Гарри Ионесян, Айк Бианджян, Борис Нахапетян, Амалия Бенлиян, Алексей Яковлев, Юлия Яковлева, Наира Хачатрян, Хорен Кешишян, Глеб Ситковский, Ксения Авербах, Акоп Рубинян, Александр Мависакалян, Мария Ганиянц, Евгений Арабкин, Сергей Крюков, Марина Вартанян, Клавдия Столбова, Татьяна Кравчено, Татьяна Волкова, Арман Джилавян, Армен Оганесян, Лилит Товмасян, Кнарик Хачатрян, Георгий Лесскис, Агнесса Оганесян, Татьяна Марян, Вараздат Абрамян, Маргарита Григорян, Андраник Григорян, Сергей Коклин, Шандор Козлов, Татевик Товмасян, Ваган Саркисян, Никита Заробян, Армен Григорян, Ирина Кикина, Даниил Анин, Дмитрий Киселев, Евгений Дзичковский, Олег Горшков, Ариф Юнусов, Элен Мусаелян, Нарине Атоян, Сара Налбандян, Акоп Асатрян, Григорий Петросян, Гор Гуларян, Георгий Папов, Сен Оганесян, Елизавета Газарова, Екатерина Варкан, Григорий Петросян, Александр Авдошин, Мария Кускова, Арутюн Амирханян, Игорь Игрицкий, Артак Эрикян, Дмитрий Шустов, Микаэл Оганесян, Виктор Арзуманян, Анна Захарян, Вероника Богдан, Александр Ерканян, Мария Алаторцева, Мария Кускова, Наира Геворкян, Гильда Бучакджян, Михаил Дуглов, Рафаэль Оганесян, Анастасия Рослова, Даниил Зотов, Татьяна Кравченко, Кирилл Тищенко, Ани Абрамян, Юлия Калашина, Арам Тер-Газарян, Ида Карапетян, Анна Саркисян, Игорь Зинатулин, Карен Айрапетян, Анастасия Сдвижкова, Варужан Назаретян, Тамара Костандян, Арсен Даниелян, Гаяне Мирзоян, Роберт Баблоян, Степан Казарьян, Софа Севачерян, Анжела Саркисян, Мариам Товмасян, Азнив Андреасян, Елена Родина, Нана Баенц, Яков Симонов, Такуи Асланян, Рубен Петросян, Сона Александян, Гаяне Василян, Заруи Мигранян, Мина Хезр Гарунинежад, Лилит Туманян, Максим Зубрилин, Рафаэль Акопджанян, Армине Агаронян, Каро Чаликян, Яна Костандян, Карина Ароян, Карина Яновская, Борис Резванцев, Андрей Преснов, Андраник Преснян, Эльза Манукян, Анна Крюченко, Рафаэль Тигранян, Сэм Аракелов, Жанна Андреасян, Владимир Амельчук, Арпи Магакян, Саркис Оганесян, Ашот Левонян, Василий Савельев, Сусанна Агабабян, Нарек Ованнисян, Ваан Киракосян, Эдгар Багдасарян, Елена Влади, Юлия Саркисян, Ара Ернджакян, Артем Ерканян, Рубен Грдзелян, Арарат Гркикян, Дживан Сарьян, Астхик Мирзаханян, Карен Авакян, Дмитрий Платонов, Лианна Захарян, Анаит Григорян, Готье Галле, Оливье Глес, Алик Джалалян, Татьяна Мирошкина, Арам Хачатурян, Артур Мкртумян, Екатерина Иноземцева, Елена Милинчич, Алиса Ян, Ирина Удянская, Арман Джилавян, Шаэн Хачатрян, Леонид Нерсесян, Анна Крюченко, Рубен Ангаладян, Смбат Мосесов, Тигран Хзмалян, Армен Тутунджян, Евгений Балаян, Левон Малхасян, Виолетта Захарян, Георгий Хачатрян, Михаил Дольников, Нарек Маркарян, Владимир Керопян, Арег Оганесян, Ирина Зурабян, Анна Христафорян, Елена Тигранян, Аззи Мхитарян, Александр Валл, Армине Азизян, Сергей Тантушян, Астхик Варданян, Гаянэ Арутюнян, Татьяна Ткачук, Асмик Нуриджанян, Яна Шахгюлян, Генрих Оганесян, Надежда Чебыкина, Наре Гарибян, Давид Саркисян, Левон Джанполадян, Ян Шенкман, Вардан Мамиконян, Лиана Даниелян, Анна Бубушян, Тигран Погосян, Ануш Овсепян, Раффи Низиблиян, Сусанна Оганесян, Айк Демоян, Ева Кочикян, Зара Назарян, Грачья Варданян, Майя Степанян, Марианна Шахпаронян, Манук Акопян, Лия Аветисян, Руслан Сагабалян, Седа Тер-Минасян, Каринэ Хорасанян, Эдуард Пилипосян, Ксеркс Малки, Тамар Кевонян, Заруи Аветисян, Генрих Айрапетян, Елена Юзбашян, Татьяна Лиханова, Арам Манукян, Александр Горбачев, Карен Барсамян, Лилия Винокур, Алексей Васильев, Нарине Акопян, Карен Балаян, Виолета Канян, Кристина Карапетян, Геворк Марикян, Анна Цейтлина, Ваге Антанесян, Анна Давтян, Сергей Варданян, Лилит Агаян, Карина Казарян, Ноеми Андреасян, Давид Арян, Биайна Маари, Арам Манукян, Виктория Вешникова, Ирина Киракосян, Артем Бабаян, Зара Мигранян, Виктория Алексанян, Арис Казинян, Алексей Королев, Рузан Хачатрян, Нунэ Саркисян, Хачатур Мелекян, Флоренс Авакян, Мари Гезалян, Лев Оганесян, Ани Назаретян, Наринэ Киракосян, Лилит Барсегян, Урсула Шульц-Дорнбург, Армен Караоглонян, Эдгар Погосян, Рузанна Тантушян, Адрине Касабян, Марк Григорян (младший), Дмитрий Симановский, Аршавир Стивен Сарьян, Таня Оганян, Лена Геворкян, Норайр Хажакян, Армен Никогосян, Алина Проскурякова, Андрей Иванов, Самвел Мартиросян, Кристина Петросян, Эля Манучарян, Инесса Мириджанян, Диана Хачатрян, Мария Абрамян, Тамара Заргарян, Ашхен Захарян, Мария Улиханова, Лилит Петросян, Артем Драбкин, Нэ Тадевосян, Армен Мурадян

ФОТОГРАФИИ И ИЛЛЮСТРАЦИИ:
Павел Самохвалов, Юрий Мечитов, Александр Туманов, Станислав Комарек, Ваан Степанян, Виген Мноян, Андрей Годяйкин, Петер Вердуин, Нарек Мартиросян, Карен Асатрян, Алик Аветисян, Альпер Чатал, Сергей Медведев, Лера Комарова, Батыр Моргачев, Святослав Слабун, Александр Туманов, Андраш Фекетэ, Арсен Карапетян, Грайр Базе Хачерян, Завен Саркисян, Викки Каленц, Гагик Арутюнян, Юрий Феклистов, Артур Акопян, Каролина Альдао, Ваге Мелконян, Давид Айвазян, Погос Погосян, Завен Хачикян, Ваагн Амалбашян, Ирина Кайдалина, Евгений Зенченков, Дмитрий Бодров, Манвел Капланян, Кирилл Овчинников, Георгий Яралей, Вильям Карапетян, Ара Асланян, Иван Куринной, Татьяна Пеца, Антонио Родригес, Олег Караджа, Ражден Гамезардашвили, Тигран Товмасян, Лидия Токарева, Борис Супрун, Геворг Маркосян, Борис Хигрин, Андрей Ефимов, Мамука Кикалашвили, Эгнар Петросян, Ваграм Мурадян, Софья Гольдина, Платон Шиликов, Карен Мирзоян, Ашот Сагратян, Игорь Ляпин, Джордже Крстич, Джордже Арамбашич, Клаудиа Камергородски, Станислав Новиков, Егиа Нерсисян, Даниил Масич, Аветик Калашян, Мария Асланян, Лика Брутян, Вардан Мелконян, Петр Тишков, Мария Кикоть, Александр Степанов, Галина Васильева, Игорь Василиадис, Дмитрий Мурашов, Эрик Меркель, Арег Назарян, Самвел Бабасян, Алексей Кривцов, Ара Гюлер, Эдгар Амроян Кристофер Гайомели, Тигран Товмасян, Акоп Берберян, Альберт Палванов, Лариса Панкратова, Максим Емельянов, Артур Lumen Геворкян, Иван Пустовалов, Лия Чесноков, Андреа Мессана, Гая Григорян, Федор Маркушевич, Ира Бордо, Катя Белкина, Илья Вартанян, Яна Дворжетски, Виктор Кириченко, Мэри Варданян, Александр Манукян, Левон Бахшян, Гайк Бадалян, Дейв Аустриа, Сергей Соков, Сурен Мелик-Карамян, Ида Кар, Йоко Такахаши, Жан-Батист Мондино, Эдмонд Теракопян, Пола Рубис, Джема Нишанова, Иосиф Бадалов, Анна Акопян, Армен Проян, Лена Насибулина, Юлия Юдаева, Константин Мельник, Екатерина Позднякова, Владимир Васильчиков, Пино Ле Пера, Франческо Аллегретто, Константин Семенов, Елена Фролова-Труфанова, Александр Петросян Тигран Куюмджян, Юрий Рост, Александр Чальцев, Стивен Анселл, Скаут Туфанкджян, Саргис Антонян, Арташес Аветян

СЛУЖБА РАСПРОСТРАНЕНИЯ
Артур Амирханян, Анна Костандян, Ашот Кочоян, Хачик Мартиросян, Эдгар Мкртчян, Арам Армаганян, Артем Чижов, Наталья Кружкова, Иветта Арутюнян, Армен Абраамян

РЕКЛАМА И МАРКЕТИНГ
Лилит Мартиросян, Лусине Ханданян, Ольга Донатова, Надежда Егорова, Сона Ананян, Нелли Хайдарова, Анна Нарышкина, Евгения Волянская, Ольга Степанова, Валерия Гарбар, Татьяна Горячева, Григор Ханджян

СЕКРЕТАРИ
Диана Манукян, Наринэ Бабаян, Изабелла Оганезова, Наира Зурабян, Ольга Горбенко, Екатерина Карпухина

ДИРЕКТОРА
Владимир Костандян, Арам Мурадян, Виктория Добровольская

ParaType Шрифты компании «ПараТайп»

В журнале использованы шрифты:
PF Centro Sans Pro,
PF Centro Serif Pro,
PF Centro Slab Pro
parachute®

Журнал «Ереван» на Facebook

Журнал «Ереван» на iPad APP

ЕРЕВАН ПРОДАКШНС

YEREVAN PRODUCTIONS

Республика Армения, 0002, Ереван,
Арами, 80
Тел.: +374 (10) 50 10 81, +374 (10) 50 10 82,
+374 (91) 40 65 65
info@e-productions.am
www.e-productions.am

© 2005—2013 «ЕРЕВАН»
Любое использование материалов или фрагментов из них на любом языке допускается исключительно с письменного разрешения ООО «ЭТНОПРЕСС»
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия РФ
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-45621 от 29.06.2011 г.

Данный выпуск сверстан и подписан в печать ЗАО «Ереван Продакшнс» с письменного разрешения ООО «ЭТНОПРЕСС»

Номер сдан в печать 10.12.13

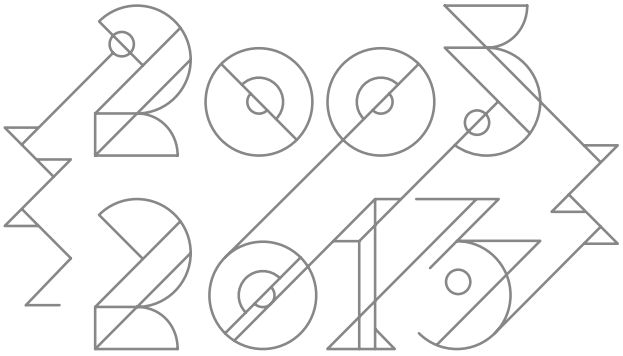
Отпечатано в Финляндии. Типография PunaMusta P.O.Box 99, Kosti Aaltosen tie 9, FINLAND-80140, Joensuu

Тираж 10 000 экземпляров

Распространяется бесплатно

Welcome to a different kind of Place!
Let Hyatt Place Yerevan redefine your travel experience with everything you need to leave you feeling more relaxed, productive and comfortable. You will enjoy latest amenities to cater to the needs of modern traveller, including complimentary breakfast, Wi-Fi, and 24 hours Fitness Centre.
Just steps from the Republic Square, with easy access to business life of Yerevan, and dining, shopping, and entertainment areas.
To book, call +37411 221234 or visit yerevan.place.hyatt.com
HYATT
PLACE
Hyatt Place Yerevan
26/1 V. Sargsyan Street
0010 Yerevan,
Republic of Armenia
hyattplace.com

Реклама



Нас много. Мы все разные — бизнесмены и политики, студенты и рабочие, музыканты и юристы, журналисты и повара, дизайнеры и таксисты. Но у нас есть нечто общее, стирающее любые грани, любые различия, объединяющее и связывающее. Мы — ереванцы. Независимо от страны и города проживания, языка, на котором говорим, и часто даже — национальности. Мы живем в разных уголках мира, но пульс нашей жизни задает единое сердце — Ереван. Нас много, а он один. Один город на всех. Одна душа. Один журнал. «Ереван» — наша сопричастность, наше периодическое волнение, наше прошлое, настоящее и будущее.

С момента выпуска первого номера «Еревана» прошло более 8 лет. За эти годы с нами сотрудничало более 600 авторов, свои снимки в журнале опубликовали почти 300 фотографов. А еще в течение этих лет для сотен тысяч читателей ежедневно трудились те, кто придумывал, редактировал, корректировал, правил, верстал, обрабатывал фотографии, рисовал, занимался рекламой, отправлял в печать, развозил журнал по адресам. За плечами — 8 лет творчества, шумных редколлегий, напряженных фотосессий, неумолимых дедлайнов и бессонных ночей, результатом которых стали 88 выпусков «Еревана». Они вместили в себя почти 3 тысячи статей, подарили много приятных и интересных мгновений читателям, рассказали об удивительных фактах истории и смелых, креативных идеях наших современников, о потаенных уголках Армении и мира, об интересных, талантливых людях. Этот выпуск — своеобразное подведение итогов. Вместить в него все действительно достойное и хорошее было, естественно, невозможно, но собрать в одном номере наиболее запомнившиеся статьи и проекты мы все же попытались. Для кого-то это станет приятным путешествием в прошлое, возможностью вспомнить полюбившиеся материалы, для кого-то — открытием чего-то нового, но несомненно, что для всех друзей журнала это станет еще одним праздником — еще одним номером «Еревана», который можно подержать в руках и вдохнуть запах свежей типографской краски.

GUINNESS WORLD RECORDS
«Крылья Татева» зарегистрированы в Книге рекордов Гиннесса как самая длинная в мире реверсивная канатная дорога
ТаТевер
Крылья Татева
РЕКЛАМА
«Ворота Татева»,
регион Сюник, Армения
Тел.: + 374 60 46 33 33
info@tatever.com
www.tatever.com
Твои Крылья
к Татеву

проект с акцентом

Об истории журнала «Ереван», конкурентоспособной Армении и мировой музыке, героях и брендах, добре, брошенном в воду, новых вызовах и смыслах рассказывает вице-президент Московской школы управления СКОЛКОВО, член совета директоров Фонда национальной конкурентоспособности Армении, член совета директоров «Америабанка» Гор Нахапетян — один из создателей и акционеров проекта «Ереван».

eople Management ReForum

Арнис Мартиросян

Для многих людей журнал «Ереван» стал точкой отсчета и началом знакомства с Арменией, армянской историей и культурой, началом их путешествий в Армению. А с чего начинался сам журнал «Ереван»?

— В самом начале была инициатива «Армения 2020» — попытка заглянуть в будущее Армении, представить возможные сценарии ее развития. Во время конференций и встреч в рамках этой инициативы неоднократно вставал вопрос необходимости медиаплощадки для продвижения идей проекта, коммуникаций между армянами в мире. Социальные сети тогда были крайне слабо развиты, да и Интернет был доступен не везде и не всем. Был голод на информацию, исходящую из Армении, объединяющую диаспору вокруг базовых национальных ценностей. Люди в диаспоре не были знакомы с ситуацией в Армении, литературы и публикаций было крайне мало. Кроме того, было проведено исследование в школах Еревана, где дети, помимо прочего, отвечали и на вопрос «Кто ваш герой?». Оказалось, что героев просто нет, нет ролевой модели, к которой дети стремились бы, не оказалось и культовых профессий, о которых школьники мечтают. Дефицит современных героев существовал в том числе и потому, что о достойных современниках информации было крайне мало. В рамках проекта «Армения 2020» обсуждалось и много других идей, например, создание определенных брендов, символов Армении, шаги по ознакомлению с мировой культурой, издание книг, организация концертов и выставок. На основе всего этого сформировалась и идея создания единого армянского медиаресурса, и она была озвучена. Параллельно к идее создания нового, современного армянского журнала пришел Рубен Джагинян. В Ереване работала инициативная группа, собиралась команда, а мы создали бизнес-план, и фактически группой друзей, а также с участием компании «Медиакрат» решили инвестировать в этот проект. В результате долгой и основательной подготовки с привлечением консультантов в мае 2005 года мы, наконец, выпустили первый номер «Еревана». Он призван был рассказывать об успешных армянах, новых героях, об истории страны и культуре, о путешествиях. Тогда же был придуман слоган — «Журнал с акцентом», так полюбившийся читателям. «Ереван» изначально издавался на русском языке, потому что более активной и близкой в культурном и историческом смысле, более привязанной к Армении была армянская диаспора в России — около 2 млн человек.

Мы узнавали о новых людях и событиях, об армянских историях, проводили журналистские расследования и делали сенсационные находки, а часто люди сами приходили к нам с полезной информацией

Когда вышел первый номер, все как один говорили, что через месяц-другой темы будут исчерпаны и журналу будет не о чем писать.

— Да, были такие опасения. И тогда запомнилась фраза Марины Левашовой, которая тоже принимала участие в создании «Еревана». Желание придержать некоторые материалы в резерв она категорично отклонила: «Все надо пускать в номер, именно сейчас, а писать всегда будет о чем». И действительно, впоследствии мы сами удивлялись количеству материала, которое возникало по ходу создания очередных выпусков журнала. Мы узнавали о новых людях и событиях в мире, об армянских историях, проводили журналистские расследования и делали сенсационные находки, а часто люди сами приходили к нам с полезной информацией.

С какими проблемами столкнулись при запуске проекта?

— Через какое-то время стало ясно, что во многих пунктах нашей бизнес-модели мы ошибались. Изначально было решено, что журнал должен быть очень высокого качества — с хорошей полиграфией, высококачественным контентом. И он должен был широко и активно распространяться. Всего этого мы добились, но это потребовало и больших вложений. Естественно, проекту надо было как-то зарабатывать, и основной ориентир вначале был на рынок рекламы в печатной прессе. Но оказалось, что у директоров по маркетингу большинства крупных компаний, размещающих рекламу в прессе, стояла жесткая установка — не ставить рекламу в этнических и религиозных журналах. Долгое время нам пришлось с этим бороться, и, наверное, одним из факторов успеха стало то, что впоследствии мы эту установку сломали, создав, по сути, новое направление в этнической прессе, которое рекламодатель признал и пошел туда. Журнал стал отправной точкой, вокруг него появлялись новые подразделения,

мы попытались создать большой, развернутый бизнес, медиа-холдинг. Были открыты звукозаписывающая, веб- и дизайн-студии, созданы английская версия журнала в США, а впоследствии и армянская — в Армении. Но через какой-то период стало ясно, что обходится это слишком дорого. Многие партнеры не готовы были постоянно поддерживать проект финансово, я выкупил их доли и в итоге остался один на один с быстро развивающимся и набирающим популярность изданием. И в какой-то момент пришло понимание, что это не бизнес, а благотворительный проект.

Когда пришло осознание, что проект удался, что он успешен?

— Есть какие-то косвенные признаки — это когда друзья присылают тебе фотографию журнала из Бразилии или Японии, покупают его в аэропорту в Бостоне. И однажды ты понимаешь, что его знают везде. Шутка ли — прямо или косвенно, но журнал распространялся в 50 странах мира. Второй индикатор — это отзывы людей и их благодарность, продолжение историй, опубликованных в журнале, понимание, что через «Ереван» происходят важные коммуникации. Например, мы написали о девушке — ландшафтном дизайнере, победившем на конкурсе, а кто-то из бизнесменов, благодаря журналу, нашел ее и теперь работает с ней, она делает хорошие проекты. Так, через журнал, выходили на широкую аудиторию многие молодые художники, скульпторы, музыканты, дизайнеры. Показателем успеха было и то, что вслед за «Ереваном» в Москве появился журнал «Баку» — нам стали подражать, ниша этнических журналов заработала. Еще одним критерием оценки было то, что большое число людей, ранее не желавших общаться с прессой, вдруг потянулись на страницы «Еревана», захотели быть на его обложках, многие признанные журналисты и фотографы также стали с удовольствием сотрудничать с нами. И, наконец, с чьей-то легкой руки в оборот вошла фраза, что в Армении есть только два качественных продукта — коньяк и журнал «Ереван». И это дорогого стоило.

Андрей Гордиенко

Сурен Манвелян

Многие люди, ранее не желавшие общаться с прессой, потянулись на страницы «Еревана», захотели быть на его обложках, признанные журналисты и фотографы с удовольствием стали сотрудничать с нами

Можно ли сказать, что «Ереван» стал одним из брендов Армении?

— Наверное, да. Он формировал мнение об армянах, об Армении, работал на ее имидж. В «Армении 2020» был очень важный девиз — сделать Армению конкурентоспособной страной, сделать так, чтобы быть армянином было выгодно, чтобы с армянами хотели делать бизнес, чтобы армяне не меняли свои фамилии в угоду конъюнктуре, а добивались всего, не стесняясь своего происхождения. Да, журнал работал на бренд страны и нации. Но, как это ни странно прозвучит, в некотором роде мы сослужили плохую службу рынку армянских медиа — глядя на журнал «Ереван», все думали, что это шикарный бизнес, успешный и прибыльный. За нами вскоре последовали другие, появилось много новых журналов в Армении, эта сфера стала развиваться. Но при этом понимание финансовых проблем приходило к издателям позже. А проблемы были — чего стоил только финансовый кризис 2008—2009 годов! Тогда я обратился за помощью к своим партнерам Рубену Варданяну и Анушавану Арзуманяну, вместе с которыми мы создали Фонд ARGA. Они поддержали проект, и мы как равные партнеры продолжили его. Всего же с начала проекта в него было вложено порядка 15 млн долларов. Были планы издавать журнал и на других языках — французском, испанском. Но на пике популярности журнала началась революция в СМИ. Рынок быстро менялся, и печатная пресса стала стремительно терять позиции.

Вы упомянули о Фонде ARGA. Известно, что, кроме поддержки журнала «Ереван», он реализовал немало благотворительных проектов культурно-образовательной направленности.

— Это и было его целью. К примеру, фонд финансировал издание целой серии книг, посвященной столетию Геноцида армян в Османской империи. Это были произведения не-армянских авторов, в разные времена писавших о Геноциде.

Фонд профинансировал также создание семейства армянских шрифтов Arian AMU. Эти шрифты, созданные Рубеном Тарумяном, дают возможность писать не только на армянском, но и на всех европейских языках, имея наборы кириллицы, латиницы и греческого, грузинского алфавита и иврита.

Мариам Лорецян

Армен Погосян

Арнос Мартиросян

Ну, и важной частью деятельности фонда была поддержка талантливых армянских студентов для обучения за рубежом. Образование во все времена было самым важным и ценным капиталом, а сегодня это вдвойне актуально.

Возвращаясь к проекту «Ереван» — были какие-то откровения, которые пришли благодаря работе над ним?

— Я не осознавал масштабы и размеры армянского мира. Зная, что у нас богатая история, я все равно даже предположить не мог, что она настолько увлекательна и насыщена интересными событиями, фактами. Как москвичи, за свою жизнь ни разу не побывавшие в городах Золотого кольца России или, к примеру, на озере Байкал, так и я обнаружил, что почти не знаю свою страну — материалы о путешествиях по Армении и вне ее становились для меня и для всех настоящим открытием. Ведь, как ни странно, многие жители Армении ни разу не бывали, например, в Арцахе. Благодаря журналу я узнал об армянских общинах Азии и Африки, о роли армян в становлении и развитии целых городов и стран. И я понял, как много молодых и талантливых армян, и не только знаменитостей, живет и творит в мире. Большим успехом было находить этих людей, общаться с ними, «вытаскивать» на свет их армянское начало. Одно дело — слышать разговоры об армянском происхождении тех или иных людей, и совсем другое — прочитать в журнале об армянской матери голливудских режиссеров братьев Хьюз или о семейном рецепте приготовления толмы от Андре Агасси. Когда Кирк Кркорян, человек достаточно скрытный и неохотно контактирующий с прессой, стоит на обложке «Еревана» и дает ему интервью — это успех.

Журнал со временем стал инициатором культурных, благотворительных проектов. Это было продолжение идей проекта «Армения 2020»?

— В каком-то смысле да. Одной из идей было как-то зафиксировать наш вклад в мировую культуру. И мы решили поставить памятник дудуку. Фрид Согоян сделал эскиз памятника, он нам понравился, и мы, скинувшись друзьями, собрали деньги и осуществили этот проект. Сначала мы хотели привезти его в Ереван, но это оказалось довольно сложно, поэтому решили оставить его в Москве, установили в Первом Щемиловском переулке, возле духовно-просветительского центра Армянской Апостольской Церкви. Очень помог нам в этом епископ Езрас. Впоследствии я был приятно удивлен, что копия этого памятника была установлена в Гюмри. Памятник дудуку положил начало целой череде проектов, осуществленных журналом «Ереван». Сначала наши журналисты выяснили, где жил незаслуженно забытый герой Сардарапатской битвы генерал Мовсес Силиков, и на наши средства на этом доме была установлена мемориальная доска. Затем на площади Республики при участии Нура был отреставрирован популярный ереванский родник «7 ахпюр». Без юмора в Ереване — никак, и вскоре на наши средства в Ереване был установлен памятник игроку в нарды — сегодня один из самых популярных и фотографируемых памятников. Совместно с Рафаэлем Оганесяном мы участвовали и в создании в Ереване памятника Уильяму Сарояну. Еще одним проектом стал памятник армянскому драму, а потом мы «замахнулись на святое» — отреставрировали и отремонтировали памятник Давиду Сасунскому, собрав на это деньги у друзей «Еревана». Естественно, памятниками мы не ограничивались — понимая, что, можем предлагать интересные и достойные решения, мы очень активно участвовали в культурной жизни Армении. Нами была создана целая серия постеров, посвященных 100-летию Уильяма Сарояна, юбилеям других великих представителей армянского народа. А когда Армения праздновала 20-летие независимости под логотипом, созданным именно нами, — это был повод для особой гордости.

Идеи появлялись спонтанно или это был результат долгих обсуждений?

— Город, среда сами иногда диктовали, что нужно сделать. Помню, я шел по улице и неприятно удивлялся, как много турецкой и арабской музыки доносится из музыкальных магазинов. Именно тогда с легкой руки Левона Айрапетяна мы познакомились с проектом «Перспективы XXI века», и журнал «Ереван» совместно с ними и при поддержке президента Армении организовал

Мариам Лорецян

Айк Мелконян

целую серию знаковых концертов в Ереване. Целое поколение, выросшее на музыке Джорджа Бенсона, услышало его в Ереване вживую. Два потрясающих концерта дал Валерий Гергиев. Концерты Пласидо Доминго, Горана Бреговича — всех не перечислишь. Многие студенты Ереванской консерватории получили возможность посетить эти концерты бесплатно и наверняка запомнят мастер-классы Лондонского филармонического оркестра. Они получили для себя новых героев, на которых можно равняться. Всего было организовано порядка 50 таких концертов. Я рад, что сейчас история этого фестиваля, ныне называющегося «Ереванские перспективы», продолжается. Это большой культурный стимул для страны. Крупным событием стал и организованный журналом «Ереван» концерт Лары Фабиан в Ереване и постановка детского мюзикла «Розовый солдатик» в рамках Дней Франкофонии в Армении. Еще одним интересным для нас музыкальным проектом стал выпуск дебютного альбома Fly талантливой армянской рок-группы «Дорианс», которая впоследствии представила Армению на конкурсе «Евровидение».

«Ереван» часто становился информационным спонсором многих значимых культурных событий в России, Армении, США. А в каких еще направлениях деятельность журнала была наиболее активной?

— Отдельно стоит сказать о туризме, который в Армении был провозглашен приоритетным направлением экономики. Был создан Фонд национальной конкурентоспособности Армении (NCFA) — пример партнерства государства и частных инвесторов. В стране стали запускаться различные туристические проекты, и самым грандиозным из них стал инициированный Рубеном Варданяном и реализованный под эгидой NCFA проект по восстановлению средневекового Татевского монастыря и строительству не имеющей аналогов в мире подвесной канатной дороги. В рамках этого же проекта была восстановлена уникальная средневековая маслодавильня в Татеве, была создана виртуальная 3D-модель Татевского монастыря. Это была колоссальная работа, давшая мощный толчок к развитию туризма в регионе. Тогда же вышел специальный выпуск журнала «Ереван», полностью посвященный южному туристическому маршруту — из Еревана в Татев. После чего появились и другие туристические приложения журнала «Ереван» — о зимнем туризме в Армении, об Арцахе, совместно с мэрией Еревана были созданы оригинальные и яркие путеводители по Еревану. Неслучайно, что второй слоган, который появился у «Еревана» — «Журнал не для армян, а про армян». Мы понимали, что журнал может и должен содействовать популяризации страны в туристическом аспекте, потому что читали его уже не только армяне, но и их друзья разных национальностей. Кроме того, многие наши партнеры ежегодно приглашались нами в Армению и Арцах, для них организовывались интересные программы, они узнавали Армению с новой стороны, и это стало новым мостом с внешним миром, популяризацией Армении через этих людей, их друзей и партнеров. Так что определенную лепту в увеличение туристического потока в Армению журнал, конечно, внес. Более того — мы активно участвовали и продолжаем участвовать в развитии туристической инфраструктуры Еревана. Так, нами был создан музей для посетителей Центробанка Армении, а также разработана концепция реконструкции и модернизации Музея-заповедника «Эребуни» в Ереване. Интересные идеи и креативные проекты — это то, что мы можем и должны предлагать своему городу.

Откровенно говоря, не все читатели знают об этих серьезных проектах, не все ассоциируют их с «Ереваном», с теми людьми, которые вложили в это огромные усилия и средства.

— Мы многое делали, но мало об этом говорили, руководствовались старой поговоркой — делай добро и бросай его в воду. У нее, кстати, есть продолжение — оно не пропадет, добром к тебе вернется. И сделанное нами не пропало даром — после нас в Ереване

Арнос Мартиросян

Арнос Мартиросян

Нам всем сегодня необходима культурная революция — повышение значимости культуры и образования в обществе, возвращение престижа культурным ценностям и традициям

Сурен Манвелян

появилось немало новых интересных памятников, музыкальных фестивалей, а, к примеру, инициатива журнала по художественному оформлению ереванских арок живет по сей день — мэрия активно продолжает реализацию этого проекта, и все гости города сами могут увидеть его результаты.

Этот номер журнала — подведение итогов прошедших 8 лет. Вы стояли у истоков «Еревана», какой итог вы сегодня можете подвести?

— С точки зрения издательской — это 88 выпусков высококачественного популярного журнала. Для нас же это были 8 лет обучения. Мы познакомились с огромным количеством интересных людей. Мы поняли, что умеем создавать конкурентоспособные продукты в Армении, и гордимся этим. Но методы распространения информации сегодня кардинально изменились. Печатная пресса стремительно уступает свои позиции Интернету. И журнал «Ереван» эта тенденция тоже не обошла стороной — мы тоже ушли в Сеть, сохранив при этом наш колоссальный ресурс — огромный архив фотографий и авторских материалов. Весь контент журнала, созданный за 8 лет, фактически стал бесплатной библиотекой, представленной на нашем новом сайте imyerevan.com. При этом мы сохранили печатный журнал «Ереван» на армянском языке — его уникальный формат, ориентированность на исключительно городские темы делают необходимым его физическое присутствие в ереванских кафе и ресторанах. Нам хочется менять Ереван к лучшему, ведь в итоге — все мы ереванцы, независимо от того, где живем — всех нас объединяет чувство сопричастности ко всему, что происходит в родном городе.

У журнала за эти годы сложилась большая аудитория, и ей сегодня интересно — что будет дальше?

— Дальше — поиск новых смыслов. Основная цель не изменилась — видеть конкурентоспособную Армению, сплоченный армянский мир с пересекающимися информационными потоками, что возможно только в виртуальной среде. А в базисе — культура и образование, без которых нет будущего. Да, читать сегодня стали меньше, читать стали иначе — изменился формат контента, он переместился в Сеть. Но при этом основные идеи сохранились, и философия проекта продолжает жить. Нам всем сегодня необходима культурная революция — повышение значимости культуры и образования в обществе, возвращение престижа культурным ценностям. Будущее — это вовлечение в орбиту этих идей все большего количества людей, которые вне Армении смогут поддерживать материально новые и новые проекты, а внутри страны будут вести ее к конкурентоспособности. И пока мы живем, у нас никто не отнимет эту миссию. Вопрос лишь в ресурсах, которые, как известно, всегда ограничены. Надо только суметь в условиях ограниченных ресурсов добиться своего. Сегодня перед нами новые вызовы. И мы их принимаем. ■

вполне себе армянский

«Я тебе говорю, такая большая роскошная армянская церковь, кажется, XVII или XVIII века. Где находится, точно не скажу — нас туда привезли ночью. Но очень красиво. Прямо на воде». Примерно это сказал мне папа после поездки в Голландию. Теперь туда собралась я и на этот раз точно решила взглянуть на эту церковь. Смущала лишь одна незначительная деталь. Вы когда-нибудь пробовали найти что-то в Амстердаме, зная наверняка лишь то, что оно расположено «на воде»? Вот и я о том же.

Текст **Заруи Мигранян**

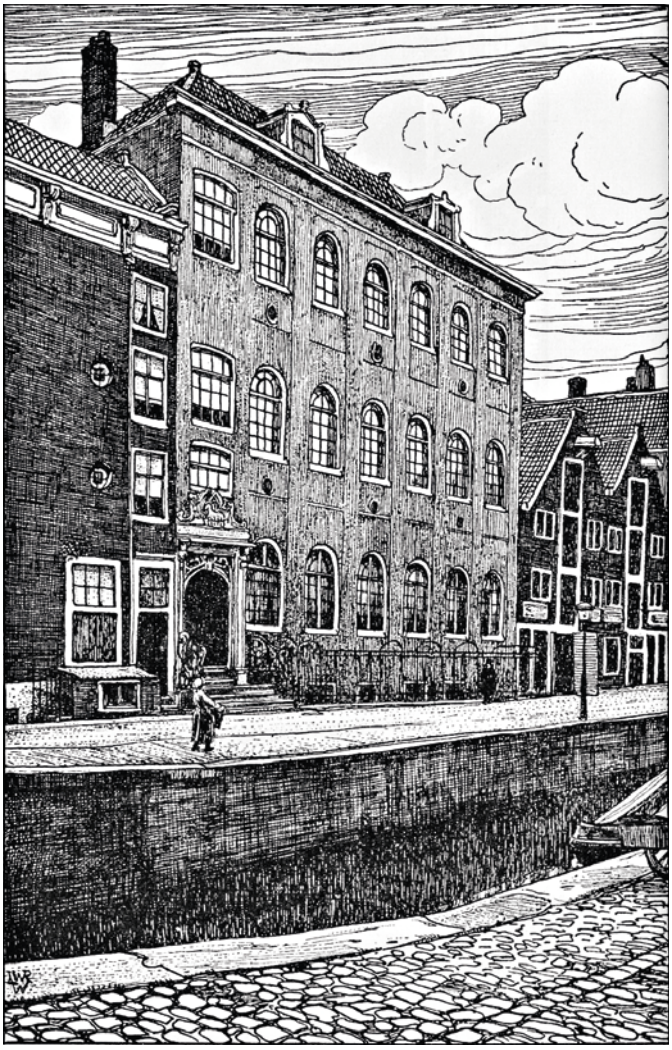
Sebastiaan ter Burg

Kitty Terwolbeck

Есть такая!

Стоит ли говорить, что первым делом я отправилась в справочное бюро для туристов, чтобы выяснить точный адрес. Женщина за стойкой обратила ко мне дружелюбное и несколько отрешенное лицо: «Армянская церковь? В Амстердаме? У нас такая есть?» — «Да, да, она у вас есть совершенно точно». Она застучала по клавишам компьютера, чтобы через каких-то секунд 15 радостно провозгласить: «Да! У нас такая есть!» Сжимая в руках бумажку с аккуратно написанным адресом — Kromboomsloot, 22, — я вышла в город, построенный на каналах. Ах, этот кукольный город, чья изломанная линия крыш столько раз завораживала меня в разное время суток, когда я любовалась ею, сидя утром в кафе с чашкой кофе или вечером в баре — с бокалом коньяка! Каналы, лодки, покатые крыши — ни одна не повторяет другую... Трамваи, велосипедисты, прохожие — все мелькает и куда-то несется, но выглядит при этом так живописно... Теперь, однако, мне предстояло найти место, связанное с пребыванием в городе армян.

Photo Robson



Jan Willemsen

←
«Армянская церковь на Kromboomsloot». Людвиг Виллем Реймарт Венкебах

Здание армянской церкви, украшенное всеми знаками, приличествующими храму, как то армянский крест, надписи на армянском, агнец над входом и так далее, с точки зрения архитектуры ничем не отличалось от остальных домов в квартале

Таксисты знают все

Шагая вдоль канала и постоянно сверяясь с картой, я не переставала приглядываться к прохожим, следуя совету старой кавээновской шутки о том, как отличить армянина в толпе. Я честно ждала 5 минут, как там рекомендовалось, однако решительно никто не спешил отличиться — потрясающее торжество голландской сдержанности. Оставалось надеяться, что я отличу здание нашей церкви, как только его увижу.

Однако все оказалось гораздо сложнее. Прежде чем добраться до цели, я успела заблудиться, наткнуться на странную статую, обнаружить остатки старой крепостной стены на площади Рембрандта. Помощь явилась неожиданно в лице команды таксистов, выстроивших свои авто в ожидании клиентов возле остановки. «Ну, уж вы-то знаете город!» — взывала я к их профессиональной гордости. Мой листок передавали из рук в руки, горловые раскатистые звуки становились все более торжествующими — да! — все ясно, это прямо за поворотом на параллельной улице. И я помчалась.

Сказать по правде, то, что я увидела, было далеко от ожидаемого. Церковь Сурб Оги действительно располагалась у канала и в весьма живописном месте: аккуратные мостики с обеих сторон, везде высажены цветы, редко какая машина проедет мимо — тишина и благодать словно разлиты в воздухе. Одно смущало: здание, украшенное всеми знаками, приличествующими церкви, как то армянский крест, надписи на армянском и голландском языках о том, что она была возведена в 1714 году с разрешения городского совета Амстердама, агнец над входом и так далее, с точки зрения архитектуры ничем не отличалось от остальных домов в квартале. Церковь не просто не стояла отдельно, классическим армянским архитектурным ансамблем, она стеной соприкасалась с соседним домом и имела крышу такой же точно высоты и формы. Впрочем, я вспомнила патриарший собор Русской Православной Церкви на Манхэттене — абсолютно та же ситуация снаружи, и огромное красивейшее помещение внутри. Поднявшись на крыльцо, я потянула внушительных размеров дверную ручку, но дверь не поддалась, храм совершенно очевидно открывают лишь на время службы. И еще больше стал мучить вопрос: куда же делись все армяне? ▸

→
Барельеф над входом
в армянскую церковь

Величие и толерантность малых

В одном из центральных залов Музея истории Амстердама большую часть стены занимает карта мира нового времени. Ярким, хотя и довольно маленьким пятном на ней выделяется Голландия, а от нее — переливчатыми разноцветными нитями бегут стрелки во все концы света, соединяя построенную на воде страну с внушительными по территории державами. Один цвет означает торговые связи, другой — военные союзы, третий — колонизацию. Независимость, отвоеванная в суровом противостоянии с могущественной Испанией, с которой сплотился весь католический мир, гордый дух свободы, выкованный в буре нидерландской революции и помноженный на суровую решимость приверженцев протестантской веры, — сплав, породивший удивительную нацию. Маленькая Голландия финансировала в XVII—XVIII веках войны, революции, политические аферы. Задолго до англичан выходцы из Нидерландов наживались на операциях Ост-Индской и Вест-Индской компаний, торговали невольниками, строили Новый Амстердам, известный сегодня, правда, больше как Нью-Йорк, но все же местами сохранивший настрой и характер своих первых поселенцев. Я зримо представляю себе высоченных (это самые высокие люди в Европе) белобрысых парней, изъясняющихся на ужасающем языке, на слух напоминающем немецкий с сильным русским акцентом, строящих под обалдевшими взглядами индейцев ветряные мельницы на Манхэттене и презрительно называющих всех англичан «Янке», что в их понимании звучало как «Джонни».

Я стою перед этой картой и в который раз убеждаюсь, что не так важно, насколько велика твоя страна с точки зрения территории, а какой силой духа обладает ее народ. И представляю себе, как отчаянно приходилось сражаться с водой за каждый участок суши, на котором можно было бы построить дом или устроить пастбище — примерно так же, как армяне отвоевывали свою землю у камней.

«Уже в XVII веке жители Амстердама проявляли толерантность во многих отношениях, в частности, веротерпимость. В нашем городе, даже после того как протестантизм стал основным вероисповеданием, соседствовали католические храмы, несколько синагог и даже армянская церковь» — гласит подпись под следующим экспонатом. Вот это да! Я изо всех сил дернула за рукав своего бойфренда, техасца шотландского происхождения. Прочитав про армян, он широко раскрыл глаза и какое-то время беспомощно шевелил усами, как бы давая понять, что он тут ни при чем. Я его, как могла, успокоила, что в церкви побывала вчера, но теперь уже расследование относительно пути, который мои соотечественники проделали, чтобы поселиться в этих живописных местах, было просто необходимо. Так одному отдельно взятому усатому техасцу пришлось смириться с неизбежным: в тот вечер прошлое меня интересовало гораздо больше настоящего.

В XVII веке, даже после того как протестантизм стал в Нидерландах основным вероисповеданием, в Амстердаме спокойно соседствовали католические храмы, несколько синагог и даже армянская церковь

Claudio Ar

←
«Армянская церковь на
Kromboomsloot». П. Конради, 1786 г.

Gustavo Verissimo

Армяне во Фландрии

Первые упоминания об армянских поселенцах в Голландии, Бельгии и Люксембурге относятся к началу XI века. В бельгийском городе Брюгге, некогда бывшем голландским портом, они жили уже в XII веке. В 1345 году, как свидетельствует хроника, армяне получили разрешение продавать ковры перед церковью Св. Доната. После крушения Киликийского царства в Брюгге обосновалось множество армянских беженцев — здесь их поддерживали фламандские благотворительные общества. В 1478 году у них уже была в этом городе своя «Общинная гостиница» и священник, проводивший службу в церкви кармелитов. Однако уже к концу XI столетия большинство армян стало перебираться в Амстердам. Есть «армянские истории» и в других городах Фландрии: так, например, город Гент до сих пор чтит память Святого Макария, армянского чудотворца, умершего там в XI веке.

Ванские смогли бы

В Нью-Йорке, например, если вы приглашаете девушку в ресторан и не хотите за нее платить, можно сказать: «Давай по-голландски», и она заплатит за свое севиче или что-то более серьезное сама. При таком раскладе, конечно, вопрос о том, состоится ли когда-нибудь следующее свидание, останется открытым, но на то и дана первопроходцам отчаянная смелость. В Новом Амстердаме о жителях Старого Амстердама сохранилось много преданий, и одно из них — патологическая расчетливость, граничащая с жадностью. Ничего личного — просто денежки любят счет. Современные голландцы, демонстрируя приезжим изящные дворцы, красивейшие здания и уникальные росписи, выполненные признанными мастерами голландской школы живописи, любят картинно возводить очи к небесам, приговаривая: «Ну, вы понимаете, ведь раньше мы были богаты». Это выглядит вдвойне забавно, особенно когда рядом стоит человек, ведущий с Нидерландами бизнес, и свистящим шепотом комментирует: «Ох, они и сейчас не менее богаты...» Вот я и думаю: скажите, как в этом кукольном городе, где все вымерено и просчитано, где тратить деньги — смертный грех, как здесь могли жить армяне — шумные, гостеприимные, расточительные? Кстати, задав этот вопрос одному из друзей семьи, недавно вернувшемуся из путешествия по Западной Армении, получила неожиданный ответ, вызвавший дружный смех: «Ванские смогли бы». Так или иначе, армяне здесь появились давно.

→
Карта Амстердама. 1600 г.

↓
«Большой рынок морских и речных рыб в Амстердаме». Гравюра, 1691 г.

Дальновидный армянин

Когда первое голландское судно вошло в порт Константинополя в 1594 году, над ним еще развевался английский флаг, поскольку Англия имела с Турцией более выгодный торговый договор. Однако ситуация изменилась быстро и кардинально, когда за дело взялся один дальновидный армянин — оттоманский адмирал Халил-паша. Он с ходу оценил, что вести дела с голландцами напрямую будет гораздо выгоднее, и максимально пролоббировал соответствующий договор, вступивший в силу в 1612 году. Теперь Нидерланды получили такие же торговые привилегии в турецких портах, как Англия и Франция. Постепенно практически вся торговля Голландии с Востоком сосредоточилась в руках армян. В архивах Гааги до сих пор хранится адресованное в Генеральные Штаты Объединенных Провинций (Нидерланды) письмо, датированное 1568 годом, относительно некоего диспута между голландским консулом в Алеппо и армянскими купцами этого города. Любопытно, что адрес написан армянскими буквами, но по-итальянски. Начало письма, вежливое, комплиментарное, составлено на классическом армянском, основная же часть — на персидском наречии армянского языка.

В сам Амстердам армянские купцы прибыли в 1560—1565 гг. Начинали они с того, что продавали ковры, пряности, шелк, драгоценные камни и закупали местные товары для экспорта. История же организованных поселений в Голландии начинается лишь в 1660 году. Армянские торговцы перебрались сюда из Смирны, причем в довольно внушительных количествах. Вскоре они даже получили официальное право работать на фондовой бирже. По свидетельствам современников, армяне в основном расселялись на улицах Monnikenstraat, Dykstraat и Keiserstraat и вели бойкую торговлю на Восточном рынке. ▸

← «Старый Амстердам». Баренд Корнелис

Jan Willemsen

→ Madelievenstraat. Людвиг Виллем Реймарт Венкебах

Йорис, Элиас и «персы-христиане»

Первые армянские переселенцы, не знавшие голландского языка, на новой родине, конечно, оказывались легкой добычей для нечистых на руку местных предпринимателей. Показательно, что на первых порах армяне даже не пытались поправлять голландцев, когда те по ошибке называли их персами-христианами или христианами-смирнцами — очевидно, им было не до расширения кругозора своих новых соседей. Даже церковь, которую они возвели, в народе называли персидской. Однако те, кто приезжал в Нидерланды со следующими волнами миграции, были, по словам голландского историка, «в большинстве своем хорошо образованные люди, которые, помимо собственного языка, прекрасно говорили по-итальянски и по-французски». Они быстро изучали голландский, легко завязывали деловые отношения с местными жителями, женились на голландских девушках и даже меняли свои имена на голландский манер, превращаясь, к примеру, из Серкиса Богоса в Йориса Паулусца или из Егии Петроса в Элиаса Питерса.

Взаимовыгодное сотрудничество в Восточной Индии постоянно укрепляло связи между армянскими и голландскими купцами, и к 1645 году уже практически вся персидская торговля велась Голландской Ост-Индской компанией. К тому времени некоторые армяне из Новой Джульфы в Персии успели основать процветающие предприятия в Амстердаме. То были наследники армян, бежавших в Голландию за три столетия до падения армянского Киликийского царства.

«Армянский купец» и Наполеон

Деловые предприятия армян в Амстердаме процветали, распространяя свое влияние и открывая дочерние компании в других европейских городах, среди которых были Венеция, Ливорно, Марсель, города Испании. С берегов Балтийского моря они импортировали желтый янтарь, на который был огромный спрос в Смирне. Поставки персидского шелка до 1765 года практически полностью находились в руках армян. Поскольку в те времена Средиземное море кишело пиратами, корабли армянских купцов, ходившие под голландским флагом, эскортировались военными судами. К примеру, в консульском отчете за 1653 год говорится, что корабль Coopman van Armenien, то есть «Армянский купец» (греет душу, что не «Летучий армянин»), был эскортирован военным кораблем Gelderland и благополучно достиг берегов Смирны. Сохранилось соглашение между голландским морским капитаном Стином и шестью армянскими купцами из Амстердама, оговаривавшее условия, на которых товары последних могли быть доставлены в Ливорно. Документ, датированный 1627 г., заключает в длинном списке подписей именные печати купцов: Сархат, Закар, Оган, Маркос, Петрос и Оваким. Финал этой зажиточной, респектабельной и размеренной жизни наступил совершенно неожиданно. Наполеоновские войны — колоссальное потрясение для всей тогдашней Европы — положили конец процветанию армян в Голландии. В результате французской оккупации Амстердам практически обезлюдел. От армян, похоже, должны были остаться лишь воспоминания. Впрочем, достаточно яркие. Как сказал на страницах журнала De Groene Amsterdammer от 14 августа 1887 года голландский автор: «История армянской общины — это золотая страница в истории города Амстердама». Возможно, единственным напоминанием о тех славных временах осталась армянская церковь. В то время как армянским католическим священнослужителям требовалось особое разрешение, чтобы находиться в Нидерландах, армяне, принадлежавшие к Армянской Апостольской Церкви, пользовались правом иметь своего собственного священника. Именно в Амстердаме в 1666—1668 годах Воскан Ереванци напечатал первую Библию на армянском языке. А потом именно амстердамские армяне первыми привезли печатный станок в Иран. В 1713 году городской совет Амстердама разрешил армянской диаспоре построить собственную церковь — ту самую «персидскую», которая «прямо на воде». Однако из-за резкого сокращения паствы здание в 1828 году было продано католической общине города за 10000 флоринов. И только в 1987 году армяне-переселенцы из бывшего СССР смогли выкупить здание старой амстердамской церкви.

Mirjam Brenn

Ситуация изменилась, когда за дело взялся один дальновидный армянин — оттоманский адмирал Халил-паша с ходу оценил, что вести дела с голландцами напрямую будет гораздо выгоднее, и пролоббировал соответствующий договор

→
Титульный лист первой печатной Библии на армянском языке, изданной в Амстердаме. 1666 г.

Не последняя золотая страница

Я читала и читала заметки и репортажи о жизни армян в Голландии, даже не замечая, что исторические перипетии уже давно сменились реалиями сегодняшней жизни. Вот сообщение о том, как торжественно прошел Праздник родного языка, объединивший учащихся армянских школ Нидерландов. Или материал о том, что голландский композитор Ролф Страфер, побывав в Армении, влюбился в нашу страну и сейчас учит армянский язык. В маленькой Голландии, где армянская община насчитывает по разным подсчетам от 7 до 9 тысяч человек, действует несколько организаций, поддерживающих жизнеспособность диаспоры, объединенных в Федерацию армянских организаций Нидерландов (FAON). Армянская молодежь регулярно устраивает мероприятия в день памяти Геноцида. В отчетах о проведенных шествиях не может не умилять, как с голландской педантичностью и аккуратностью факелы в руках участников заменяются карманными фонариками. И уж точно не может не трогать, что в этих акциях памяти участвуют депутаты парламента и представители других общин...

Погрузившись в чтение, я и не заметила, что холл гостиницы давно опустел. И лишь мой единственный техасско-шотландский слушатель безропотно кивал на каждый мой восторг по поводу нового открытия. Это не могло не вызывать подозрений, ведь я знаю, что иногда ему нравится просто слушать звук моего голоса. Но нет, он так проникся услышанным, что готов был признать, что «Амстердам — вполне себе армянский город». Это, конечно, был некоторый перебор, но в душе я точно знала, что город с изломанной линией крыш отныне будет хранить для меня что-то родное, а перевернутая некогда Наполеоном «золотая страница» не стала последней в армянской летописи Голландии. ■

WELSCHRIESLING
GRÜNER VELTLINER

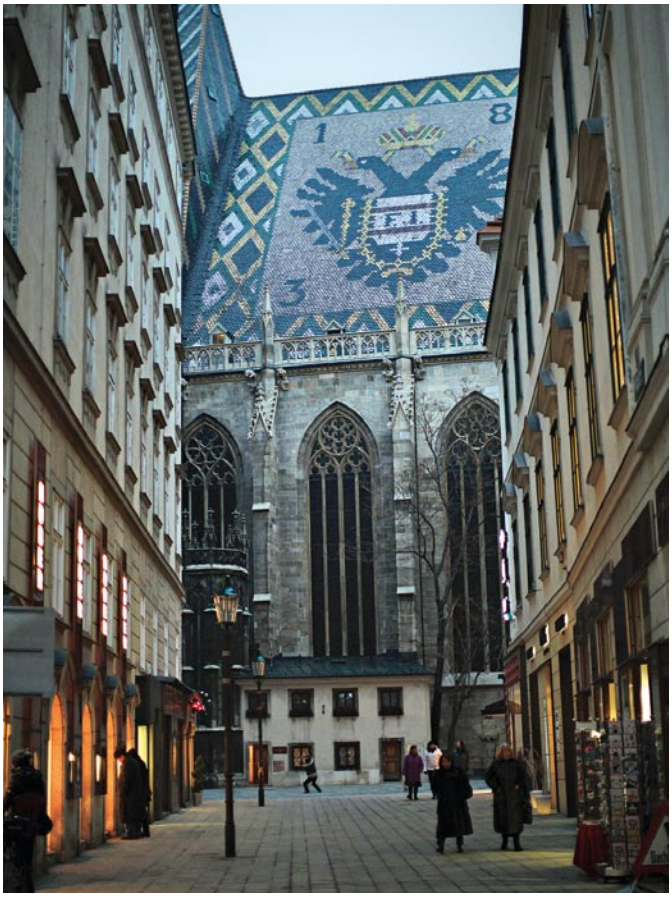
Вена, кофе, два стола

В Вену, встречавшую гостей холодным пронизывающим ветром, нас привел исторический факт, не очень широко известный. Речь о том, как подданный турецкого султана, армянский торговец Йохан Диодато (Ованнес Аствацатур) более 300 лет назад открыл первую в Вене кофейню, где подавал до той поры неведомый ее жителям напиток — каву. Кофейный бизнес быстро прижился в австрийской столице, а кофе-хаусы стали визитной карточкой города. Но помнят ли в Вене о Диодато и знают ли о кофе по-армянски?

Текст **Артавазд Егиазарян** | Фото **Арнос Мартиросян**

Вена — город до невозможности культурный. Буквально на каждом шагу можно встретить книжные магазины, а в музыкальных одна витрина обязательно забита дисками с классикой. Перед собором Св. Стефана (по-местному — Штефансдом) мужчины, одетые по моде XIX века, предлагают всем прохожим посетить klassisches Konzert, а красующиеся на каждом углу афишные тумбы зазывают на выставки Кандинского, Родена, китайского искусства периода культурной революции или сборной солянки, представляющей весь спектр эпохи Возрождения. Не говоря уж про целый квартал, нашпигованный музеями (истории искусств, естественной истории и пр.) — Museum Quartier.

Однако здесь можно встретить и суперсовременные сооружения, напоминающие о том, что на дворе XXI век. Взять хотя бы новый отель класса люкс Sofitel Stephansdom, в котором остановилась команда «Еревана». Это расположившийся на берегу Дуная 18-этажный небоскреб из стекла и стали, черно-белый снаружи. Интерьер каждого из 182 номеров отеля оформлен в едином цвете — белом, светло-сером или черном. При этом небоскреб в полной гармонии с жемчужиной старой Вены — собором Св. Стефана. Связь двух строений разных эпох подчеркивается внешней отделкой одного из крыльев высотки — его крыша, как и крыша собора, украшена мозаикой. Ассистент менеджера отеля, миловидная Бриджит, воодушевленно рассказав о возможностях вверенного ей объекта, наконец решила справиться о том, чем же Вена так заинтересовала армянских журналистов. Услышав вкратце историю



Услышав вкратце историю Ованнеса Аствацатура, менеджер отеля Sofitel Stephansdom Бриджит была ошеломлена: — О боже, я об этом и понятия не имела. Спасибо армянам за этот подарок! Вену без всех ее кафе представить просто невозможно

← Знаменитый собор Св. Стефана

→ Кофейня Starbucks на месте кофехауса Fenstergucker (XIX век)

Отец Андреас, хранитель секретного рецепта «Мехитарине»

Ованнеса Аствацатура, Бриджит была ошеломлена:
— О боже, я об этом и понятия не имела. Спасибо армянам за этот подарок! Вену без всех ее кафе представить просто невозможно.
Да о чем речь, нам не жалко! Бриджит набросала для нас список самых интересных кофе-хаусов города и, конечно, посоветовала вечером попить эспрессо из кофе-машины в нашем номере.

***

Но перед тем, как исследовать Вену кофейную, мы решили заглянуть в Вену армянскую. А это в первую очередь подразумевает знакомство с армянским католическим братством мхитаристов, справляющим в этом году двухсотлетие своей деятельности в Вене. Оно же известно ликером «Мехитарине», создаваемым по секретному рецепту. В фирменном магазине рядом с аббатством нас встретил добродушный отец Андреас, уже четыре десятилетия являющийся хранителем секрета напитка и руководителем его производства. Услышав о цели нашего приезда, он признался в страстной любви к кофе. Я почему-то спросил, какой он любит.
— Армянский, конечно же! Мы раньше в аббатстве, знаете, сколько его пили?! Но сейчас как-то больше стало итальянского, из автоматов. Нет, армянский кофе — это нечто совершенно иное.
А дальше последовала занимательная история про одного мхитариста и венские кафе. Человек безумно любил кофе. Чтобы выпить, естественно, ходил в кафе. Когда ему предлагали кофе по-турецки, он выходил из себя, начинал объяснять, что его следует называть армянским, рассказывал историю Ованнеса Аствацатура, известного здесь под латинским именем Йохан Диодато. Официанты кивали и подавали заказанный напиток. Через несколько дней мхитарист возвращался на то же место, просил кофе по-армянски, а официанты снова ничего не понимали и предлагали турецкий. Но член братства не сдавался и начинал все сначала... История умалчивает, чем закончилось это кофейное противостояние, но почин вполне интересный, благородный, можно сказать. А почему бы и нам не пройтись по венским кофе-хаусам и разузнать, насколько здесь чтят

Армянские пионеры европейского кофе

В 1672 году армянский торговец Арутюн (Паскаль) открыл в Париже лавку по продаже кофе рядом с собором Сен-Жермен, а затем основал кафе на набережной Эколь, на углу улицы Моне, которое стало первым кафе французской столицы. Позже кофейным бизнесом в Париже начали заниматься и другие наши соотечественники. В 1712 году сын Вардана Ованес открыл кофейню в Марселе. Другим армянским предпринимателем, ставшим одним из пионеров кофейного бизнеса в Европе, был Геворг Аствацатур Дамасский, известный также как Жири Деодат. Получив образование в Риме, Геворг в начале XVIII века попытал счастья в Вене, где уже открыл свое кафе Ованнес Аствацатур, однако позже перебрался в Прагу. К тому времени кофе в Праге продавали в аптеках как бодрящее средство, но кофеен как таковых не было. Геворг сначала стал заниматься торговлей вразнос — ходил по улицам города, неся на голове деревянный поднос с горячей чашкой кофе. В правой руке у него была посудина с горячим углем, а в левой — коробка с чашками и маленькими кусочками сахара. Несколько лет спустя, в 1714-м, он снял небольшой магазинчик и открыл там первое кафе в Праге. Оно действует до сих пор и называется U Zlateho Hada («У золотого змея»).

↑
Бренд венских мхитаристов — ликер «Мехитарине»

→
Зал библиотеки конгрегации мхитаристов

Йохана Диодато? Особенно учитывая, что пить кофе в Вене — одно удовольствие.

***

Первое кафе в Вене Диодато открыл в маленьком помещении на улице Хаармаркт, ныне Ротентурмштрассе, 14, в минутах ходьбы от собора Св. Стефана. И действует оно до сих пор. Площадь перед собором, как и столетия назад, — самая активная часть города. В средние века здесь собирались торговцы всяких мастей, публику развлекали трубадуры и бродячие актеры. Сегодня же туристы заглядываются на молодых брейк-дансеров и уличных музыкантов, среди которых, кстати, немало шарманщиков. Но главная изюминка — «лошадиная парковка». Прямо рядом с собором желающие могут взять одну из десятков элегантных карет, запряженных парой лошадей, покорно ожидающих команды «вперед» от извозчика. Однако нас больше интересует заведение, открытое армянским кофейным пионером. Как попасть в это историческое место, мы узнали у совершенно случайно встретившегося нам соотечественника, ювелира Парнака Микиряна. Его фирменный магазин находится прямо перед McDonald's Cafe на Зингерштрассе. К слову, он — земляк Диодато, выходец из Константинополя. Первая венская кофейня сейчас действует под вывеской Daniel Moser. О том, что заведению более трех столетий и уж тем более о его армянском происхождении, казалось бы, ничто не напоминает. Хотя нет, если приглядеться, то на стене рядом с барной стойкой можно заметить бронзовую табличку с краткой историей кафе — от прибытия на австрийскую землю армянина Ованнеса Аствацатура до получения им эксклюзивного права на кофейный бизнес и основания на этом самом месте старейшего венского кафе.

Усевшись за маленький, протертый миллионами локтей столик, главным украшением которого была пара (похоже, австрийцы наших суеверий не разделяют) тюльпанов в бутылке от кока-колы, оглядываемся. Прямо над головой — огромный портрет Джеральдины Чаплин. Дочь великого комика смотрит поверх поднесенной к губам чашки кофе. И непонятно, то ли с тобой кокет-

↓
Венский ювелир Парнак Микирян

→
Большой зал кафе Central

ничает, то ли флиртует с Марчелло Мастроянни, красующегося с чашкой кофе в руках на противоположной стене. Официант Дарио подает нам меню, где в разделе «кофе» перечислены исключительно итальянские наименования типа капучино и американо. Но мы просим подать кофе по-армянски.

— Нет такого, — невозмутимо отвечает Дарио.

А как же армянские корни Daniel Moser?

— Да, первым владельцем этого кафе был армянин, но больше мне ничего не известно. Может, мой босс вам поможет, приходите как-нибудь вечером. Конечно же, вернемся! Более того, уговорим босса обязательно включить в меню кофе по-армянски.

А пока заценим, пожалуй, самое культовое кафе в Вене — Central.

***

«Квартал осмотрен» — говорится в сообщении, оставленном советскими саперами на стене здания знаменитой Испанской школы верховой езды. Любители истории австрийцы во время реставрации здания бережно сохранили надпись, сделанную во время Второй мировой войны. Через полчаса прогулки по живописным окрестностям мы тоже вполне могли подписаться под этим сообщением.

←
Вход в самое знаменитое венское кафе Central

Central — место, где в начале XX века любили тусоваться большевики, во время II Мировой ненадолго было закрыто. Потом кафе открыли заново, правда, перенесли его в другое крыло старого здания на улице Херренгассе. Шагов за двести до известной вывески становится ясно, что кафе это ищут очень многие. На той же улице у входа в продуктовый магазин, работникам которого, судя по всему, надоело показывать путь заблудившимся туристам, висит написанное от руки сообщение на английском: «Кафе Central в ста метрах, идите в том же направлении!» И, на всякий случай, жирная стрелка.

Как и ожидалось, в кафе многолюдно. Но столик на двоих для нас нашелся. Подошедшей через пару минут официантке задаю тот же провокационный вопрос про кофе по-армянски. Девушка заметно смутилась.

— По-армянски?.. Нет... Но есть кофе по-турецки!

Да что вы говорите... И как же его готовят, интересно знать?

— Прожаренный молотый кофе вместе с водой, готовится в джазве... Ну, знаете, это такая штука...

И начинает показывать в воздухе сие приспособление — мне, армянину!

— ...и вместе с ним еще подаем рахат-лукум. ▸

У входа в продуктовый магазин, работникам которого надоело показывать путь заблудившимся туристам, висит написанное от руки сообщение на английском: «Кафе Central в 100 м, идите в том же направлении!» И, на всякий случай, жирная стрелка

→
Кафе Landtmann. Любимый столик Зигмунда Фрейда забронирован

На мое замечание, что, в принципе, если убрать рахат, то армянский кофе точно такой же, официантка неловко улыбнулась, и на этом наш диспут закончился. «Турецкий» кофе, кстати, был восхитительный.

***

Шагая по улицам венского центра, можно заметить, что здесь совершенно особое отношение к истории. И дело даже не в том, что на входе какой-нибудь маленькой юридической конторы или ювелирного магазинчика может красоваться надпись типа «с 1832 года». Поражает огромное число антикварных магазинов. Здесь вам и книги, и мебель, и украшения. Нам попался даже магазин, специализирующийся на древностях, связанных с оперой, а потом небольшая лавка, где старик с усталыми глазами выставил на продажу мечи и доспехи времен Римской империи, которым мог бы позавидовать любой музей мира.

Этот исторический след можно заметить и в кофейной жизни Вены. Как и Central, очень многие местные кофе-хаусы особенно гордятся своим возрастом и, конечно же, знаменитыми завсегдатаями. В справочниках и рекламных проспектах так и пишут: кафе действует с такого-то года, излюбленное место такого-то писателя (музыканта, политика и т.д.). И если в Central частенько захаживали будущие вожди русской революции, то в Landtmann в свое время можно было застать Зигмунда Фрейда. В холодный февральский вечер свободных мест здесь почти нет. И все-таки мы устроились за крохотным столиком в одном из залов. У подошедшего официанта запрашиваем кофе по-армянски.

— Извините, а что это?

Пересказываем рецепт, официант смотрит озадаченно, потом предлагает турецкий кофе. Призрак старого мхитариста саркастически ухмыльнулся. Ну что ж, так и быть. Кофе принесли в странных чашках без ручек, да еще и сладкий. Хотя в сочетании с Захер-торте (Sacher Torte) все было вполне прилично.

К тому времени, когда мы были готовы вновь двинуться в путь, кафе почти опустело. Венцы отправились по домам готовиться к очередному рабочему дню. А на любимом месте герра Фрейда — в конце зала, прямо за роялем, стоит табличка «зарезервировано», как будто легендарный психолог закрепил его за собой до скончания времен.

Кафе Frauenhuber в своем рекламном буклете с гордостью сообщает, что его частенько посещали Моцарт и Бетховен. Более того, пару раз они здесь даже играли для посетителей. Но этими классическими джем-сейшенами реклама не ограничилась. Там же безапелляционно было заявлено, что Frauenhuber — якобы первое кафе в Вене. Приводится при этом год 1824-й. Добравшись до места, мы поняли, что здесь действительно не слышали ни про армянского предпринимателя, ни про кофе по-армянски. Та же ситуация была с Kleines Kafe («Маленькое кафе»), которое все еще считается самым маленьким кафе в городе, хотя не является таковым с 1950-х годов, когда историческое помещение — зал с парой столиков и барной стойкой — было расширено. Сейчас как минимум одно кофейное заведение, увиденное нами, — Daniel Moser — реально может соперничать с Kleines за звание самого маленького.

Лишь одно кафе в Вене при желании может похвастать тем, что в начале прошлого века в нем ошивался молодой художник-неудачник по фамилии Шикльгрубер, впоследствии ставший политиком-шизофреником

Адольфом Гитлером. Речь о кафе Sperl, сумевшем сохранить общий вид, дух и шарм былого времени. Когда, уютно устроившись у окна, мы решили уточнить у официантки, за каким именно столиком любил засиживаться герр Шикльгрубер, она вдруг занервничала, сказала, что это было давно и побежала за менеджером. Улыбчивый мужчина средних лет, почти извиняясь, сообщил нам, что кафе Sperl вообще-то не гордится тем, что Гитлер так часто к ним захаживал. А когда речь зашла об армянском кофе, бедный менеджер вообще не нашел что сказать. Слово «джазве» его совсем выбило из колеи, так что мы обошлись обычным эспрессо в волшебной атмосфере довоенного венского кофе-хауса.

На некоторое понимание мы надеялись в кафе-магазинах известной марки Julius Meinl. Сам Юлиус Майнл, основатель компании, существующей с 1862 года, приехал покорять столицу империи из провинции и достиг успеха тем, что додумался продавать кофе уже обжаренным. Сегодня компания — одна из немногих

↑ Кофейни Julius Meinl специализируются на приготовлении восточного кофе

↓ В кафе Sperl не особо гордятся тем, что когда-то его облюбовал молодой Адольф Шикльгрубер

→
Кафе Sperl находится неподалеку от места, где жил Шикльгрубер

в Австрии, специализирующихся на восточном кофе. Об этом свидетельствует и логотип — профиль мальчика в феске (в такой же, скорее всего, гулял по Вене Ованнес Аствацатур). Однако и здесь официантка лишь выпалила на ходу: «У нас есть турецкий кофе», — и ушла обслуживать другого клиента.

***

Несмотря на свою солидную историю, заведения Julius Meinl — не классические венские кофейни. Это, скорее, такой кофейный фастфуд. И, естественно, не единственный в своем роде: знаменитый американский Starbucks просто не мог обойти стороной Вену. Одна из его кофеен находится по соседству с достопримечательностью города — знаменитой Венской оперой. Где, к слову, часто выступают наши Асмик Папян и Сергей Хачатрян. К моменту, когда мы оказались перед входом в Starbucks, от морозного ветра у нас уже скрипели все кости, поэтому не зайти погреться было бы верхом безрассудства. Естественно, о том, чтобы завести разговор об армянском кофе, мы и не думали. Это выглядело бы так же странно, как если заказать толму в McDonald's. Зато карамельное макиато в огромной кружке успешно прогрело нас и придало сил для продолжения тура. Как это водится в Вене, старбаксовское заведение тоже имело под собой историческую основу. Раньше по этому адресу находился Fenstergucker, один из известных кофе-хаусов конца XIX — начала XX века. После Второй мировой его прикрыли, превратив в магазин одежды, но потом здесь стали снова подавать кофе. Прижился он тут.

***

Как и обещали Дарио, через пару дней вечерком мы снова наведались в Daniel Moser. Босс — молодая смуглая женщина по имени Юлия — с улыбкой встретила гостей, интересующихся заведением. Услышав волшебное слово «журналисты», менеджер, она же совладелец кафе, вкратце рассказала историю Диодато, которую мы и так знали. Интереснее было услышать о новейшей истории кафе. Оказалось, что долгое время помещение это использовалось под магазинчик. И лишь в конце 1970-х было решено возродить старейшее венское кафе. По уверениям Юлии, помещение осталось абсолютно таким же, как и при жизни Аствацатура. Но почему Даниель Мозер? Нет, это не один из владельцев заведения, как нам показалось вначале, а историческая личность — бургомистр Вены. Юлия уверяла, что именно Мозер сыграл решающую роль в открытии в городе кофейного бизнеса Диодато. Что ж, вполне достойный повод, чтобы назвать его именем первое в городе кафе. Позже я попытался найти информацию о Мозере, и выяснилось, что умер достопочтенный губернатор за год до рождения Диодато и, соответственно, никак не мог способствовать развитию его бизнеса. Ну ладно, бог с ним, с названием, хотя в любом случае было бы логичнее назвать кафе в честь самого Аствацатура. Но почему в кафе, открытом Диодато, не подают тот самый кофе, который готовил он? А еще было бы прекрасно, если бы Юлия по нашей просьбе внесла в меню кофе по-армянски.

— Да в этом нет смысла, люди приходят к нам пить капучино или эспрессо, а турецкий кофе никому не интересен, — скептически отозвалась девушка. — Историю мы, конечно, чтим, помним, что австрийцы научились пить кофе у турок...

— У армянина. Диодато был армянином.

— Ну да. А вы откуда, кстати?

— Из Армении.

— А я из Турции.

Если бы Диодато оказался в современной Вене, он бы возгордился плодами своего труда. А что касается кофе по-армянски, то дело тут вовсе не в рецепте и не в джазве. Любой кофе при желании может стать армянским. А вот как — каждый армянин решает по-своему

→ Кафе Kleines считается самым маленьким в городе

↓ Кафе, основанное Йоханом Диодато и действующее сегодня под названием Daniel Moser

Символично: в самом центре австрийской столицы турки продолжают дело, начатое армянином, который, в свою очередь, приехал сюда из Турции. Кофе сближает.

***

Под конец нашего кофейно-исторического расследования мы решили прогуляться до парка, названного именем Диодато. Он был открыт несколько лет назад усилиями местной армянской общины. Парк оказался крохотным квадратным садиком с несколькими скамейками. Гуляющие здесь венцы, правда, не особо представляли, кто же этот человек, чье имя красуется на табличке у входа. С одной стороны, грустно. С другой, если бы Диодато на один день оказался в современной Вене, он бы точно возгордился плодами своего труда. А что до кофе по-армянски, то дело тут вовсе не в рецепте и не в джазве. Любой кофе при желании может стать армянским. А вот как — каждый армянин решает по-своему. ■

город перенесенных

Приехать в Степанакерт можно только с миром. Или за миром — ему здесь знают цену. Покой тут считают в пулях — за последние годы число следов от них на фасадах зданий не выросло ни на единицу. Вот и мир. И, уезжая, каждый хранит в себе то спокойствие, которое можно обрести только здесь, в столице непризнанной республики — одной из самых горячих точек Земли.

Текст **Нунэ Мелкумян** | Фото **Арнос Мартиросян, Айк Мелконян**

Опыт показывает: двух одинаковых поездок в Нагорный Карабах не бывает. И вроде бы все на месте — церкви и монастыри, горы и ущелья, города и села. Весна идет за зимой, осень за летом... И все равно — каждый раз Карабах новый. Или ты новый — в Карабахе. Вот и Степанакерт на этот раз не тот, что был прежде. И дело тут не столько в контрастах самого Степанакерта, сколько в настроении. Нет, не города и горожан, а того, кто смотрит на Степ, как его коротко называет здешняя молодежь. В зависимости от настроения, город может показаться достаточно большим или кукольно-маленьким, пасмурным или солнечным, оживленным или провинциально медлительным. Степанакерт — город на него смотрящего, по нему ходящего, с ним знакомящегося. Отсюда следует, что он — город каждого. Небольшое уточнение — каждого, кто приехал принимать. Ведь для того, чтобы город принял тебя, нужно принять его первым — сразу и безоговорочно. Для Степанакерта это единственное условие.

***

Я всегда приезжаю в Степанакерт в дождь и затемно — город пока ни разу не изменил этой сложившейся между нами традиции. Время года не принципиально. Прогнозы погоды, нетипичность проливных дождей в этом сезоне — все отходит на второй план. Дождь и точка. Так, сквозь непогоду, добираешься до уютного кресла, чтобы вдоволь напиться ароматного чая с чабрецом.
Ближайшее будущее наверняка сулит распитие напитков куда более серьезных по градусу и статусу, так что чай и дождь — мой джентльменский набор в первую степанакертскую ночь. И удивительно спокойно. Спокойно с тех самых пор, как сквозь запотевшее автомобильное стекло с шушинских поворотов замаячил внизу огнями Степанакерт. Сразу забывается утомительность шестичасового пути, пропадает ощущение нереальности, которое преследует с самого Бердзора. Граница осталась позади, а впереди он, Степанакерт. Добро пожаловать!

***

Вот уж и впрямь — город с акцентом. Самую простую фразу скажут так, что не поймешь. На словосочетании «женгялов хац» коммуникация запросто может закончиться. Но нет, дальше в ход идут гостеприимство и радушие — объяснят хоть на китайском, но объяснят. Хороших прогулок на голодный желудок не бывает, так что рынок — первый пункт степанакертской программы. Дальше закоулками выходим к самому главному городскому ориентиру — площади, которую в народе называют пятачком. Название это было настолько популярным, что его получило и первое городское кафе, открывшееся тут же, — «Пятачок». Сейчас открытые кафе есть по всему городу. Особенно много — вокруг круглого сквера со скамейками и памятником Степану Шаумяну. Памятник, кстати, отреставрировали совсем недавно, пару лет назад. До того в Степанакерте шли по этому поводу горячие споры: стоит ли ставить каменного революционера на площади? А потом пришли к выводу, что раз уж город носит его имя, то однозначно стоит. Так что на место Шаумяна теперь никто не покушается. Он стоит, окруженный зеленью и беспроводным Интернетом, — к последнему на площади может подключиться любой желающий. Вот так, революционные технологии — в массы!

← Площадь Возрождения

←
Проспект Азатамартикнери

→
Здание Прокуратуры НКР

***

Площадь Возрождения — одно из самых красивых и знаковых мест в Степанакерте. Там же — здание Национального Собрания НКР с замысловатым, похожим на церковный, куполом. Вообще, отстраивая Степанакерт, посчитали, что куполов мало не бывает — бросается в глаза еще один, на проспекте Азатамартикнери, на здании школы имени Егише Чаренца. Что касается площади, то она идет в ногу с новейшей историей Арцаха — день в день. Когда возникла необходимость 9 Мая устроить первый военный парад, выяснилось, что в Степанакерте нет ни одной подходящей площади. На той, которую выбрали, стояло здание редакции газеты «Советакан Карабах» — наверное, единственное, которое каким-то чудом осталось нетронутым во время войны. За три ночи здание просто разобрали до фундамента, уложили на его месте асфальт, подготовив площадь Возрождения к «парадному» виду. Единственное уцелевшее от войны здание стало жертвой, принесенной карабахцами миру. Со временем эту утрату возместили — сейчас Степанакерт отстраивается невероятными темпами. Каждый год появляются новые здания. Интересно, что на этой большой стройке необычайно чисто и уютно. Город скорее напоминает курортный, не покидает ощущение, что завернешь за угол, и там будет море. Им даже пахнет... А может, это моя генетическая мечта о море здесь слишком сильно дает о себе знать.

***

Наш гид на один день, работник Министерства туризма НКР Араик, приглашает пить кофе в «Пятачок». Отсюда видны стадион, где несколько лет назад сыграли грандиозную свадьбу на 700 женихов и невест, и прекрасный парк с аллеей памятников и аттракционами.
— Сейчас слишком жарко, поэтому в саду пусто. А вот вечером тут много народу гуляет, — рассказывает Араик.

В зависимости от настроения, город может показаться достаточно большим или кукольно-маленьким, пасмурным или солнечным, оживленным или провинциально медлительным. Степанакерт — город на него смотрящего, знакомящегося

Помню, в свой первый вечер в Степанакерте я была очень удивлена количеству людей, дефилирующих по улицам. Сначала мне показалось, что на площади митинг. Потом — что концерт. Выяснилось, особого повода для народных гуляний нет. То есть повода нет вообще, просто здесь каждый вечер — променад, спонтанные народные гуляния. Удивительно весело и спокойно в столице непризнанной республики. И это повод.
Вообще, степанакертцы всегда как-то по-особенному отдыхают. В первый приезд, помню, так же удивило количество мангалов — на каждом балконе. Нет чтобы во дворе один-два и вставать в очередь, как в Ереване. Но в Степанакерте люди не хотят ждать праздника. А в новогоднюю ночь традиционное блюдо здесь как раз шашлык, так что 31 декабря по незнанию можно запросто предположить, что в городе пожар — дымят все улицы разом. А это праздник к ним приходит. ▸

Площадь Возрождения — одно из самых красивых и знаковых мест в Степанакерте. Там же — здание Национального Собрания НКР с замысловатым, похожим на церковный, куполом. Вообще, отстраивая город, посчитали, что куполов мало не бывает

***

Два здания неподалеку от площади, кажется, настолько стары, что и не в курсе прошедшей войны. Они свое отстояли — сначала в Шуши, а потом в Степанакерте, куда их на заре революции целиком и перенесли. Не случись этого, неизвестно, уцелели бы эти здания в городе, где камня на камне не осталось. Белые и старомодные, они как два старика прячут за непросвечивающими окнами память. Мы зашли в то, что слева, — историко-краеведческий музей. Встретившийся в дверях мужчина сразу предупредил, что на второй этаж сейчас лучше не

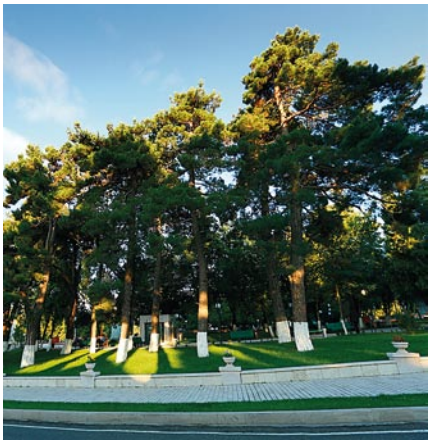
← Пушка, привезенная в Степанакерт после войны

→ Государственный университет НКР

↓ Памятник Степану Шаумяну в центре города

подниматься — он аварийный. Так от истории Карабаха остался только первый этаж — древнейшая история. В зале стоят огромные сосуды, похожие на карасы. В бронзовом веке в них хоронили людей. Тогда считалось, что человек, рождаясь и умирая, должен находиться в одной и той же позе — эмбриона. Вечный круговорот — для того, чтобы прийти к финишу, надо вспомнить начало. Еще в музее хранятся древние монеты, найденные во время раскопок в Тигранакерте, чучела характерных для края животных, портреты известных исторических личностей и два маленьких атриума. В каждом — традиционная арцахская комната и огромные куклы с челове-

↓
Пятачок



↑
Здание
Правительства НКР

→
Концертная сцена
на площади
Возрождения

ческий рост в национальных костюмах. Память — как отдельный экспонат, ведь с ней у карабахцев все в порядке. Они помнят и свершения древности, и тяготы войны. Из памяти они и вынесли самое главное — гордость и непоколебимость. Карабахский формат.

***

На лужайке перед зданиями — большой бронзовый одуванчик работы известного скульптора Григория Потоцкого. Это памятник Доброте — «Одуванчик», лепестки которого в форме раскрытых ладоней символизируют руки представителей разных национальностей.

Подобные скульптуры Потоцкого установлены во многих крупных городах мира: Женеве, Москве, Гуанчжоу, Юрмале, Таллине...

— У нас много памятников, — рассказывает Араик, — причем необычных, интересных. Видно, город так настраивает людей — им хочется что-то ему подарить.

— Может, оставить что-то свое? — предполагаю я. И добавляю про себя: «Как кинуть монетку в фонтан».

Мы идем осматривать драматический театр. Вообще, в Степанакерте ереванцу сложно потеряться. И не потому, что город маленький. Есть что-то интуитивно родное в том, как связаны друг с другом улицы, — в их пересечениях, в площадях,

→
Скульптура «Одуванчик»
Григория Потоцкого

в расположении домов. Другие вполне могут и не обратить на это внимания, списав все на врожденную способность ориентироваться. Мне списывать не на что, за неимением. Объяснение нашлось позже: выяснилось, что первый генплан города был составлен в 1926 году архитектором Александром Таманяном. Потом было еще два проекта — в 1938-м и 1968-м, но оба следовали системе, разработанной Таманяном. Вот почему у Еревана и Степанакерта души так похожи.

***

Мы дошли до большого здания драматического театра с уютным скверико м перед ним. Сразу у входа — большой монумент с театральными масками, из которого бьет фонтанчик питьевой воды. Это неискоренимо: даже если не мучит жажда, сложно пройти мимо такого красивого пулпулака.
— На месте театра до 30-х годов прошлого века была большая степанакертская церковь, которую разобрали, — рассказывает Араик, — а потом, в 50-х, из ее камней построили здание драматического театра.
Я приглядываюсь: да, это видно. Что-то церковное в архитектуре театра не удалось скрыть. На большом крыльце никого нет, окна распахнуты настежь. Заглянув, вижу большой зал с пыльным полом. Похоже на танцевальный класс. Свежий воздух с улицы как будто вообще не проникает в распахнутое окно. Пыль в коридорах блестит на солнце,

Степанакертцы всегда как-то по-особенному отдыхают. В первый приезд, помню, так же удивило количество мангалов — на каждом балконе. Нет чтобы во дворе один-два и вставать в очередь, как в Ереване. Но в Степанакерте люди не хотят ждать праздника

←↑
Ночной Степанакерт

как драгоценная россыпь. Огромный рыжий кот нежится в солнечных лучах, а где-то вдалеке слышны чьи-то шаги.
— Театр работает?
— Бывают представления, — говорит Араик, — даже гастрольные.
Шаги приближаются, отдают эхом. Может, такая хорошая акустика — благодаря церковным камням? Да, это место для духовной пищи. Как камни не перебирай.

***

Сколько по Степанакерту ни ходи, а хочется еще и еще. Кажется, уже вдоль и поперек знаешь этот маленький город, но интересным историям и городским легендам нет здесь счету. Душа — в улицах, сердце — в рассказах людей. Бесконечных. То и дело натыкаешься на что-то удивительное, да и вообще — смысл здесь многослоен, как будто все эпохи проходят перед глазами. Вообще, Степанакерт — город перенесенных. Перенесенных зданий и страданий. Перенесенных на мирное время ожиданий и больших надежд. И после войны, которую не каждый смог перенести, Степанакерт — все-таки город, который остался. ■

театр начинается с таксиста

По дороге в Тбилиси воображение все время рисовало маршруты, по которым я должна пройтись, — улицы моего детства, дома родных и друзей. Да, и самое главное, надо было повидать Игоря Сихарулидзе — бездельника и большого знатока города. Но, как говорила моя бабушка, в этом ненормальном Тифлисе нельзя строить планы, ведь никогда не узнаешь, за каким углом тебя будет поджидать сюрприз.

Текст **Элеонора Малхасян** | Фото **Сурен Мелик-Карамян**

2003 – 2013 Лучшее г

Не успела открыться дверь «Газели» на Ортачальском автовокзале, как к ней ринулась стая таксистов. Героически пройдя «зону особой опасности», я подошла к скромно стоявшему водителю и протянула ему адрес гостиницы.
— Армянка?
— А что, вы физиономист или нос сильно выпирает?
— Просто вы вышли из микроавтобуса, на котором огромными буквами написано «Ереван».
Как только такси тронулось, водитель представился: «Серож», и в его национальной принадлежности тоже не осталось сомнений — земляк!
— Обожаю Армению, — сразу признался он, и в подтверждение своих слов открыл бардачок, где хранился весь джентльменский набор, отражающий ярый патриотизм:

«Видите эту подпись на фотографии? — спросил Серож. — Это автограф Левона Иштояна. Я его как-то подвозил. Скромный такой. А как там наши молодые футболисты? Вах то, какой класс показали! Молодцы, я горжусь ими!»

↑ Винный подъем в старом Тбилиси

уже потрескавшаяся от времени фотография футболистов с надписью «Арарат-73», пустая коробка сигарет «Эребуни», выпущенных к празднованию 2750-летия Еревана, календарь с изображением Арарата, пластмассовая чашка с видами Армении и всякая мелочь.
— Видите эту подпись на фотографии? Это автограф Левона Иштояна. Я его как-то подвозил. Скромный такой. А как там наши молодые футболисты? Вах то, какой класс показали! Молодцы, я горжусь ими! В Эреване я был всего два раза. И то в советское время. Как эти «вардебис» перемены начались, все никак не получается съездить. Вкалываю с утра до ночи. Помню, у вас всегда было хорошее обслуживание. А еще мы таскали из Армении сыр, томатную пасту, бастурму, коньяк, ереванскую воду в канистрах...
Сыр с томатной пастой еще как-то вписывались в обязательный набор гостинцев с исторической родины. Но вода в канистрах! Господи, неужели это единственный способ утоления жажды по Армении?!
— Да, ереванская вода действительно вкусная, — согласилась я с Серожем, — особенно из-под крана. Пить ее можно бесконечно. Это такое наслаждение!
Серож резко затормозил. В зеркале были видны его глаза, полные ужаса.
— Вы ее пьете и до сих пор живы?!
— Так это она для вас — сувенир, а для нас — необходимость. Без нее — никак. Правда, сейчас всякую воду продают в бутылках. Но ничто не сравнится с ереванской водой из-под крана.
Серож остановился посреди дороги:
— Детка, обещай Серожу, что ты больше не будешь пить ереванскую воду! Вай ме, неужели все ереванцы ее пьют?! Они же вымрут, истребятся, исчезнут с лица земли.
В моей голове молнией пронеслось: «А может, он душев-

нобольной? Нет, шизика бы не пустили за руль. Хотя, кто знает, может, он денег отстегнул гаишникам? Надо же, как не повезло!» В реальность меня вернули сигналы машин и крики на улице. Образовалась пробка, и даже мне, не владеющей грузинским, стало понятно, что доза ненормативной лексики просто перешла все возможные пределы. Серож нахмурился, что-то пробубнил под нос и с трудом тронулся с места. Зазвонил мобильный.

— Все, дальше не поеду. Жена звонит. Мне домой надо, у меня обеденный перерыв.

— А мне что, пешком идти? Довезите меня до гостиницы, а потом делайте что хотите.

— Ладно, поедем со мной. Хоть ты и ненормальная, но не оставлять же тебя на улице.

С этими словами Серож стал судорожно набирать какой-то номер. «В психушку звонит», — подумала я, как вдруг он заговорил: «Марго, душа моя, у тебя всего 20 минут, чтобы накрыть приличный стол. У нас гостья из самого Эревана. Редкий экземпляр. Не успеешь — разведусь».

Дедлайн, поставленный перед Марго, был очень суровым. И я ее понимала. Мысленно перенеслась в родную редакцию, вспомнила наши дедлайны, быстро закрыла глаза, чтобы не видеть этого ужаса, и снова мысленно вернулась к Марго, с которой я не была знакома, но которая мне уже была бесконечно симпатична.

Если кто знаком с тбилисскими дворами, должен знать, что любые вести здесь становятся достоянием всех соседей за считанные секунды. Так что, когда машина затормозила у ворот, весь двор уже знал, что Серож едет с гостьей, да не с какой-нибудь, а с «экземпляром». Смотрели на меня как-то странно. «Ну, как наш Ереван? Как поживает Рубен Матевосян? А как там поющие фонтаны? А это правда, что Тата записывает диск с Кристиной Агилерой?» Тут Серож решил закрыть эту дворовую пресс-конференцию и взять ситуацию под свой личный контроль: «Все! Конец! Расходитесь по домам, надо будет — позову».

Поднимались мы к Серожу домой по кривым деревянным ступеням, и казалось, что каждая может стать последней в жизни.

— Страшно, — робко, чтобы не обидеть жильцов, сказала я.

— А воду пить не страшно? — хмыкнул Серож.

Дородная Марго без устали легкой бабочкой порхала между кухней и гостиной. В самый разгар трапезы в дверях образовался мужчина. Сытый и довольный жизнью Серож позвал его.

— Заходи, Самсон, дорогой. Видишь, кто к нам пожаловал?

Самсон прищурился — не признал. Надел очки. Потом с виноватой улыбкой, что так и не понял, кто же сидит за столом уважаемого соседа, попросил вторую пару.

— Тебя и телескоп не спасет. Ты ее не знаешь. Это наша гостья из Эревана. Никаких вопросов не задаешь, просто смотришь и радуешься. Это редкий экземпляр, эреванскую воду хлебает прямо из крана.

Самсон на всякий случай перекрестился. Сел за стол и не спускал с меня глаз.

Когда все возможное было съедено и выпито, Серож вышел на кухню, чтобы пошептаться с женой. Надо сказать, что шептался он весьма громко:

— Ты не думай, она не простая, это ведь сенсация — она эреванскую воду из-под крана пьет. Ты ничего странного в ней не замечаешь?

— Замечаю, — так же громко шепнула жена, — но не в ней, а в тебе. Дуралей, а какую воду ей пить в Эреване — тбилисскую или кутаисскую?

— Но ты же этой водой белье отбеливаешь!

— Раньше отбеливала, сейчас полно других средств. Тутуц ты, тутуц, это твоя матушка, царство ей небесное (сколько крови мне попортила), называла отбеливатель «эреванской водой». А его цивилизованное название — жавель, слышишь, жа-вель!

Что-то грохнуло. Мне показалось, что это чугунная сковорода опустилась на голову Серожа, и я заглянула на кухню. Все было намного хуже. От откровений жены Серож попятился назад, ударился об электрическую плитку, с которой перевернулась на пол огромная кастрюля с чахохбили. Посреди этой красоты стоял Серож, над ним словно дамоклов меч нависла рука Марго, и все это напоминало немую финальную сцену из какого-то тифлисского водевиля. ▸

Мой рейтинг в глазах томных дам неопределенного возраста сразу поднялся. И снова начались бесконечные расспросы про Ереван. И снова мне показалось, что Ереван — это несбыточная мечта всего в четырех часах езды от солнечного Тбилиси

← Кафедральный собор Самеба (Свято-Троицкий кафедральный собор)

↓ Отреставрированный старинный дом на Мейдане

«Собачий вальс» с авлабарским заходом

На улице Табидзе, которая значилась в одном из многочисленных томов моих блокнотов, непутевого Игоря Сихарулидзе не оказалось.

— А вы кем ему приходитесь? — полюбопытствовала женщина, наводившая марафет на балконе.

— Так, знакомая.

— У него этих «так знакомых» целый Тбилиси, пол-Кутаиси, четверть Зугдиди... О России и не говорю.

— А чем ему Кутаиси и Зугдиди не понравились? Нехорошо так относиться к периферии.

Не найдя, что ответить, женщина скрылась в узеньких дверях. Зато появился старичок, который сразу сказал, где его можно найти, — на Авлабаре.

— Так Авлабар большой.

— Дочка, он то ли на Сартичальской улице живет, то ли в Карданахском переулке.

Пришлось подниматься на Авлабар, где, как выяснилось, язык общения — армянский и только армянский. С великим и могучим русским здесь сложновато. Нет, все прекрасно его понимают, принимают и даже знают некоторые правила. Ну, например, что «соль» и «фасоль» пишутся с мягким знаком. Но, произнося эти слова, начисто забывают о нем.

Сартичальскую улицу я нашла легко, а вот отыскать переулок оказалось сложнее. Даже всеведущие жители Авлабара не знали о его существовании. Скорее всего, его переименовали. Вот и главную площадь Тбилиси переименовывали сотню раз, но армяне до сих пор называют ее Эриванской.

Возле магазина курил парнишка. От беспомощности я спросила сразу в лоб: «Знаешь такого человека — Игоря Сихарулидзе»?

— Я не знаю, но мой двоюродный брат тут знает всех. Пошли спросим.

Миновав несколько узких улиц, мы оказались во внутреннем дворе.

— Рома, тут Игоря Сихарулидзе спрашивают. Ты его знаешь?

Смерив меня с головы до ног, мужчина средних лет сказал:

— Я вас должен разочаровать. Он здесь больше не живет, переехал на Энгельса.

— А мне сказали — на Авлабаре.

Голос мой задрожал, как только вспомнила, с каким трудом пришлось преодолевать этот подъем, вымощенный булыжником. Роман неправильно меня понял:

— Да не переживайте вы, никуда он от вас не денется. Хотите воды, чаю, кофе?

— Хочу.

— Сейчас все устроим. Вы только пройдите в дом.

Оказалось, у Романа гости — несколько дам неопределенного возраста и парочка мужчин. Ни чаем, ни кофе здесь и не пахло. Зато между потолком и огромным дубовым столом завис запах алкоголя и сигарет. Роман вышел на кухню и вернулся со свежим столовым прибором и рюмочкой.

— Это наша гостья из Еревана, — представил он меня своим друзьям.

← Кружевные балконы — визитная карточка Тбилиси

Мой рейтинг в глазах томных дам неопределенного возраста сразу поднялся. И снова начались бесконечные расспросы про Ереван. И снова мне показалось, что Ереван — это несбыточная мечта всего в четырех часах езды от Тбилиси. Тосты сменяли один другой, комплименты лились рекой. Когда уже за всех на земле было выпито, Роман продемонстрировал мастер-класс по гостеприимству. Он встал посреди комнаты и голосом конферансье объявил: «А теперь небольшой концерт в честь нашей гостьи из Еревана!» Мне показалось, что сейчас трое мужчин станут исполнять знаменитое грузинское семиголосие. Но, оказалось, Роман решил блеснуть игрой на фортепиано.

— Так здесь же нет инструмента, — робко вставила я.

— Принесем. Тут тетя Айкануш живет, сейчас она на дежурстве в больнице — санитаркой работает. Она всегда оставляет нам ключи. Говорит: «Рома джан, если что понадобится, не стесняйся — бери».

Предлагая это, тетя Айкануш, скорее всего, имела в виду всякую мелочь, но никак не предполагала, что Роману может понадобиться расстроенное от старости и времени пианино «Музтрест».

Видавший виды инструмент был вдвое шире лестничного пролета. Таскали его, вспоминая родословные всех композиторов на свете, начиная от Моцарта, Баха и Бетховена. И тут у зажатого между перилами и пианино Кости выдавилось жуткое шипение: «Шшшшшшшш». ▸

↓→
Одна из улиц Авлабара — старого армянского квартала Тбилиси

— Да не шипи ты так, говори, что хочешь.
— Шшшшшопена забыли! А ведь у него прекрасные фортепианные произведения...
Наконец пианино втащили в комнату. Тут выяснилось, что никто из присутствующих не умеет на нем играть.
— Ну что, Ойстрах, играй, давай, — обратились они к Роману.
— Не Ойстрах, а Рихтер, — обиделся за маэстро Роман и посмотрел на Костю.
Тот в свою очередь посмотрел на Мераба, Мераб на женщин, женщины на меня. Тут выяснилось, что Костя умеет играть «Собачий вальс». Сразу вспомнили и хором рассказали интересную историю. Это нехитрое произведение он выучил, когда был безнадежно влюблен в учительницу музыки Кетеван из соседнего двора, которая каждый день проходила мимо его дома. Он, конечно, был готов выучиться музыке, но, во-первых, не было инструмента, во-вторых, способностей, а в третьих, он просто не хотел учиться. Однако, заслышав стук каблуков Кетеван, влюбленный юноша вновь бросался к матери: «Прошу тебя, отведи меня в музыкальную школу!» Все это в сгущенных красках маменька рассказывала Айкануш. А та, думая, что в их дворе, еще не родившись, так и умрет очередной Моцарт, великодушно согласилась, чтобы парень занимался на ее пианино — не пропадать же таланту! Но, видимо, не суждено было родиться Моцарту на Авлабаре. И «Собачий вальс» стал единственным произведением, которое одолел Костя. А страсть к музыке пропала у него в тот миг, когда он увидел, как красавицу Кетеван увозит в неизвестном направлении «двадцатьчетверка».

Когда это произведение было сыграно, наверное, уже в 101-й раз и народ сделал под него все возможные танцевальные па, на город опустился вечер. Во дворе раздался чей-то истошный вопль. Это была Айкануш, пришедшая домой с дежурства. «Вай ме, вай ме! Украли, унесли, ограбили! Это же память моего бедного Ованеса!» Пока Айкануш приводили в чувство, все протрезвели. Когда протрезвели, поняли, что поступили, мягко говоря, нехорошо. Когда поняли, решили вернуть «памятный» инструмент обратно. Но спустить его по узкой лестнице не смогли — ведь пианино было вдвое шире лестничного пролета.

Айкануш, думая, что в их дворе, еще не родившись, так и умрет очередной Моцарт, великодушно согласилась, чтобы парень занимался на ее пианино — не пропадать же таланту! Но, видимо, не суждено было родиться Моцарту на Авлабаре

→
Тбилисский государственный армянский драматический театр имени Петроса Адамяна

Страсти по Шекспиру

Ходить по булыжникам — не самое милое дело. А что прикажете делать, если пол-Авлабара выложено ими? Прихрамывая, добралась до Тбилисского государственного армянского драматического театра. Обошла его со всех сторон, но так и не заметила внутри ни единой живой души. Сидевшие возле театра мужчины поинтересовались, кого ищу.

— Да я из Еревана. Хотелось пообщаться с актерами.

— Не выйдет. Театр закрыт на ремонт. Здание старое, аварийное, пока не приведут в чувство, не откроют.

На фасаде висело два рекламных щита. Всего два спектакля: «Беги от своей жены» Рэя Куни и «Будьте здоровы» Пьера Шено. Перехватив мой взгляд, один из мужчин сказал:

— Вы не думайте, у нашего театра очень богатый репертуар. Просто сейчас какое-то затишье. Здесь и западную, и русскую, и армянскую классику ставили и ставят. Это единственный государственный армянский театр за пределами Армении. Везде непонятные театральные труппы, а у нас — государственный театр. А какие актеры здесь играли! И Петрос Адамян, и Геворг Чмшкян, и Грачья Нерсисян, и Ваграм Папазян... Вы бы видели, какие залы собирал этот театр!

Экскурс в историю армянского театра мог бы продлиться еще долго, но мужчины внезапно перешли на личные воспоминания. А вспомнить им было что. В армянских семьях Тбилиси детей приобщали к отечественной культуре и традициям. И этот театр во все времена был островком армянской духовности. В советское время район этот назвали в честь 26 Бакинских комиссаров, а театр носил имя Степана Шаумяна. После обретения независимости району вернули его историческое название, а театру присвоили имя великого трагика Петроса Адамяна.

— Помню, мои дети, когда впервые посмотрели здесь «Гикора», во время последней сцены упали в обморок. И не только мои, — сказал один из собеседников. — Как играли, как ставили спектакли — просто загляденье!

Мужчина чуть постарше вспомнил, что как-то в Тбилиси с гастролями приехал великий Папазян. Зашел в курилку, где обычно любили тусоваться актеры. Увидев мэтра, все встали. Папазян подозвал к себе помощника режиссера и спросил: «Кто сегодня вечером будет моей Дездемоной?» Тот указал на актрису, сидевшую в углу. Судя по тому, что актер нахмурился, как туча, Дездемона не пришлась ему по вкусу. Вечером зал был переполнен — спектакли с участием Папазяна проходили при полном аншлаге. Во время последней сцены он, в очередной раз с отвращением взглянув на свою партнершу, процедил сквозь зубы: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» Та с ужасом уставилась на «мавра», не в силах выдавить из себя ни звука. Не дождавшись ответа, Папазян схватил бедную актрису и изо всех сил швырнул на супружеское ложе. Кровать была изготовлена из грубых досок и покрыта тонкой тканью. Послышался грохот, затем протяжный стон. Зал ахнул. Актриса же еще некоторое время не выходила на сцену.

— Помню, как однажды на сцене этого театра выступал наш авлабарский парень. Взяли его для игры в эпизоде, — вспомнил третий театрал. Так вот, на премьеру пришла вся наша школа, друзья, их друзья и родственники. И все это ради какого-то «кушать подано». Смотрели спектакль шумно, с репликами, почти как футбольный матч. А когда вышел наш дружок, все мы дружно встали, зааплодировали. Арутюн — в тот вечер так звали самого великого актера на свете. Правда, на следующий день мы всей театральной компанией пришли к нему домой и по-человечески попросили, чтобы он больше не занимался «маймунутюном», то есть не обезьянничал, а нашел себе более достойную мужскую работу. Авлабарский мужчина не рожден для эпизодов.

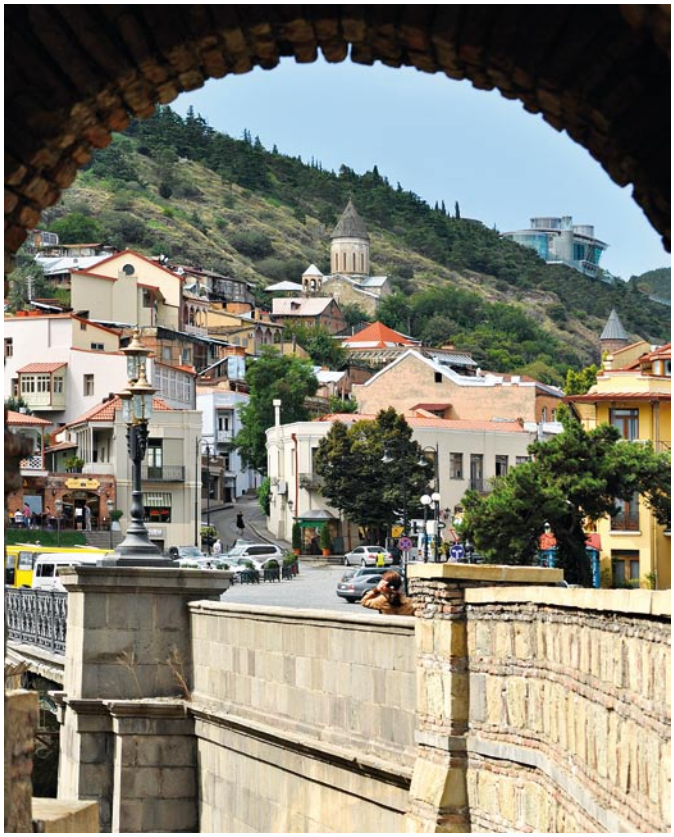
Прощаясь, я поинтересовалась, кем они работают в театре.

— Никем, — в один голос ответили все трое мужчин. ▸

←
Уличный музыкант на проспекте Руставели

«Разве эта легкомысленная русалка имеет право называться «Мать Грузия»? — с возмущением произнес Махо. — Та была совсем другой, более солидной. Эта мне не внушает никакого доверия. А ведь из-за нее я чуть в психушку не попал»

← Памятник Параджанову на торцовой стороне «Манташевских рядов»



↓ Доходный дом Александра Манташева на улице Табидзе. Ныне жилой дом

← Здание театра имени Руставели, где раньше располагалось Армянское артистическое общество

↓ Памятник «Мать Грузия»

Две матери одной Грузии

На улице Энгельса Игоря тоже не оказалось. Мужчина со странным именем Махо сказал, что он умотал на свою историческую родину — в Грецию.

— И с каких это пор у него историческая родина в Греции?

— Так Сихарулидзе — это для понта, на самом деле он Катаниди. Папаша его, чтобы в партию вступить, поменял фамилию. А как только настали независимые дни, снова взял свою. А я вот как был Гаспарянцем, так и остался. И умру тоже со своей фамилией, — не без гордости выдал Махо.

— А как ваше полное имя?

— Мхитар, а Махо мой псевдоним.

— Литературный?

— Нет, застольно-дружеский.

Вот тебе новость: Игоря в Тбилиси нет! Я устало опустилась на камень, подняла глаза и увидела памятник «Мать Грузия». Этот монумент я помню с детства. Как-то мы с бабушкой гуляли по Комсомольской аллее, подошли к «Матери Грузии», я посмотрела вверх и замерла. Испугалась. Она была такая большая. И особенно мне запомнилось ее лицо — красивое и немного суровое. Но на этот раз мне показалось, что там, на горе, стоит совсем другая женщина. Озвучив это, я получила полную поддержку и понимание Махо.

— Конечно, не она. Разве эта легкомысленная русалка имеет право называться «Мать Грузия»? Та была другой. Эта мне не внушает никакого доверия. А ведь из-за нее я чуть в психушку не попал. Шли мы как-то с братом навеселе, глядим — на горе две женщины стоят. Вроде одинаковые, а вроде нет. Но факт, что их две. Тогда я еще про себя подумал: «Дурак ты, Махо, разве можно надираться до таких чертиков!» Пришли домой, выглянул в окно — их опять две. Пошел, помылся под холодным душем. Выглянул в окно — их все равно две. Выпил рассол, потом боржоми, горячий чай, горький кофе с лимоном. Господи, их все равно две! Когда брат уснул, я тихо вышел на улицу, на меня сверху смотрели две одинаковые женщины. Тут я понял, что это не градус, я просто тихо

схожу с ума. Никак не мог уснуть. Под утро я снова выбежал во двор. На горе стояла одна «Мать Грузия».

Бедный Махо никак не мог успокоиться и решил докопаться до истины. Оказалось, старый памятник был сделан из кровельного железа и стал разлагаться. Решили поставить новый. Пока его собирали, он стоял в лесах, но этому никто не придавал значения. Той самой ночью леса с нового памятника убрали, а старый еще не демонтировали. Так на ночь остались стоять на горе две «Матери Грузии».

Оставив Махо со своей историей на улице Энгельса и уже отчаявшись найти знатока тбилисских улиц Игоря, я решила перед отъездом просто побродить по этому удивительному городу, который ужасно похож на театр со своими немного чудаковатыми, бесконечно доверчивыми и добрыми персонажами, декоративными балкончиками, празднично-театральным освещением и очень позитивной аурой. Театр, в котором каждый день играют новую пьесу. И каждый раз — талантливую. ■

на берегах вечности

Любая дорога в Армении рано или поздно приводит к воде. Ручьи, реки, озера, водопады… Издали они напоминают лоскутки и пояса на охристом, зеленом или белом — по сезону. Но магнетизм заставляет подойти к ним поближе. Чтобы увидеть свое отражение в зеркале для неба. Чтобы ощутить холодок первого прикосновения и тепло прощального объятия. Чтобы просто посидеть на берегу вечности.

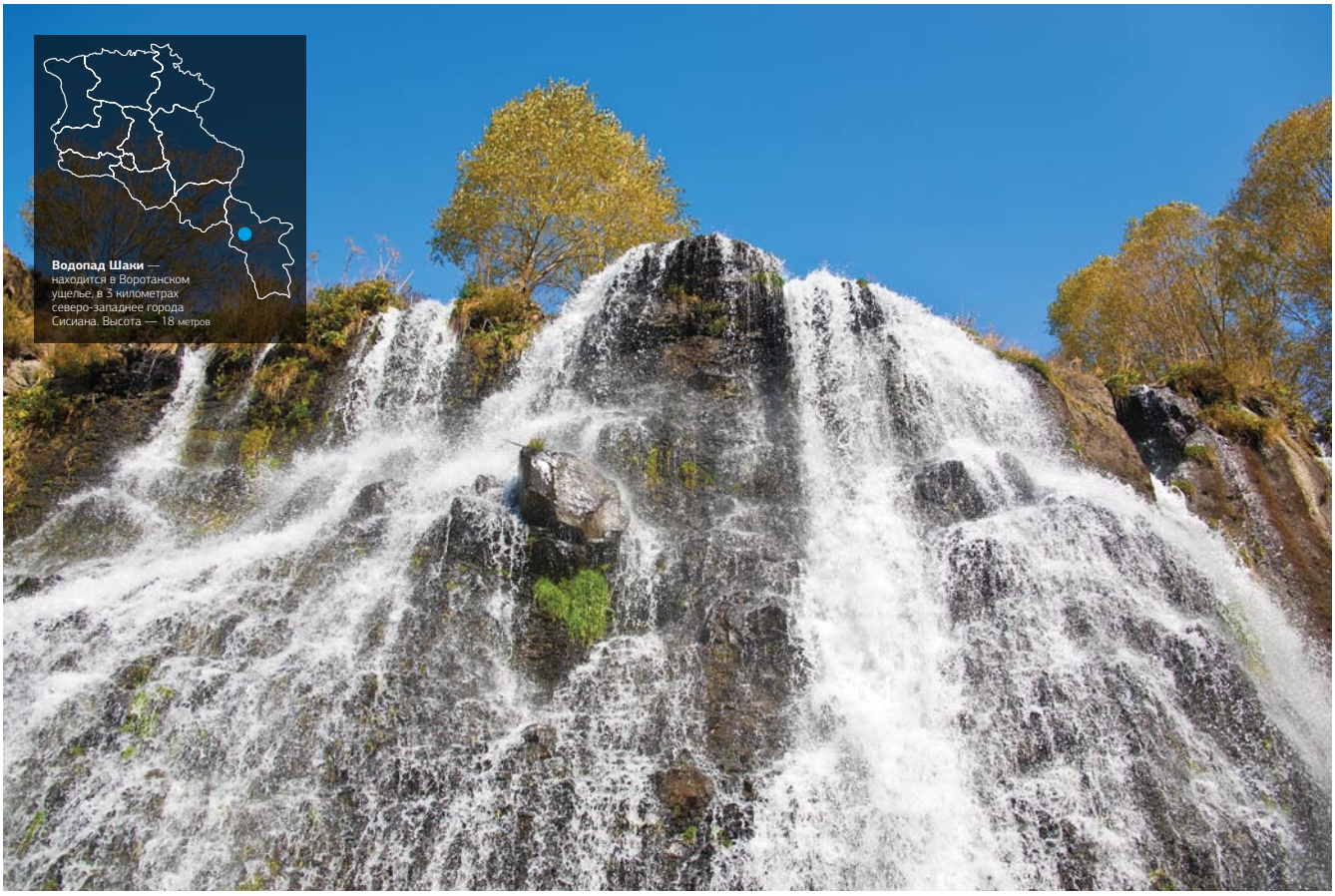
Фото **Арнос Мартиросян, Айк Мелконян**

Каскад водопадов в ущелье реки Хачахпюр, в 3 км от села Енокаван, Тавушский марз.
Расположен на высоте 1116 метров над уровнем моря

Ледниковое озеро в кратере потухшего вулкана
на вершине горы Ухтасар, в 17 км к северо-западу от города Сисиан. На камнях вокруг него сохранились петроглифы — наскальные рисунки эпохи палеолита

Джермукский водопад («Волосы русалки») — расположен на высоте около 2000 метров над уровнем моря

Озеро в парке «Камни Армении», город Джермук


Водопад Шаки — находится в Воротанском ущелье, в 3 километрах северо-западнее города Сисиана. Высота — 18 метров

Озеро Кари («Каменное озеро») — расположено на высоте 3207 метров над уровнем моря на склоне горы Арагац. Периметр 1150 метров, глубина 12 метров

последний поцелуй солнца

В отличие от вина, в мачаре истину не ищут. Ненастоявшееся вино — не для настоящих идей. К мачару идут за молодостью — ведь молодой напиток возвращает в забытое прошлое и воскрешает память. Молодость вина и квинтэссенция лета — самое сладкое воспоминание, последний поцелуй солнца.

Текст **Нунэ Мелкумян** | Фото **Арнос Мартиросян**

Непохороненная лоза

Мачар — это только-только забродивший виноградный сок, крепостью не более 14%. В отличие от зрелого вина, это напиток сезонный, осенний. Так что время года для поездки в поисках лучшего в Армении мачара мы не выбирали. Да и направление было предопределено — винная столица страны, Арени. Я ехала морально подготовленной устоять до конца — не пропустить ни капли и попробовать все предложенное. Дальше можно падать. Дальше неважно. Главный эпитет мачара — «непредсказуемый». Глазом моргнуть не успеешь, как сладкий напиток затуманит голову и сделает ватными ноги. Сладость обманчива, она, скорее, приманка для неискушенных. Хотя справедливости ради нужно отметить, что и искушенные попадаются на этот крючок с завидным постоянством. Вариаций на тему «как я первый раз попробовал мачар» нет, все они схожи: думал, легкий сок, выпил от души, встал на ноги и — понеслось. Но оно того стоит — вкус мачара, попробовав однажды, не можешь забыть никогда.

Дорога в Арени пролегает через Араратскую долину, где полноправно царит осень. Едем мимо опустевших гнезд аистов на черных столбах электропередач, мимо практически неразличимого за густым солнечным светом Арарата, обволакиваемые самой теплой поздней осенью на моей памяти. Мы все едем и едем, а вином даже не пахнет. Продавцы на трассе торгуют яблоками и тыквами разных сортов. И уже начинаешь сомневаться в винной славе края, как вдоль дороги появляются прилавки с пластиковыми бутылками, полными заветной темной жидкости. Они лучше всякого дорожного указателя приветствуют — добро пожаловать в Арени!

А еще с обеих сторон — желто-красные ряды виноградников. Они так и будут стоять всю зиму — в Арени лозу, чтобы спасти от холода, не прикапывают. Кстати, в народе этот процесс называется более образно — «хоронить лозу». В Арени климат достаточно умеренный — лучшего места, чтобы выращивать виноград и делать вино и не придумаешь. Скорее всего, знали об этом и наши предки: старинную винодельню с остатками карасов, где еще до нашей эры изготавливали вино, нашли в той самой знаменитой пещере, где была обнаружена и древнейшая в мире кожаная туфля. Короче говоря, совершенно очевидно, что вино в этих краях — из категории вечных ценностей.

Лучшего места, чтобы выращивать виноград и делать вино, и не придумаешь. Знали об этом и наши предки: в Арени нашли винодельню с остатками карасов, где еще до нашей эры изготавливали вино

↓
На зиму в Арени лозу не прикапывают

Напиток индивидуального производства

Мы наобум останавливаемся у будки с маленьким прилавком. Продавщица на полуслове обрывает разговор с хозяйкой такой же торговой точки по соседству и бежит к нам, во взгляде — прямо бегущая строка: «Хорошее вино! Хорошее!» Не успеваю начать разговор, как она сама предлагает попробовать — старое, новое... А мачар есть? Да, да, конечно. Ныряет куда-то в будку и достает две прозрачные канистры, полные виноградной радости.

— На прилавке я вино вообще не держу, это против правил. У меня тут муляж — бутылки с подкрашенной водой, чтобы знали — здесь есть вино. От прямых солнечных лучей оно быстро портится, — делится опытом продавщица Айкуш, с которой мы уже успели познакомиться и рассказать о своем намерении во что бы то ни стало отыскать лучший мачар.

— Наливайте! ▸

Айкуш щедро разливает по стаканам напиток. Сладкий мачар идет как виноградный сок. Сложно представить, что от этого напитка можно так сильно захмелеть. На этой мысли я себя одергиваю: вот оно! На это все и ведутся. Своим вином Айкуш гордится. Говорит, раньше весь урожай винограда, как и многие аренийцы, они с мужем сдавали на винный комбинат. Но платили там мало и по частям. И однажды ее муж Андраник ударил кулаком по столу и решил: хватит! Так семья начала готовить вино и мачар дома, по технологиям, унаследованным от отцов и дедов. И пускай первый раз вино испортим, мудро рассуждал Андо, зато научимся и станем работать сами на себя. Вооружившись книгой по виноделию, присланной родственником из Ростова, и опытом, доставшимся по наследству, семья приступила к делу.

— Я первая начала продавать вино на этой трассе. С 2003 года тут стою. Со временем стала выставлять на прилавок еще и соленья, овощи и фрукты. У нас два земельных участка, один — вот этот, прямо за моей спиной. Бывает, покупатель хочет персиков, и я посылаю его на наш участок. Там, вместе с моим мужем, он собирает с дерева те фрукты, которые ему приглянутся. Люди их ящиками увозят! Но вино, конечно, пользуется самым большим спросом. Мужчины любят сухое, женщины — сладкое.

— А мачар?

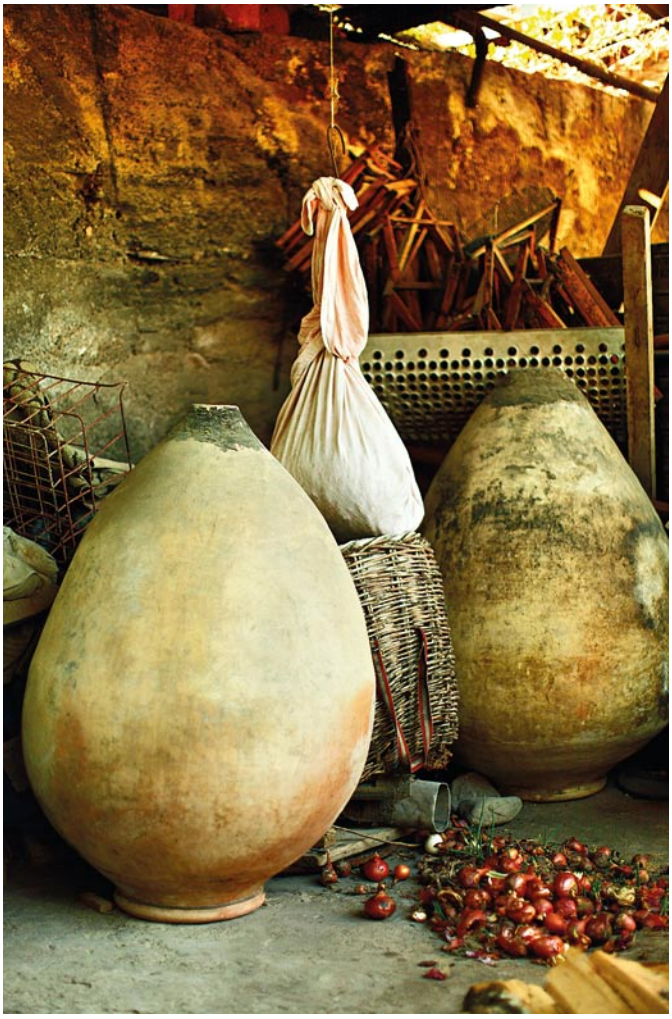
— Мачар? Его все любят! Даже дети.

Особая гордость Айкуш — винный погреб, или маран, как его привычнее называть в Армении. Вино в Арени готовят многие, практически все. Но вот маран есть далеко не у каждого. Домой к Айкуш и Андо привозят туристов, здесь даже снимают фильмы. Еще бы, их виноградник и маран — самые красивые в Арени! После такого рассказа и настойчивых приглашений не оставалось, да и не хотелось ничего другого, как разузнать, где же находится этот дом. Координаты по-деревенски просты: «Спроси дом Андо и Айкуш, покажут». И мы поехали.

Особая гордость Айкуш — винный погреб, или маран, как его привычнее называть в Армении. Вино в Арени готовят многие, практически все. Но вот маран есть далеко не у каждого. Домой к Айкуш и Андо привозят туристов, здесь даже снимают фильмы

В краю виноделов

Арени — деревня большая и богатая. Посмотреть хотя бы на дома — просторные, хорошо отремонтированные, со своими террасами. Одним словом, глаз радуется. Великолепную картину довершает церковь Святой Богородицы — творение архитектора Момика, которое видно из любой точки деревни. На каждом метре главной дороги, идущей



через село, продают вино и мачар. Причем продавцы достаточно изобретательны в желании завлечь покупателя. Здесь и разноцветные зонтики, и пестрые вывески преимущественно на русском языке: «Вино и мачар». Особо креативные разрисовывают прилавки.

Аренийские улицы видеть пустынными мне непривычно. Последний раз я была здесь в октябре, на ежегодном фестивале вина. В этот день все улицы перекрываются, на них расставляют столы, и каждый арениец предлагает любому желающему свою продукцию. Желающих набирается уйма со всей страны и из-за рубежа. Потом им надлежит проголосовать за понравившийся напиток. Хозяева наливают вино в пластиковые стаканчики щедро и с удовольствием. Хотя, возможно, в этом кроется коварный умысел — захмелев, вы уже не попробуете вино соседа и проголосуете именно за их товар. Так это или нет, но добраться до площади трезвым в дни праздника не представляется возможным. Именно тогда, кстати, я и узнала, что мачар можно приготовить из любого винограда любого сорта — есть даже белый мачар, такой же сладкий и вкусный, как и красный.

По пути останавливаемся и дегустируем — продавцы с удовольствием открывают шипящие бутылки, нисколько не считаясь с физическими возможностями гостей.

— Бутылку с мачаром, пока везете, нужно периодически открывать. Так выпускают газ, — советует продавец Артур.

— И давно вы мачар готовите?

← Отслужившие карасы во дворе Андраника

— Да столько же, сколько и вино. Вот только зимой он не пьется — превращаю его в вино. Так что вы хорошо успели. Напиток везде разный — у некоторых он еще сладкий и газированный, у других уже немного горчит по-винному.

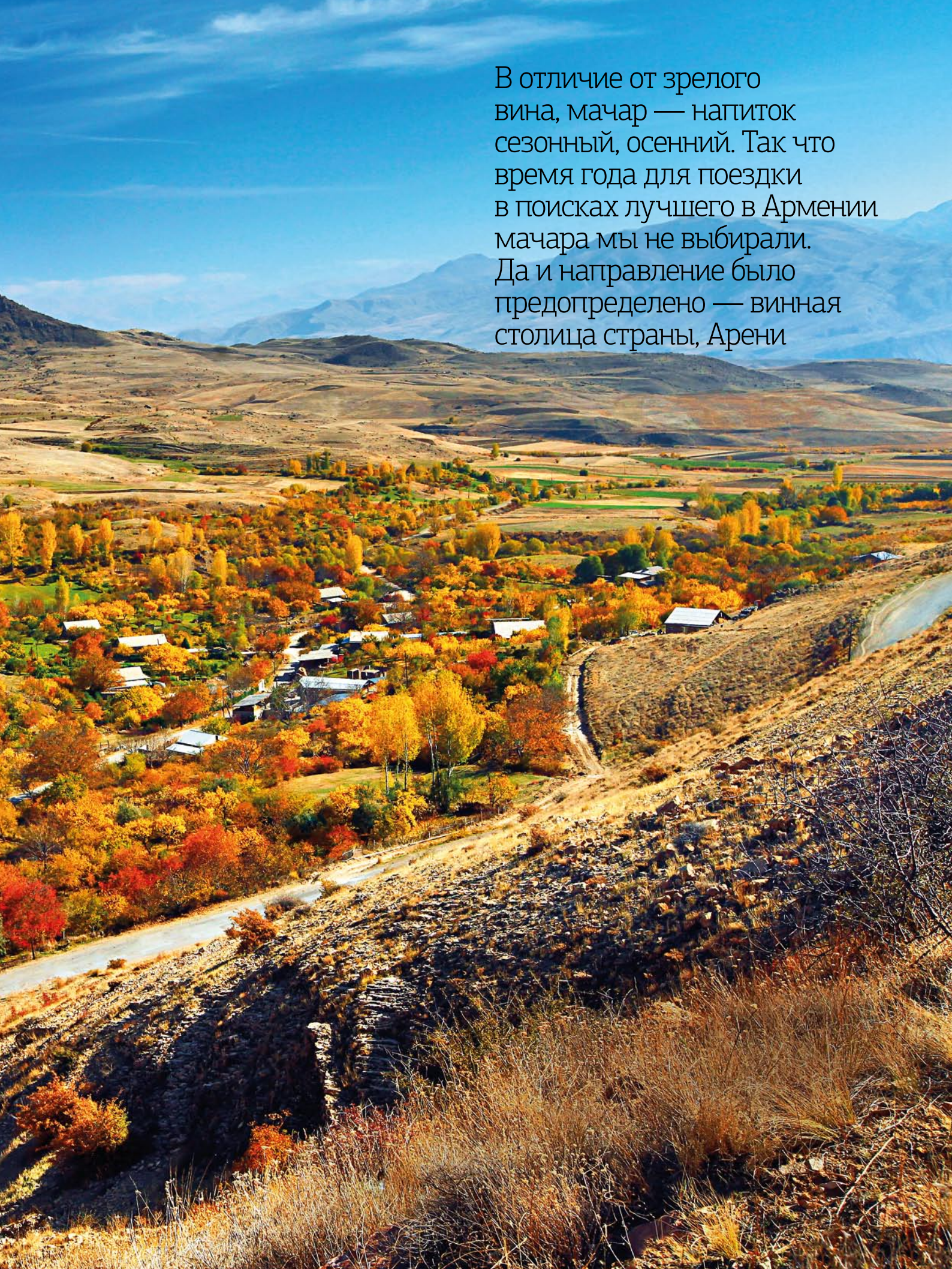
От чистого сердца

Мы проезжаем аренийский мост, сворачиваем направо, в гору. Здесь совсем пустынно, нет ни единой живой души. Вальяжно, чувствуя себя хозяевами положения, расхаживают куры и петухи, оставленные на произвол судьбы.

— Не подскажете, где дом Андо и Айкуш? — спрашиваю первого встречного.

— Да вон, прямо по этой улице, рядом с трактором.

Узнав, что мы приехали за мачаром, мужчина сразу предлагает угостить. И уточняет: «Не просто так, а от чистого



В отличие от зрелого вина, мачар — напиток сезонный, осенний. Так что время года для поездки в поисках лучшего в Армении мачара мы не выбирали. Да и направление было предопределено — винная столица страны, Арени

→
Согласно правилам, в маране всегда прохладно и темно

Мачар готовится точно так же, как вино, но в карасе он остается недолго. Сначала виноград мнут — «ломают», как говорят здесь. Потом виноградный сок вместе с сырьем томится в огромном сосуде. Главное — вовремя переместить мачар в карас

сердца». Еще полстакана чистосердечного мачара, и я чувствую, что по моим хмельным венам течет исключительно сладкий виноградный сок. Некоторые считают: аренийцам нужен только повод выпить — оттуда и их гостеприимство и щедрость. А по-моему, мачар — в первую очередь прекрасная возможность поговорить.

Дом Андо и Айкуш оказался трехэтажным, построенным из трехцветного базальта. Дверь нам открыл высокий загорелый мужчина, за которым смущенно пряталась маленькая девочка.

— Заходите, заходите! — он дружелюбно пригласил нас в дом, даже не дослушав, что мы от него хотим. — Это моя внучка, Жанна.

Жанна убежала, а Андо повел нас прямиком в подвал. Пойдемте, дескать, смотреть, где я готовлю вино. Маран небольшой, но очень опрятный, с несколькими огромными карасами.

— Сейчас мало кто делает вино в карасах, — рассказывает Андо, — но так получается самое вкусное. Он дышит, еще наши деды так готовили. Вот посмотри, тут у меня карас 1883 года. Он мне достался от деда. На нем еще подпись изготовителя есть.

— А сейчас их производят? — интересуюсь.

— Да, но в деревне они не пользуются широким спросом. Для них нужен специальный погреб и их очень сложно чистить — вот люди и предпочитают другую тару.

Горло одного из карасов запечатано. Там хранится пятилетнее вино. Другие просто закрыты полиэтиленовой пленкой. Чтобы вино не испортилось, сосуд непременно должен быть полным. Так что за этим строго следят и постоянно доливают.

Мачар готовится точно так же, как вино, но в карасе он остается недолго. Сначала виноград мнут — «ломают», как говорят здесь. Потом виноградный сок вместе с сырьем — плюшем — томится в огромном сосуде. В этом процессе самое главное — вовремя переместить мачар в карас. Если хоть на день дольше нужного оставить его с основной винной массой, то пиши пропало — не видать тебе все еще бродящего напитка. Ведь главное качество хорошего мачара — газированность. Без нее это просто сладкое вино. Хранить мачар непременно нужно в прохладном месте, тогда он остается сладким и газированным. Еще одна важная составляющая хорошего мачара — виноград. Андо долго хвалит сорт «арени», объясняет, что стоит перенести

лозу на любую другую почву, и сорт изменится, потеряет свои вкусовые характеристики.

— Ведь и вино у нас вкусное!

— Вкусное, — соглашаюсь я, думая, что без гордости за свое, родное, хорошего вина действительно не сделаешь. — Пока пробуете напиток, хмелеете?

— А я вообще не пробую, — заявляет Андо, — на глаз вижу, правильный у меня мачар или нет. С вином — то же самое. А еще из плюша мы делаем виноградную водку. Представляете, что будет, если я все это буду пробовать?!

Представляю! Конечно, представляю! Мачар во мне уже вполне себе активно косит картинку перед глазами так, что точное количество карасов до сих пор остается для меня загадкой.

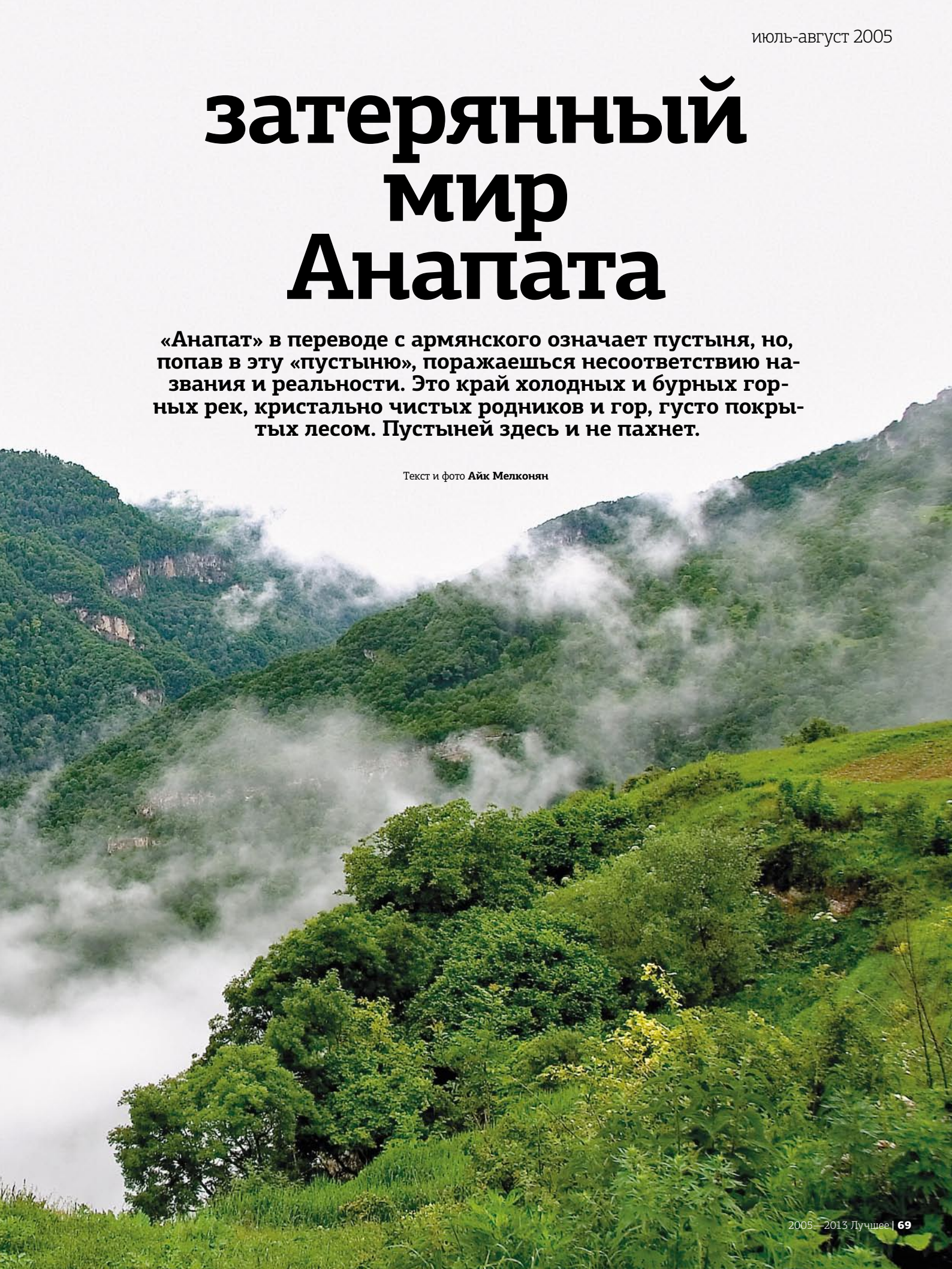
Истина где-то рядом

Мы ехали в Арени за самым вкусным мачаром, а в итоге — не попробовали ни одного невкусного. Не зря говорят: истина в вине — в каждом бокале и в каждой капле она своя. Причем для каждого. Моя истина оказалась простой — сюда надо возвращаться. Вновь и вновь, при каждом удобном случае. Возвращаться за сладким напитком, подкашивающим ноги, потому что подобного ему нет. Улыбаясь последним теплым денькам осени, я ехала обратно, храня на губах вкус мачара, последний поцелуй солнца. ■

затерянный мир Анапата

«Анапат» в переводе с армянского означает пустыня, но, попав в эту «пустыню», поражаешься несоответствию названия и реальности. Это край холодных и бурных горных рек, кристально чистых родников и гор, густо покрытых лесом. Пустыней здесь и не пахнет.

Текст и фото **Айк Мелконян**

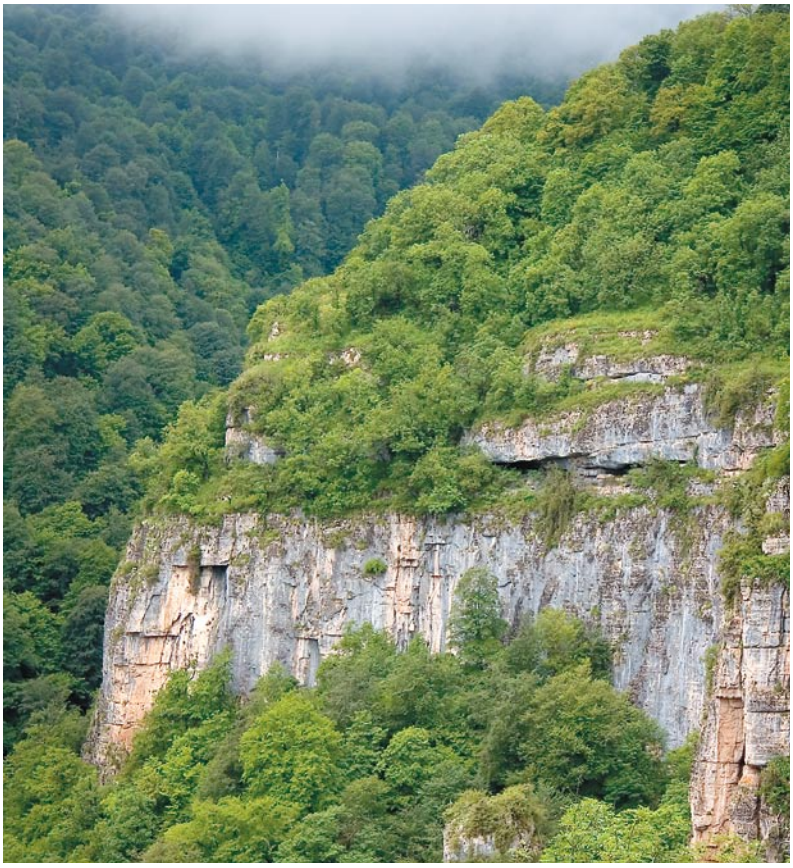


После блеклой желтизны Араратской долины краски иджеванских лесов радуют глаз. Под низким серым небом глубоко внизу раскинулось ущелье. Облака медленно проплывают под ногами, время от времени цепляясь за ветви деревьев, растущих по обрывистым склонам. Наша группа начинает спуск через мокрую, почти в человеческий рост, траву на тропинку, петляющую по краю ущелья. В лесу царит таинственный полумрак. Высокая влажность, духота и свисающий с деревьев мох — ну чем не костариканские джунгли! Здесь мы встретили самую настоящую лилию — цветок, по нашему убеждению, тропический, но каким-то чудом попавший сюда.

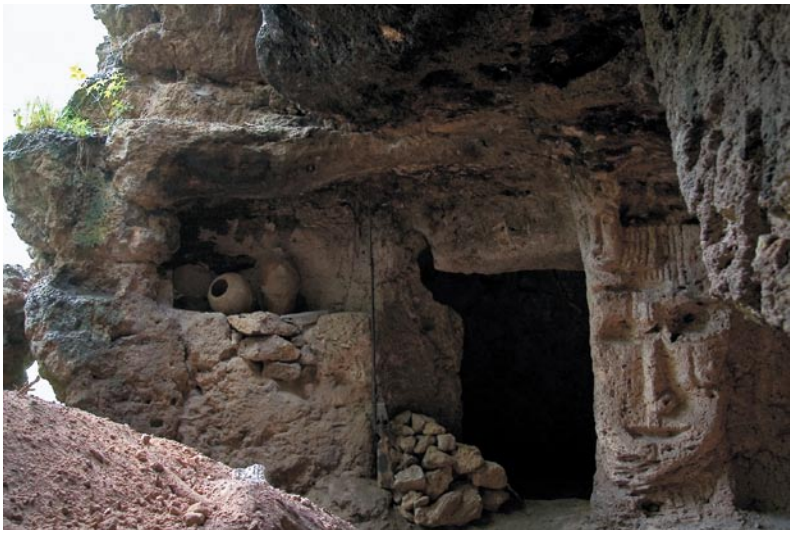
Идем гуськом, держась друг за друга. Иногда мы невольно останавливаемся — от панорамы захватывает дух. Но камень, выскользнувший из-под ноги, призывает к бдительности. Пару лет назад массивный кусок скалы, на котором я стоял, откололся и с грохотом скатился в ущелье. Я полетел следом и только по чистой случайности зацепился за куст шиповника и повис на нем. Оправившись от страха, попытался высвободиться, но с каждым движением шипы впивались все глубже и глубже... Когда все же выбрался и вернулся к группе, руководитель даже подумал, что на меня напало дикое животное...

Группа медленно продвигается, осторожно ставя ноги на скользкие каменные плиты, хватаясь друг за друга, за камни, иногда даже за травинки. Совсем некстати заморосил дождь. Впрочем, это лишь усилило остроту ощущений. Короткий, но довольно крутой спуск привел нас к развилке: тропинка, уходящая влево, вела к пещерам, направо же был спуск к лужайке. Начать решили с пещер. Мы уже принялись протискиваться между валунами, как сверху нас кто-то окликнул. На одном из валунов стоял парень в камуфляжной форме, с ружьем. Он вызвался проводить нас. Оказалось, что он направляется туда же, с конкретной целью — зажечь свечи в пещерном храме. Вааг рассказал, что он родом из Иджевана и живет здесь с братьями.

Храм разместился в небольшой пещере с двумя боковыми углублениями, по-видимому, служившими кельями. Левая стена испещрена



Храм разместился в небольшой пещере с двумя боковыми углублениями. Левая стена испещрена барельефами, изображающими лица и кресты, в правой — высечен алтарь с хачкаром.



← В небольшой нише у входа в пещеру лежат находки из тайника — два полуразбитых кувшина и винтовка Мосина

ОТКРЫТИЕ – СКОРО!

EVN

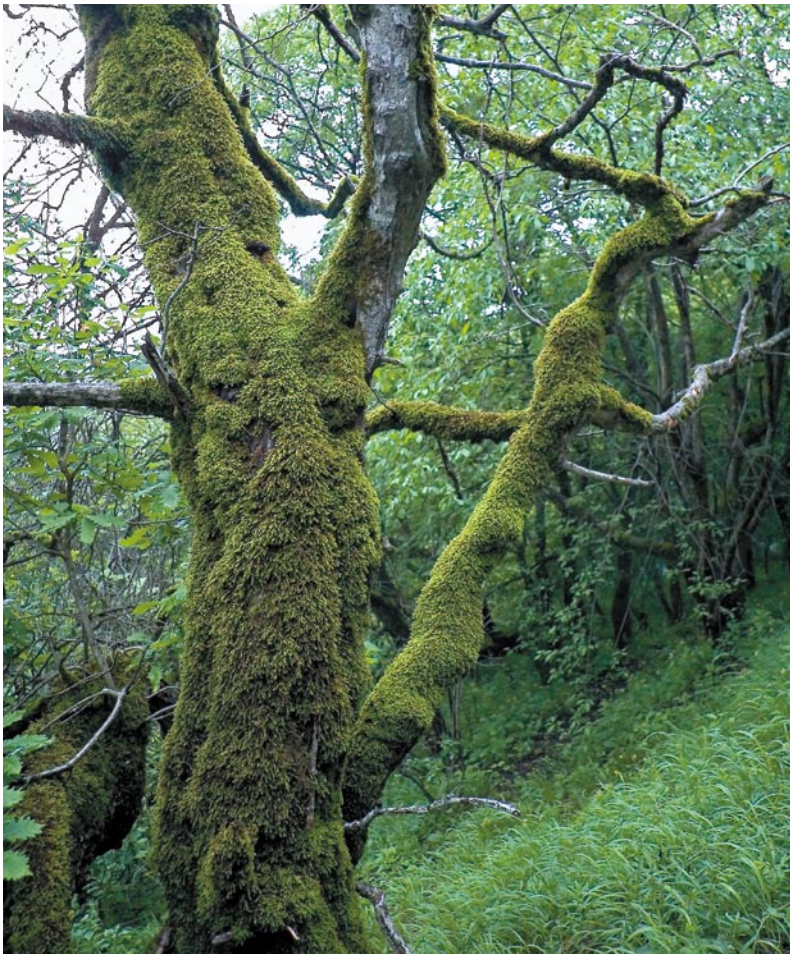
DOLMAMA

SINCE 1998

Россия, г. Москва,
Романов переулок, дом 2/6, строение 7, строение 13, «Аллея Романов»
www.dolmama.am

Реклама

барельефами, изображающими лица и кресты, а в правой высечен алтарь с хачкаром (армянская средневековая каменная стела с изображением креста). На алтаре разложены обломки другого, вероятно, еще более древнего по происхождению хачкара. Вааг объяснил, что обломки обнажились после того, как вода размыла одну из стен. Теперь он мечтает восстановить храм и пригласить священника для его освящения. Подведя меня к одной из келий, он молча указал наверх, где на высоте вытянутой руки виднелось небольшое отверстие. «Там тайник, хочешь посмотреть?» Я кивнул, и он принес сколоченную из пружинящих веток лестницу. Протиснувшись в отверстие, я очутился в небольшой комнатке с низким потолком, откуда свисали небольшие сталактиты. В углу к стене была прислонена винтовка системы Мосина с примкнутым штыком, а рядом из щели торчал кинжал с волнистым лезвием. Оба предмета сохранились неплохо — повреждены только деревянные части приклада и рукоять кинжала. По словам Ваага, во время советизации Армении здесь прятались опальные фидаины (лесные воины), бывшие в конфликте с новой тогда властью.



Согласно легендам, в этих местах жили разбойники, грабившие проходившие мимо караваны. Затем это ущелье облюбовали монахи-отшельники, несогласные с церковными догматами

Осторожно спустившись по крутым природным ступенькам, мы оказались в нижнем ярусе пещер. Отсюда по узкому крутому лазу мы вскарабкались наверх, на высоту около трех метров, и очутились в пещере с двумя боковыми ответвлениями. В ней спокойно разместились бы 10 — 15 человек. Из двух «окон» открывается живописный вид на ущелье.

После ужина начали готовиться к ночлегу — спальники расстелили на деревянном настиле, сверху и с боков защищенном непромокаемым навесом. Сумерки сгущались быстро, словно кто-то гасил свет в зале перед началом спектакля. Мы расселись вокруг костра. Невозможно оторвать глаз от бешеной пляски огненных саламандр и рубинов тлеющих углей. Именно здесь, у костра, мы наконец получили ответ на вопрос: что же все-таки означает «анапат»? Оказывается, «анапат» надо толковать не как «пустыню», а как «пустынь» — место, куда уходили жить отшельники. Согласно легендам, в этих местах жили разбойники, грабившие проходившие мимо караваны. Затем ущелье облюбовали монахи-отшельники, несогласные с церковными догматами. На смену им пришли воины-фидаины, ведущие партизанскую войну с захватчиками, а их сменили люди, не принявшие Советскую власть. На этом история Анапата

не заканчивается: в советское время местность облюбовали туристы, и казалось, что это надолго. Однако с развалом большой страны про Анапат забыли, и только в последние годы люди вновь потянулись к первозданной природе.

Ночью, когда все спали, я услышал позвякивание металлической посуды, сложенной неподалеку. Затем почувствовал, как кто-то обнюхивает меня через стенку палатки. Решив, что нашей провизией заинтересовалась деревенская собака, я громко крикнул, чтобы отогнать ее; шум затих, и я спокойно заснул. Каково же было наше удивление, когда утром мы обнаружили на сырой земле у палатки медвежьи следы!

На второй день было запланировано посещение водопадов и скального убежища «ластивер», давшего название всей местности. Слово «ласт» означает плот, деревянный щит, слово «вер» — поднимать вверх. Неприступная скала, находящаяся неподалеку, служила прибежищем, а иногда и крепостью для отшельников Анапата. И самый надежный способ подняться туда — на деревянной платформе-лифте.

Природа вокруг — совсем как в «Затерянном мире» Конан Дойла: сложенные террасами скалы, густая растительность, повсюду папоротники и хвощи, на причудливо изогнутых стволах растут мох и древесные грибы. Невольно ожидаешь, что из чащи покажется оскаленная пасть динозавра.

Пещера нижнего яруса, к которой мы подходим, представляет собой серповидное углубление в скале диаметром около 30 метров. Слышно журчание воды: говорят, на одном из верхних ярусов есть маленький водоем с питьевой водой.

↑ Русло реки представляет собой плоские каменные плиты, беспорядочно нагроможденные друг на друга

Пещер второго яруса достичь труднее, приходится карабкаться вверх по глинистому склону на каменный карниз и по нему уже добираться до цели. С трех сторон карниза полукругом возвышается отвесная стена. Если посмотреть вверх, то на высоте примерно 10 метров виден еще один вход в пещеру и каменная кладка вокруг — это и есть «ластивер», куда поднимались на деревянных щитах. К сожалению, сегодня добраться туда без альпинистского снаряжения невозможно, однако энтузиасты хотят попробовать восстановить древний способ подъема в пещеру. Вот тогда, очутившись в самом сердце «затерянного мира», любой сможет почувствовать себя либо отшельником, либо разбойником, либо фидаином — кому что ближе... ■

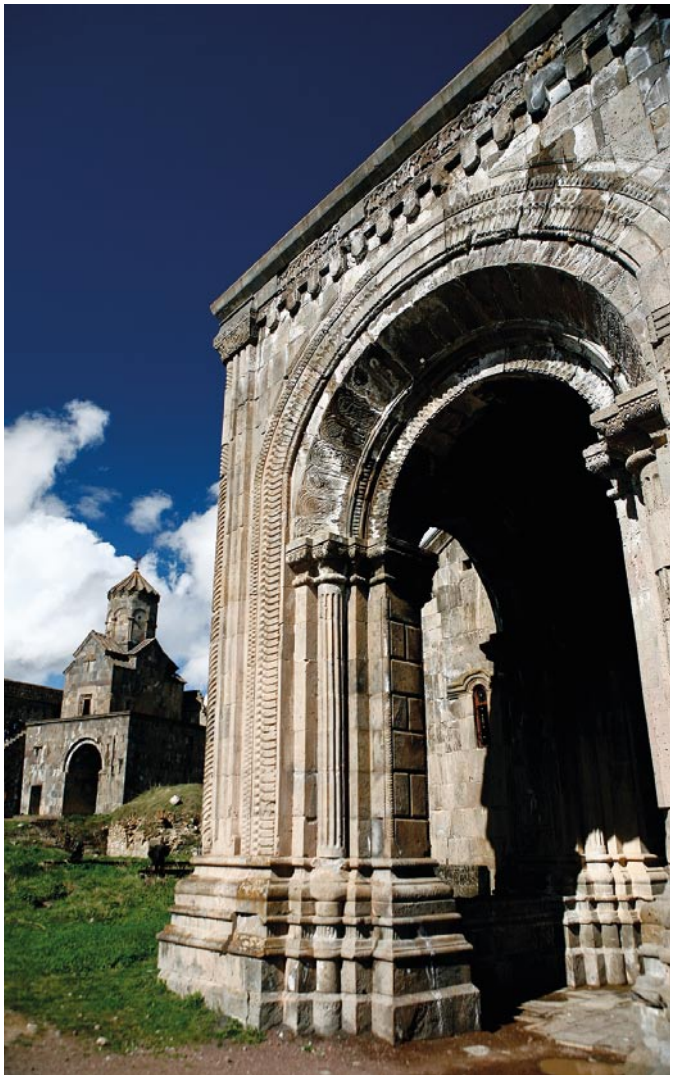
убежище для икара

Наша машина съезжает с горисской трассы в ущелье, и кажется, ты заглянул в бинокль с обратной стороны. Обзор сужается и на смену общим планам и дальним перспективам приходят гениальные детали. Это дорога к храму. В том числе храму науки — крупнейшему духовному, научному, учебному центру средневековья, монастырю Татев.

Текст **Анна Лоренц** | Фото **Арнос Мартиросян, Айк Мелконян**

Живые, орущие детскими голосами села сменяются молчаливыми, мудрыми, давно покинутыми поселениями, отчего-то рождающими чувство неловкости и вины. На самом дне ущелья останавливаемся у родника с горьковатой и, конечно, лечебной водой. Поговори с любым жителем местных сел, и тебе выложат целый свод законов: этот родник от одних болезней, монастырский — от других, а чуть дальше можно и вовсе искупаться в нерукотворных ваннах.
За разговорами вы не сразу и заметите, что стоите на природном мосту со зловещим названием Чертов. Маленькая шумная речка Воротан за века обтесала каменные глыбы, и появился мост с самым замысловатым узором. В его углублениях образовались маленькие озерца, вода в которых все время обновляется. И вот мы по серпантину поднимаемся в Татев, где можно своими глазами увидеть, чем завершилось состязание человека с природой в создании шедевров.
Сама история Татева словно подтверждает факт этого противоборства. Начиная с IV века, человек возводил здесь храмы, а природа, должно быть, обозлившись на дерзость смертного, разрушала их — Татев чаще врагов уничтожали землетрясения. Последнее случилось в 1931 году, а с 1976-го по самый развал Союза здесь шла масштабная реставрация.
Смотришь на эти толстые массивные стены и думаешь, что в упрямстве человек уж точно победил. Должно быть, научился у реки, там внизу, капля за каплей точащей каменную плоть.

↑ Настоятель Татевского монастыря отец Микаэл



***

Татев начинается не с главных ворот, а с противоположной стороны ущелья. Монастырские стены вырастают из самого края отвесной скалы. Кажется, жить там должны птицы, а придумать такое мог только Икар. Легенда гласит, что мастер, завершив строительство, попросил Бога дать ему крылья и улетел. Вот и название у монастыря крылатое: Татев значит «дать крылья». Есть и другая версия происхождения названия: Степанос Орбелян в «Истории области Сисакан» называет это место Статев, по имени ученика апостола Фаддея — Евстафия (Евстатеоса). Двери и огромные арки смотрят прямо в обрыв. Под эти арочные своды мог въехать всадник.
И снова в памяти всплывает давно опровергнутое предположение: может, когда-то здесь были мосты? Нет. Противоположный край ущелья так далеко! На самом деле, как подтвердили еще в прошлый наш приезд работающие здесь архитекторы, высокие арочные своды призваны были обеспечить максимальный доступ света — в этих помещениях переписывали рукописи и создавали миниатюры. Говорят, старые фотографии сохранили память о некогда висевших здесь на пугающей высоте над обрывом деревянных балконах. В 1921 году в Татеве располагался штаб Гарегина Нжде, и именно здесь было провозглашено государство Нагорная Армения. ▸

В борьбе идеологий, как всегда, были побежденные и победители. Так вот, рассказывают, что из этих дверей в никуда выбрасывали приговоренных к смерти первых армянских большевиков.

Настоятель Татевского монастыря отец Микаэл, с которым мы встретимся чуть позже, на вопрос о погибших большевиках ответит уклончиво:

— Я нигде об этом не читал. Приходил, правда, как-то человек, говорил, что его отца сбросили отсюда в ущелье. Но достоверных сведений об этом у меня нет.

А некоторые старожилы помнят даже случай, когда один из приговоренных выжил.

***

Справа от монастырских ворот, рядом с надвратной церковью Святой Богоматери (XI век) — тот самый монастырский родник. Если это лечение, то нет процедуры приятнее. Ледяная вода — отличное дополнение к острому даже в жару горному воздуху.

Монастырский двор полон народа. Это паломники из города Масис. Отец Микаэл вежливо соглашается рассказать историю обители. Первый христианский храм тут был воздвигнут в IV веке сюникским князем Пелужавром и освящен еще Григорием Просветителем. В конце VIII века, когда в Татев из Шахата перенесли престол епархии Сюника, на его месте построили новую церковь Сурб Григор Лусаворич (836—848 гг.). В фундаменте старой церкви нашли раку с мощами апостолов Петра и Павла — как и следует, с печатью католикоса — и положили ее в основание кафедрального собора Сурб Погос-Петрос (Святых Петра и Павла, 895—906 гг). Позже к нему пристроили притвор, который был разрушен. В 1286 году на его месте возвели трехъярусную колокольню. Тогда она была выше церковного купола. Во время землетрясения 1931 года колокольня рухнула, а в 1990-м был восстановлен лишь первый ярус, который можно увидеть и в наши дни.

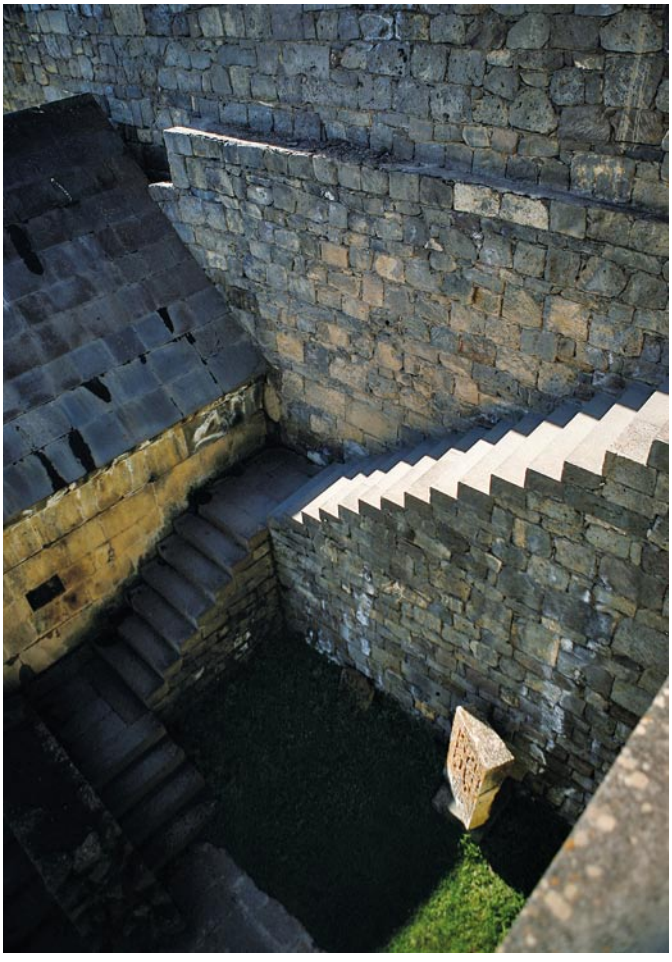
— Решили не заслонять купол? — спрашиваю отца Микаэла.

— Нет. Реставрационные работы еще не были завершены, когда распался Советский Союз. Потом все закружилось, понеслось... А почему вы улыбаетесь?

— Впервые слышу, чтобы развал Союза помешал храму... ▸

У Гавазана выпускники университета держали главный экзамен — читали проповедь. Причем, говорят, если студент был особенно убедителен, стела в знак одобрения раскачивалась, и он сразу получал высшую ученую степень — вардапета

→
Качающаяся стела Гавазан (Посох)



→
Древняя маслобойня

— За века своего существования Татев был очень разным. Теперь он такой, какой есть.

И ударение в этом предложении, конечно же, было сделано на слове «есть».

К нам подошел молодой человек в рясе, приехавший с паломниками:

— Святой отец, мы накрыли на кухне стол и просим вас присоединиться к нашей трапезе.

Потом, обращаясь ко мне:

— И вас просим. Не стесняйтесь. Все мы в этом мире паломники. Разделите с нами хлеб.

Вы когда-нибудь ели в монастырской кухне за разговорами с верующими? Я это делала впервые. Может, поэтому мне показалось, что здесь любая пища — духовная.

***

Завидуйте! Я сижу на травяной крыше пекарни Татевского монастыря, и мне это нравится. Рядом — маленький изящный купол над отверстием в потолке — ердыком. Мастер, построивший колонны и подогнавший идеально обтесанные камни этого по сути зонтика над печью-тандыром, наверное, исходил из того, что в таком месте красивым должно быть все. Отсюда весь монастырский двор — как на карте и рукой подать до хачкара, установленного на верхушке знаменитого Качающегося Гавазана (Посоха). Эту почти девятиметровую стелу на восьмигранном постаменте, установленную в 904 году, многие склонны связывать с языческим армянским культом фаллоса. Когда-то она своими колебаниями, размах которых доходил до 30 градусов, предупреждала братию о скором землетрясении или приближении вражеской армии. Позднее, с XIV века, когда усилиями Ованнеса Воротнеци и князей Орбелян здесь был основан университет, у посоха выпускники держали самый главный экзамен — читали проповедь. Причем, говорят, что, если выступающий был особенно красноречив и убедителен, Гавазан начинал раскачиваться в знак одобрения, и студент сразу получал высшую ученую степень — вардапета. Что интересно, посох этот остался невредим даже после землетрясения 1931 года, разрушившего большую часть монастырских построек.

Наивысшего расцвета университет достиг в 1386—1409 годах, когда во главе Татева стоял Григор Татеваци.

В его усыпальницу, построенную сплошь из хачкаров, можно войти из церкви Погос-Петрос.

Неожиданно ко мне на травяную кровлю пристраивается тот самый парень в рясе:

— Вы знаете, что Гавазан — копия посоха Григора Лусаворича?

— Да? Когда-то он качался...

— Отец Микаэл говорит, что он и сейчас качается.

Если раскачать. Только вот после того, как специалисты решили посмотреть, какой в нем механизм действует, они уменьшили амплитуду его движения. Должно быть, в целях безопасности. ▸

Какой армянин хоть раз не сказал, ну или не услышал: «Где были другие народы, когда в Татеве баня была?!» От частого употребления эта фраза перестала восприниматься как исторический факт и даже как шутка. А баня-то есть! Стоит по сей день

***

В 915 году в селах, принадлежавших монастырю, начались волнения. Сельчане громили и грабили монастырь. Впрочем, вскоре восстание было усмирено. Необходимость платить Татеву дань приняли все, кроме одного села Цураберд, известного сейчас под названием Сваранц. Его обитатели оказались так упрямы в своей борьбе с храмом, так последовательно ему вредили, что, отчаявшись их усмирить, царь Сюника Васак Первый принял радикальные меры — село было сожжено дотла. Такова была цена вопроса: быть или не быть здесь, пусть и спустя лет 500, интеллектуальному центру, быть или не быть университету. Наука во все времена была делом дорогостоящим, а Татеву предстояло стать не только духовным, но и научным центром страны.

Даже хозяйственная часть монастыря поражает новейшими для того времени технологиями — маслобойня, баня... Какой армянин хоть раз в жизни не сказал, ну или не услышал: «Где были другие народы, когда в Татеве баня была?!» От частого употребления эта фраза перестала восприниматься как исторический факт и даже как шутка. А баня-то есть! Стоит по сей день. Чаны с водой размещались в каморках, под которыми находились топки, а дым, прежде чем выйти в трубу, проходил по специальным желобам под полом купальни и согревал помещение.

В лучшие времена здесь жило около 1000 монахов, а на содержание этого по сути города работало 800 сел.

***

С внешней стороны монастырские стены с оборонительными башнями выглядят куда более внушительно. Они надежно защищали Татев от врагов с единственной уязвимой стороны. А на случай их проникновения в обитель здесь было прорыто множество подземных ходов, выводящих в ущелье. Выбраться туда по ним можно и сейчас. Исследовательский азарт вывел нас с фотографом по ступенькам из подземного прохода в трапезной на самый край обрыва, где проходит тонкая тропа.

Ой, не завидую я тем большевикам!

А в огромных замурованных в землю кувшинах, как говорят, пшено хранили только в мирное время. В войну же в них складывали самое ценное, что здесь было, — рукописи. Впрочем, все эти предосторожности, включая раскачивающийся при приближении вражеской армии Гавазан, не спасли монастырь от нашествия сельджуков в XI веке, когда его сожгли до основания.

Я слышу пение и спешу в церковь Погос-Петрос. Перед алтарем стоит отец Микаэл, а служка бьет в колокол. Очень хочется побыть здесь подольше, но надо торопиться. Рваные лоскуты облаков, безобидно сползавшие с гор, неожиданно быстро собрались в ущелье, и мы поехали наперегонки с туманом. Он полз за нами по ущелью, задевая задние колеса машины. Еще чуть-чуть — и мы на вершине, а сзади разлилось молочное море, очерченное берегами скал. ■

право на море

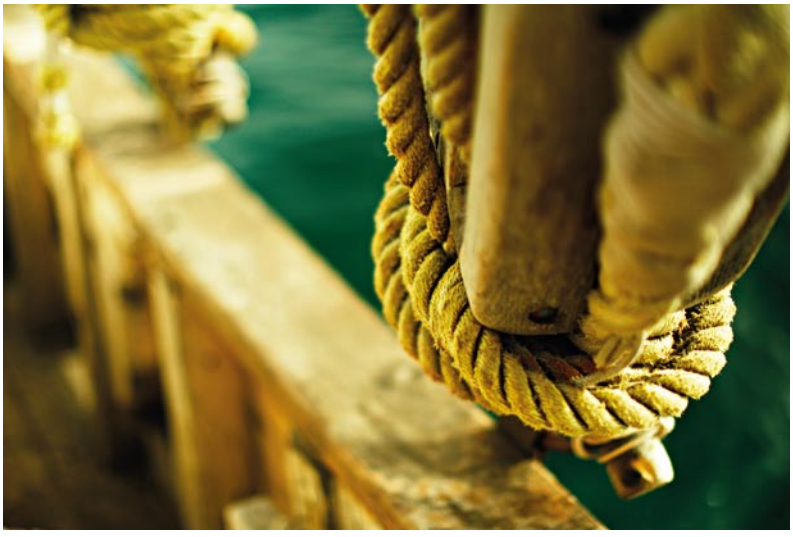
Под пасмурным небом едем на Севан. Дорога к нему, подобно дороге к храму, не может быть простой. Поворот за поворотом поднимаемся на высоту его высокомерного величества. Мы приехали искать его расположения. Разрешения озера пойти по нему на «Киликии» — копии средневековых армянских кораблей, несколько лет назад совершившей историческое путешествие по портам Европы.

Текст **Нунэ Мелкумян** | Фото **Арнос Мартиросян**

Сначала появились чайки. Вот и сейчас они рыдают и хохочут надрывными женскими голосами. Мы сверяем маршрут — все верно. Но корабля не видно. Вот уже до берега рукой подать, едем по едва различимой дороге к одной из многочисленных частных бухт. Озеро как на ладони, но судна нет. Севан словно укрывает его неровной береговой линией. Оно и к лучшему: встреча непременно должна быть триумфальной. Наконец «Киликия» перед нами во всем своем великолепии. Парусник моментально пробудил во мне память, передавшуюся от предков. Будто когда-то из окна моего дома был виден старинный деревянный порт, куда каждый день приходили корабли, подобные этому. Их огромные, пожелтевшие на солнце паруса и развевающиеся на ветру флаги отложились в коде моего ДНК. «Киликия»! Морская слава целого народа поместилась на борту одного судна.

→
Капитан «Киликии» Карен Балаян

Парусник моментально пробудил во мне память, передавшуюся от предков, отложившуюся в коде моего ДНК. «Киликия»! Морская слава целого народа поместилась на борту одного судна



***

Отмеряя шагами палубу и набирая в легкие побольше воздуха, душистого от запаха воды и дерева, я знакомлюсь с парусником. Он молод и стар одновременно. Как поздний ребенок. Он сохранил всю генетику и стал зеницей ока каждого, кто хоть раз его увидел. То ли последний корабль давно ушедшей традиции, то ли первый — ее возрождения. В любом случае — свой. Даже по прошествии стольких лет «Киликия» не может никого оставить равнодушным.

В 2002-м для того, чтобы впервые спустить корабль на воду, его привезли сюда же, на Севан. Везли под проливным дождем. Но здешняя погода предсказуемостью никогда не отличалась и к «Киликии» проявила удивительную благосклонность. Судно спустили на воду — и туч как не бывало. Дождевая завеса рассеялась, оставив после себя благословение — двойную радугу, под которой корабль прошел во время своего первого путешествия. Коварнейшее из морей, — а именно морем называют Севан все члены его экипажа, — дало добро. После этого можно было отправляться в заветный путь. ▸

***

Иногда величие стоит оттенить беспристрастными цифрами. Копия армянского киликийского торгового парусного корабля XIII века, нареченная «Киликией», в 2004 году посетила 23 порта в 12 странах Европы и Азии, в 2005-м — 23 порта в 6 странах Европы, в 2006-м — 25 портов в 14 странах Европы. В самом начале путешествия «Киликия» шла под парусом легендарного судна «Крузенштерн». Но дырявился он с такой частотой, что латать не хватало рук — то ли парус не выдерживал тягот пути, то ли у каждого корабля свои крылья. В первый же год его заменили на парус, под которым «Киликия» ходит до сих пор. Точнее, на паруса — их у корабля несколько. Основной во время сегодняшнего путешествия так и не раскрыли. Сначала из-за пасмурной погоды мы пошли на тех, что поменьше, — штормовых. А потом, из-за полного штиля пришлось включить мотор. Кстати, есть два необходимых нововведения — мотор и бортовые огни. Без них ни одно судно не имеет права выходить в плавание. Благодаря мотору корабли довольно быстро входят и выходят из портов, что позволяет серьезно сэкономить время. А бортовые огни нужны для безопасности ночью. Во время испытаний на Севане мотора у «Киликии» еще не было, поэтому по нескольку часов застревали то на берегу, а то и посреди озера во время штиля. Вот оно, ждать у моря погоды!

В начале пути «Киликия» шла под парусом легендарного «Крузенштерна». Но дырявился он так часто, что латать не хватало рук — то ли парус не выдерживал тягот пути, то ли у каждого корабля свои крылья

Учиться на «Киликии»

После путешествия по портам Европы «Киликию» срочно потребовалось ремонтировать. Достаточных средств для этого не было, и судно простояло несколько лет на берегу. Под угрозой было само существование парусника. Именно тогда на помощь пришел образовательный фонд «Айб», с которым теперь сотрудничает экипаж «Киликии». Так началась вторая жизнь корабля. Ставка делается не только на историю, но и на развитие туризма и обучение подрастающего поколения. Ученики старшей школы «Айб» с удовольствием ходят на уроки капитана Карена Балаяна и других членов команды. Ну а во время ремонта к бывалым киликийцам подключились молодые ребята, которые сейчас плавают со всеми на судне.

***

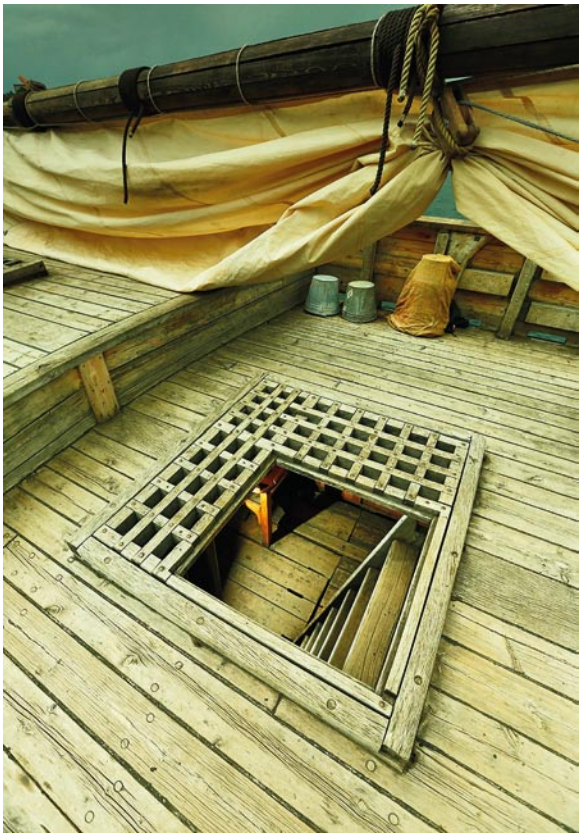
Романтика романтикой, а распорядок дня в море строгий. В команде всего 12 человек, четверо из которых несут вахту. Двое управляют рулями, один — парусами, ну а последний всегда капитан. Он стоит на корме и следит за всем происходящим. Вахта длится 4 часа. Отдых — 8. Деление на день и ночь для моряков просто не актуально. Они знают, когда у них вахта. И знают, когда отдых. А темно при этом или светло — роли не играет. Я спускаюсь в трюм. Тесно, но уютно. Через потолочные окна с деревянной решеткой квадратами проникает в каюту свет. Он падает прямо на стол с аккуратными стопками журналов разных лет — все со статьями о «Киликии». Никакого щемящего ощущения в груди: рожденному из истории кораблю стать всего лишь историей не грозит. Это живой памятник мечте.

Под стенами сооружены такие же деревянные, как и все тут, койки в три уровня. Предыдущее помещение — владения кока. Следующее — святая святых — капитанская. Вот и все. Жить здесь месяцами — нелегкое испытание. Как на столь ограниченном пространстве неделю за неделей сосуществуют люди, одержимые бескрайними морскими просторами, — загадка. Может, это дань, которую нужно заплатить за настоящую свободу? Свободу мысли, свободу скорости, свободу передвижения... В случае с «Киликией» — это еще и свобода или скорее освобождение от всех превратностей истории. Свобода выбора. И выбор свободы.

→ Трюм, в котором отдыхают матросы

***

Во все времена мысль — первый и самый главный инструмент. Мысль разоряет страны и возводит прекрасные города. Мысль открывает дорогу в мир и двери в себя. Мысль приводит на борт корабля, созданного опьяненными идеей. Из мысли рождается символ. В случае с «Киликией» — материальный. И на пути этого символа не бывает совпадений, все, что происходит, — судьба. В 2004-м по высоким и сложнопроходимым горным перевалам Грузии, где за каждым поворотом брезжит надежда отыскать тонкую темно-синюю линию воды между небом и землей, «Киликию» везли к Черному морю. Именно там должно было начаться грандиозное трехлетнее путешествие по портам Европы. На одном из перевалов киликийцы встретили другой гигант — судно, сконструированное по образцу кораблей викингов, тоже продвигавшееся к морю. Две огромные морские черепахи, волочащие за собой сотни лет истории, жадно глотали воздух, мечтая о море, где молодость — навсегда. В горах Грузии встретились две эпохи. ▸



***

О корабле говорят многое, но многое говорят и на корабле. Это путешествие в памяти членов команды покрывается инеем забвения, и уже не сохранились имена всех тех, кого встретили в пути. Имя этой девушки тоже забыто, но скрипка... Ее скрипку вся команда помнит до сих пор. Она была артисткой бродячей труппы циркачей. Где они познакомились? В Милане? Наверное. Сидели все вместе, было темно, она играла на скрипке прекрасные мелодии. Импровизировала, повторяла любой напев. Красивая молодая девушка без имени...

Во всех портах их встречали с большой помпой. Они приезжали в своих киликийских одеждах, таких же, как на старых гравюрах с прототипом судна. В портах «Киликия» моментально становилась героиней дня, особенно для искушенных моряков, понимающих, что перед ними реплика средневекового корабля. Хорошо запомнилась Англия, владычица морей, где у команды брали интервью журналистка Би-би-си и репортер специализи-

рованного журнала, яхтсмен по имени Джон, который прекрасно разбирался в корабельном деле. Интервью закончилось, все распрощались и «Киликия» отчалила от берега. Тут Джон закричал вслед судну: «Все-таки армяне — настоящие моряки!» Таких признаний было много, но это почему-то запомнилось на всю жизнь.

***

Моряки рассказывают об определении маршрута по звездам, об астролябии, о штормах, когда ломались рули и вместо них в ход шли обычные ведра на канатах, о средиземноморской жаре, когда матросы спали прямо на палубе, о холодных ночах, когда теплее всего кутаться в парус... Не здесь ли, сидя на носу, на месте впередсмотрящего, повернувшись спиной к будущему и охватив взглядом всю палубу этого прекрасного в своей хрупкости и мощи корабля, приходит настоящая любовь к морю? Любовь навсегда. Любовь целого народа. А теперь уже и моя.

15 армянских кораблей

В 2008 году была организована экспедиция в Карибское море на яхте ANAHIT. Цель экспедиции — найти останки армянского судна XVII века «Кедахский купец», плывшего из Калькутты в Сурат, захваченного английским пиратом Уильямом Киддом и в 1699 году потопленного у берегов Доминиканской Республики. Капитан «Киликии» и президент клуба морских исследований «Айас» Карен Балаян рассказывает, что на морском дне покоятся останки еще как минимум 15 затонувших армянских кораблей, чье местонахождение ему известно из разных исторических документов. Так что следующая цель клуба — организовать экспедиции к этим местам.

Команда пошла под армянским флагом в Киликию, в порт Айас. И ступила на этот берег, как делали предки. Ступила, чтобы замкнуть круг. Доказать: мы сохранили все. По-своему мы сохранили даже море

→ Экипаж крепит к рее основной парус

***

Его строили 11 лет, не разрешая себе сомневаться в успехе. Идея никогда не казалась безумной и невоплотимой. Увидев гравюры средневековых миниатюристов, будущие члены экипажа уже точно знали, что такой корабль будет. И такой корабль пойдет. Сколько матенадаранских рукописей было перерыто, сколько миниатюр передавалось из рук в руки, рождая в каждом из тех, кто строил, не мечту, а одержимость кораблем. Всего-то 11 лет, чтобы как никогда приблизиться к армянской мечте о море. На то, чтобы своими руками, проигнорировав все мировые достижения в кораблестроении, сделать судно по-настоящему своим. Через 11 лет команда пошла на паруснике под армянским флагом по всем морям Европы. Пошла, чтобы войти в каждый порт, куда входили средневековые киликийские мореплаватели. А главное — пойти в Киликию, в порт Айас. Пришвартовать корабль, получивший боевое крещение на Севане, к его родному киликийскому берегу. И ступить на этот берег, как делали это предки много веков назад. Ступить, чтобы замкнуть круг. Доказать: мы сохранили все. По-своему мы сохранили даже море.

P. S.

Через много часов, уже дома, я почувствовала качку. Меня предупреждали, что так оно и будет, но качка не закончилась даже через несколько дней. Наверное, раз поднявшись на борт корабля, я навсегда причислена к целым поколениям тех, кто спит и видит свое море. ■

чертовски дорогие буквы

Грандиозная фреска площадью 677 квадратных метров — крупнейшая в мире — украшает вестибюль дворца баварских епископов в Вюрцбурге. Мифологические существа, античные боги, нимфы, наяды, обитатели экзотических стран — множество фигур, порхающих среди облаков в легком головокружительном полете, и... армянские буквы, высеченные на камне.

Текст **Эрна Ревазова**

→
Знаменитая фреска над Treppenhaus — парадной лестницей дворца в Вюрцбурге

Как художнику удалось предугадать в своем творении будущее людей? А может, изобразив их, он роковым образом повлиял на судьбы своих моделей? Не успели на самой большой в мире фреске высохнуть краски, как умер Бальтазар Нейманн — архитектор вюрцбургской резиденции. Тьеполо «усадил» его на ствол пушки, у ног бога смерти Танатоса. А еще через год скончался владелец замка, епископ фон Грайфенклау. Не зря на фреске в него вперил взор отвратительный старик — аллегория конца жизни. Да и Хронос, крылатое божество времени с косой и песочными часами, отсчитывающими последние месяцы жизни епископа, устроился над самим портретом заказчика фрески. Неужели все это потому, что епископ не одобрил первоначальный вариант? Впрочем, оно и к лучшему, ведь на нем не было армянских букв!

Джованни Баттиста Тьеполо (1696 — 1770 гг.) пользовался славой самого востребованного и чертовски дорогого венецианского художника. Семьи патрициев, монастыри и церкви стремились обладать его картинами. Заказы следовали один за другим. То министр Саксонии Брюль наряду с полотнами великих мастеров прошлого закажет для галереи работы своего современника — итальянца Тьеполо, то придет заказ из далекой России — создать плафон «Триумф Марса» для Голландского домика (впоследствии — Китайский дворец) в Ораниенбауме. Тьеполо трудно было застать на родине, в Венеции, которая в XVIII веке почиталась мировой столицей искусств. А когда поступило сразу два заказа — из Швеции и Германии, «король фресок» отклонил предложение шведского монарха. Тьеполо предпочел поручение баварского епископа Карла Филиппа фон Грайфенклау, только что завершившего строительство вюрцбургской резиденции. Епископ был незаурядной личностью, тонким знатоком искусства. Джованни Баттиста же был не только «чертовски дорогим», но и дьявольски быстрым живописцем. Всего пара лет — и полностью расписан Kaisersaal — императорский зал дворца. Епископ пришел в восторг от сцен, связанных с пребыванием в Вюрцбурге германского короля, императора Священной Римской империи Фридриха I Барбароссы. Так что вопрос, кому поручить роспись потолка над Treppenhaus — парадной лестницей резиденции — самого важного места во дворце, апофеоза демонстрации могущества владельцев любого замка, даже не стоял.

В 1752 г. Тьеполо приступил к созданию очередного шедевра — фрески «Аполлон и континенты». Это был звездный час его творческой карьеры. Эскиз фрески (сегодня он хранится в Metropolitan Museum of Art в Нью-Йорке) вскоре был готов. У аристократов Мальты и Италии огромным спросом пользовались исторические и мифологические сюжеты, на их основе Тьеполо и создал первый эскиз. Но епископа популярная светская тематика не удовлетворила — он попросил добавить сюжеты из истории христианства. В результате Азия — часть света, где родился Христос и появились древнейшие алфавиты, — была представлена на фреске как колыбель христианства. Два пилигрима, которые на эскизе сгибались в поклоне, приветствуя Европу, на фреске склонились перед крестом, на котором был распят Иисус.

Символическое значение практически всех фигур, изображенных на этой фреске, понятно. Тем удивительней должен был выглядеть старец с факелом в одной руке и стилом в другой, сидящий над плитой с изображением букв, вряд ли хорошо известных в средневековой Европе. Человек же, знакомый с армянским алфавитом, без труда распознает среди них армянские буквы.

Как же они попали на эту знаменитую фреску? Какое отношение к ним имеет старец? И, наконец, что символизирует эта композиция? Вероятно, подобные вопросы занимали многих, но лишь спустя два столетия после создания фрески немецкие ученые (Мессерер, Волькмар Шмидт) заговорили об армянской составляющей в работе Тьеполо. Правда, оказалось, что художник имеет к ней опосредованное отношение. Дело в том, что в сороковых годах XVIII века любимый ученик великого венецианца Франческо Дзунио (1708 — 1787) провел изрядное время в обители мхитаристов на острове Святого Лазаря в Венеции. Там он создал алтарные изображения святых отцов Армянской Церкви. Среди них — великолепная картина крещения царя Трдата святым Григорием Просветителем и каноническое изображение Месропа Маштоца с армянским алфавитом. Возможно, в облике старца с факелом в руке на фреске в Treppenhaus пред нами предстает Маштоц. Что касается самих букв, то на фреске Джованни Баттиста Тьеполо их сорок три. На семь больше, чем у Маштоца. Причем некоторые из них не завершены, перевернуты либо аналогичны созвучным латинским или греческим буквам. Но большинство, несомненно, — буквы армянского алфавита. Быть может, изображая армянские буквы и их создателя, Тьеполо отдавал дань народу, первым принявшему христианство. А в самих буквах зашифровано какое-то тайное послание, что вполне в духе эпохи барокко. Ответа на эти вопросы пока нет. ■

LEO LVSIGNANE ARMENORV REX NOVIS
SIM AB OTOMANIS SOLIO DETVRBATVS
ET A CAROLO VI FRANC REGE BENI
GNISSIME EXCEPT IPSI SVPTIB HOC
IN LOCO REGALITER SEPVLT FVIT AN D 1393

сеньор Мадрида

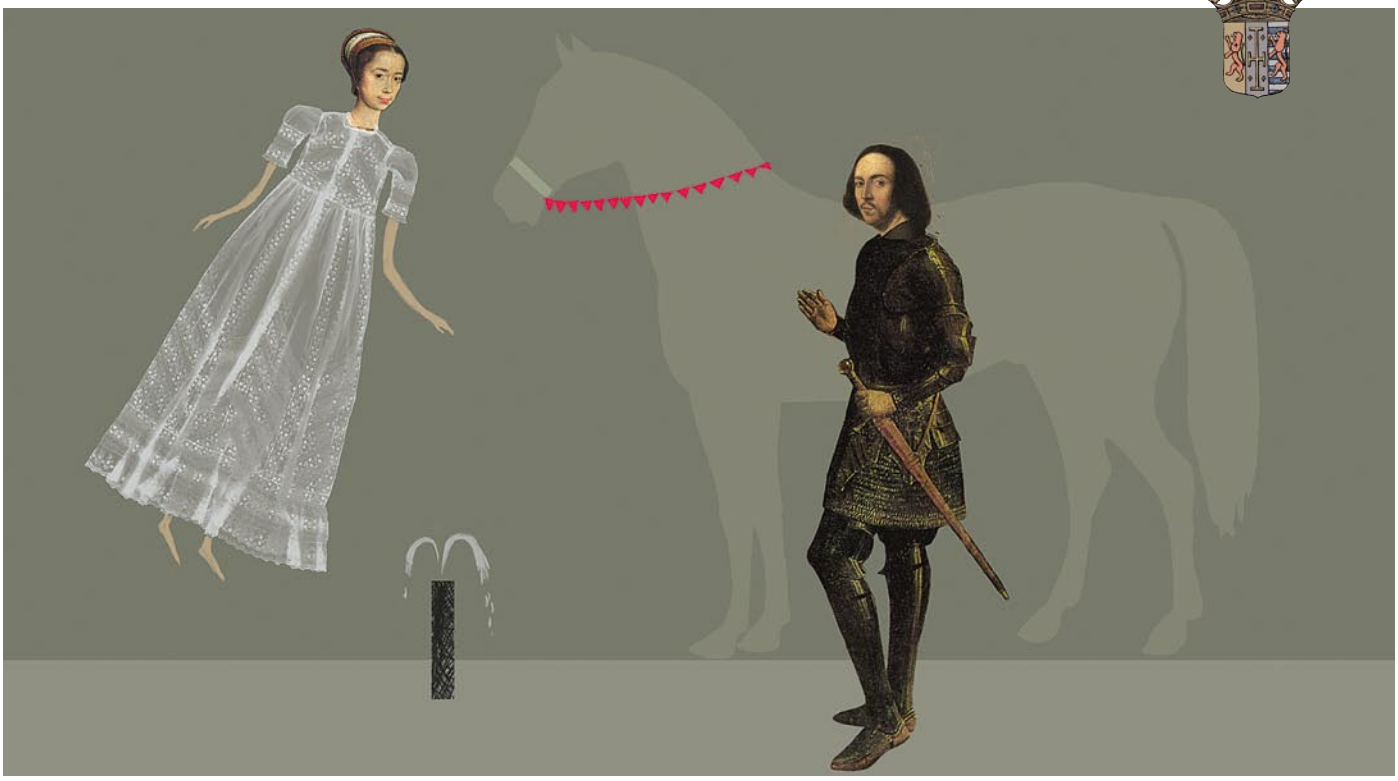
В октябре 1383 года темпераментных испанцев потрясло неожиданное известие — король Хуан I подарил города Мадрид, Вильяреаль и Андухар некоему армянскому царю. Щедрость кастильского короля перешагнула все границы. Ощутив на себе силу гнева жителей Мадрида, Хуан I поклялся, что после смерти чужестранца город будет навсегда возвращен короне.

Текст **Эрна Ревазова** | Иллюстрации **Артур Акопян**

Над осажденным Сисом — столицей Киликийского армянского государства — витал призрак вечно юной королевы французских фей Мелузины. Когда-то рыцарь Раймонд (Raymondin de Forez), увидев ее в лунном свете в лесу около Фонтана фей — источника у подножия высокой скалы, — не раздумывая предложил ей свою железную руку и доблестное сердце. Так, по старинному французскому преданию, была основана династия Лузиньянов, потомком которой и был последний армянский царь Левон Лузиньян. И как гласит то же предание, Мелузина всякий раз навещает замки, где живут короли и вельможи ее рода, «когда с кем-то из них должно случиться нечто трагическое». Дни Киликийского государства были сочтены. «... Осаждали Сис враги с сентября (1374) по 16 апреля (1375) и сдали город в пятницу не по иной какой причине, а из-за голода», — свидетельствует армянский современник этих печальных событий. Левон Лузиньян не смог удержать столицу Киликии. До этого фатального для Киликийского царства штурма враги уже несколько раз врывались в Сис. На этот раз город был обречен — иноземцам удалось покорить цитадель. Там, в расположенном над трехсотметровым обрывом замке, за прочным и стенами и башнями, скрывался раненный в бою царь. По словам французского монаха-летописца Жана Дардела, не обошлось без измены наемников с Кипра, подкупленных врагами. И хотя простые армянские воины продолжали яростно сопротивляться, католикос и знать, посовещавшись, решили сдать крепость мамелюкам — франкофильская политика царя не пользовалась особой популярностью у киликийских армян. За семь месяцев правления царь Левон V так и не стал «своим» на земле, где родился...

...Маленькому Левону было два года, когда неожиданно умер его отец — Дживан Лузиньян, «добрый и терпеливый», временно правивший Киликией до воцарения на престоле его старшего брата Гвидона. Еще через пару лет царь-католик Гвидон (Ги) Лузиньян был убит восставшими армянскими князьями. Династия Лузиньянов почти на 30 лет удалилась от власти — царем избрали влиятельного армянского князя Константина. Он тут же велел заключить в крепость Корикос вдову Дживана грузинскую царевну Салдану с сыновьями — наследниками киликийского престола. А через девять месяцев до крепости дошли слухи: жестокий царь приказал отравить ее сыновей — Боэмунда и Левона. Пленникам удалось бежать. Старый лодочник доставил их на Кипр — киликийские сироты приходились внучатыми племянниками властителю острова. ▸

В середине XIV века кипрский король Пьер I готовил крестовый поход против Египетского султаната. И Киликия представлялась ему весьма удобным плацдармом

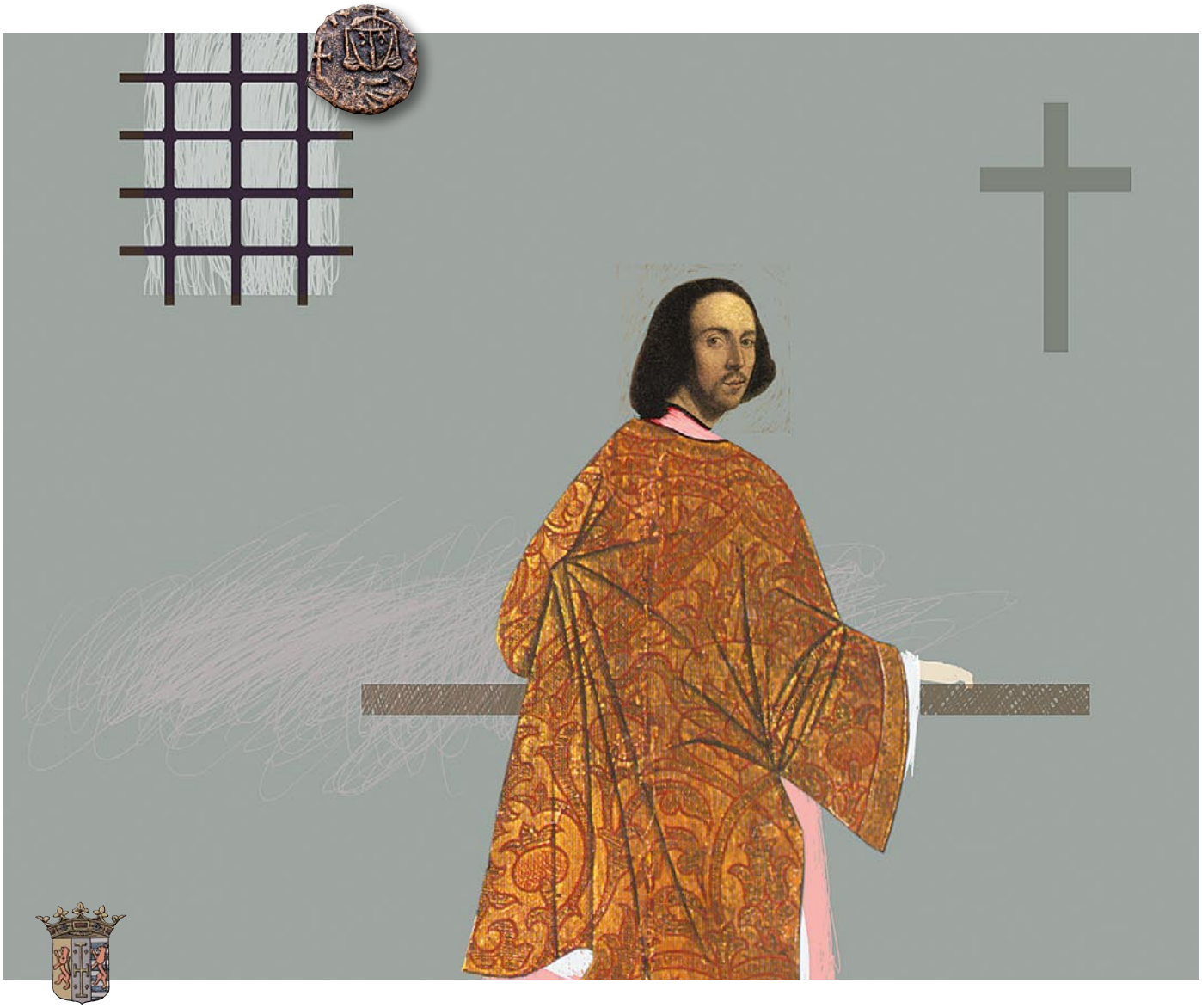


В середине XIV века Кипрское королевство было на вершине своего могущества. Сильный флот, могучая армия — король Пьер I готовил крестовый поход против Египетского султаната. И Киликия представлялась ему весьма удобным плацдармом. Пьер I отправился к Папе Римскому Урбану V «просить его венчать на царство старшего сына госпожи Салданы Боэмунда. Он взял его с собой, но тот по дороге в Рим умер в Венеции в 1363 году» («Хроника» Жана Дардела). Тогда король Кипра добился армянской короны для Левона Лузиньяна, но... утаил письменное согласие папы. Был период, когда он даже вообразил себя царем всех армян — сохранились сведения о серебряной монете с надписью, подверждающей его «армянский» титул. Впрочем, фальшивомонетчики существовали во все времена...

После очередного убийства — на этот раз жертвой оказался Константин V, на свою беду пожелавший сохранить мир с Египтом, — о младшем сыне Дживана «вспомнили» и армянские феодалы Киликии. Левон Лузиньян ответил согласием на их просьбу «прийти, принять наследство». Легко сказать — «прийти». Будущий армянский царь успел еще побывать в плену: между Кипром и Генуей вспыхнула война. Освободиться ему удалось, лишь уплатив 9 000 дукатов выкупа. Пришлось распродать серебряную посуду и заложить поместье жены Маргариты де Суассон. Потом его обвинили в участии в заговоре и убийстве Пьера I. Но Левон сумел доказать свою невиновность. Получив разрешение королевы Элеоноры Арагонской — вдовы Пьера, — он высадился на Киликийском побережье и в сопровождении отряда воинов-наемников тайными горными тропами пробрался в Сис. Летом 1374 года Левон V Лузиньян был «венчан армянской царской короной» сперва епископом Еброном по католическому обряду, а затем католикосом Погосом — по армянскому ...

...Армянский царь, его семья, католикос Погос и двадцать армянских князей были пленены. Знатные пленники были доставлены в Каир, где Левону было предписано поселиться. Кстати, по просьбе армянской общины Каира Левону V Лузиньяну была предоставлена свобода передвижения и обеспечено содержание — 60 серебряных драхм в день. Католикос Погос и армянские феодалы получили разрешение вернуться на родину. А Левон V занялся «перепиской». Много раз он писал Папе Римскому, византийскому императору, французскому и другим королям. Все письма содержали просьбу содействовать его освобождению, Помочь захотели многие, в том числе неаполитанская королева Жанна и византийский император Иоанн V. Правда, безуспешно. А арагонский король Педро IV, по словам Дардела, «долго отделывался пустыми обещаниями и только через 8 месяцев обратился к епископам своего королевства, чтобы те выделили часть церковных доходов для выкупа из плена армянского царя, но прелаты отказали в этом».

Летом 1374 г. Левон V Лузиньян был «венчан армянской царской короной» сперва епископом Еброном по католическому обряду, а затем католикосом Погосом — по армянскому



Летом 1382 г. посланники Левона V — французский монах Жан Дардел и оруженосец царя Сохлер Дюлькарт прибыли в Кастилию. Хуан I, «идальго из идальго, рыцарь из рыцарей, отважный воин, смиренный и истый христианин, величественный монарх и гордый кастилец», соблаговолил выслушать их. Рыцарь с горящими глазами поведал королю об обстоятельствах, при которых исчезло Армянское царство на берегу Средиземного моря. О страданиях гордого царя-католика «во имя правоверной христианской церкви», которые Левон V Лузиньян испытывает в египетском плену. О его тщетных обращениях к христианским правителям. И о его последней надежде — благородном и могущественном короле Кастилии. Просьбу чужестранцев спасти «христианскую честь царя» Хуан I — неистовый защитник католической веры — воспринял как еще одно испытание, посланное свыше. Совсем недавно, после ужасного кровотечения во время родов, скончалась его жена — королева Леонора. И вот посланцы с Востока, появившиеся в день ее похорон, — не предзнаменование ли это? Видимо, сам Всевышний требует его вмешательства. Вскоре послы Хуана с богатыми дарами — серебряный сосуд с позолотой, золотая чаша с крышкой, драгоценные изделия, стальное оружие, четыре куска красного драпа, три тысячи бобровых шкурок, белый куний мех и четыре сокола — прибыли в Египет. В декабре того же года Левон V, один, без семьи — его жена Маргарита и дочки-близняшки умерли в плену — был освобожден. Прежде чем встретиться со своим освободителем, Левон V попытался заручиться поддержкой папы Климента VII, дабы в новой борьбе во имя Святой Троицы вернуть свои земли. Там ему был оказан торжественный прием и только. Да еще папа наградил армянского царя «Золотой розой».

В списке актов Ватикана сохранилась запись: «Сегодня в числе расходов записана уплаченная 26 февраля сумма денег золотых дел мастеру Иоанну Бартоли за изготовление «Золотой розы», на которую было израсходовано 1 марка 3 унции 19 драхм золота пробой в 20 каратов. В воскресенье эта «Роза» была вручена армянскому королю».

Куда более ценным оказался дар кастильского короля. Мало того что на просьбу Левона помочь возвратить его царство, он обещал дать 6 галер и 6 кораблей, снаряженных всем необходимым, так еще в присутствии собравшейся в Сеговии — столице Кастилии — знати Хуан I передал во владение армянскому царю города Мадрид, Вильяреаль и Андухар. Крепости, ежегодно дающие казне 150 000 арабских драхм дохода. Монарший

V или VI?

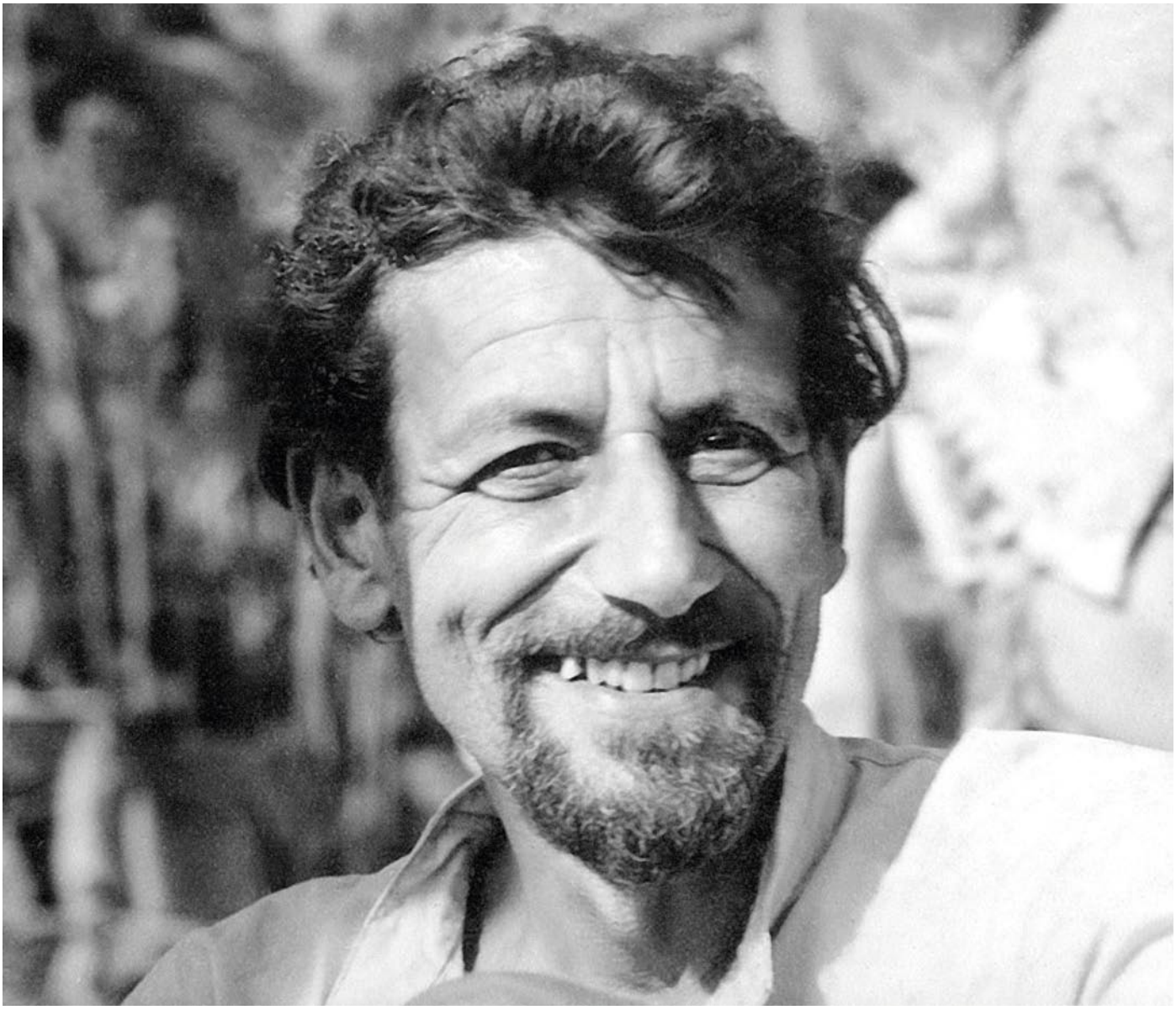
Левон Лузиньян фигурирует в истории падения Киликийского государства как последний царь этой страны. На его могильной плите начертано: «Cy gist tres noble et excellet prince Lyon de Lizingne quit roy lati du royaume d'Armenie...» — «Левон Лузиньян V, латинский король Армянского царства». Все правильно, если вести счет не с князя Левона I (1129 — 1137), а с Левона II, в 1187 г. de jure ставшего правителем Киликии. Именно с него начался второй период в истории Армянской Киликии — период Киликийского царства. Первым царскую корону Левону II предложил предводитель III крестового похода Фридрих I Барбаросса (1152 — 1190). В 1196 г. Левон II был признан как король византийским императором Алексеем III. В январе 1198 г. Левона II торжественно короновали в городе Тарсе «царем Армении милостью Бога и римского императора». Но как только все соседи его признали, Левон II стал именовать себя царем Армении лишь «милостью Бога».

указ ледяным потоком обрушился на голову кастильской знати — весьма знатные и крайне гордые испанские дворяне должны повиноваться никому не известному сеньору с Востока?! Конечно, жители Мадрида покорились воле монарха и признали армянского царя своим сеньором. И все же они осмелились высказать Хуану I свое недовольство. В закоулках города нарастал глухой ропот. Сохранился ответ кастильского короля разгневанным мадридцам: «Делегаты этого города сообщили нам, что передача Мадрида армянскому царю вредна для города и противоречит привилегиям, пожалованным ему моими предками и мною, ибо вышеозначенный город принадлежал королевскому трону, и просили, чтобы Мадрид, как и раньше, оставался бы за короной. Мы одобряем эту просьбу и отмечаем, что этот город мы передали армянскому царю, потому как он потерял свое царство, защищая святую католическую веру, и мы город Мадрид с его доходами, налогами и правами дали ему, чтобы обеспечить его до конца жизни. Наше решение, чтобы право Левона на город Мадрид прекратилось бы вместе с его смертью. Мы клянемся, что никогда этот город затем не будет передан человеку нашей страны или чужестранцу». Постоянное ощущение неприязни вынудило Левона покинуть Кастилию. Летом 1384 года он прибыл в Париж. Народ был удивлен — навстречу армянскому царю выехал сам «французский король Карл VI в сопровождении принцев, герцогов, графов, баронов, рыцарей, кардиналов, епископов...» (Хроника Сен-Дени 489).

Хуан I передал во владение армянскому царю города Мадрид, Вильяреаль и Андухар. Монарший указ ледяным потоком обрушился на голову кастильской знати

Обосновавшись в Париже, в королевском дворце Сен-Оуэн, Левон все реже вспоминал о потерянной родине. Здесь он жил насыщенной жизнью — безграничное почтение, немалые деньги, роскошные француженки... В его завещании, кроме двенадцати парижских церквей и больниц, упоминаются и внебрачные дети. Интересно, как царь-католик надеялся миновать «чистилище»? Неужели с помощью тех самых 2000 франков, выделенных им церкви Целестинов и приносящих «ежегодно 200 золотых, на которые содержались два монаха, денно и нощно замаливающих грехи Левона»? Кстати, завещание, на писанное в присутствии двух нотариусов, — еще одно европейское новшество в истории армянской монархии. Как правило, последняя воля правителей Армении выбивалась на стенах храмов. Левон Лузиньян обладал бесспорным талантом дипломата. Так, например, в Лондоне он выступил в качестве посла французского короля Карла VI перед Ричардом II и его советниками. Армянский царь упрекал англичан в том, что они, вместо того чтобы направить оружие против врагов на Востоке, ведут междоусобную и разорительную войну (Столетнюю). Впечатленный английский король определил выдавать Левону — пока тому не удастся вернуть свое царство — по тысяче фунтов ежегодно. Что касается остальных выплат, то 6 000 франков в год в течение девяти лет только от французской короны, не считая того же Мадрида, обеспечивали эмигранту безбедное существование.

Последний армянский царь умер в воскресный день 29 ноября 1393 г. во дворце в Турнеле. Похороны Левона V Лузиньяна, прошедшие в полном соответствии с погребальным обрядом армянских царей, стали еще одним потрясением для парижан. Все подданные армянской короны от мала до велика были в белом. В белое были одеты и двенадцать нищих, несущих гроб, — такова была воля покойного царя. Сам Левон V был также облачен в белоснежное одеяние, на голове его блестела золотая корона. Но царь-скиталец и после смерти так и не обрел покоя. Революционная толпа в 1789 году в числе других разорила и его могилу в церкви Целестинов. Правда, год спустя французы решили восстановить место погребения, и сегодня надгробная плита с беломраморной фигурой армянского царя находится в аббатстве Сен-Дени — усыпальнице французских королей. Мадрид же, возвращенный кастильской короне сразу после смерти Хуана I (1390 г.), так и остался мелькнувшим видением, иллюзией, бесплодной надеждой восстановить армянское государство, которую тщетно возлагал на европейских правителей последний армянский царь. ■



След голубя. Утро

В принципе, это даже не было протестом. Они просто устали, и поэтому в дулах танков и автоматов оказались букеты цветов. Они устали делать войну и начали делать любовь. Они были нормальными людьми и не понимали, как можно теракт со «всего-то» одним погибшим назвать «незначительным эпизодом», им обрыдло быть обреченными размножаться во мгле, и они вынесли процесс на обозрение. Бродский сказал, что два пупка сливаются в знак бесконечности — и разве сама Вселенная, возведшая бесконечность в абсолют, посмеет утверждать, что естественное может быть запретным? Дети цветов, они были плотью от плоти этой планеты, и человек по прозвищу Восьмипалый Эдди был одним из них.

Текст **Рубен Гюльмисарян**

Govt drops idea to recognize Eight-Finger Eddie

Andrew Pereira | TNN

Panaji: The state government has dropped the idea to recognize hippie godfather Eight Finger Eddie as among the pioneers of tourism in Goa.

Eddie, who died on October 18 and was cremated as per Hindu rites at Mapusa, was in the first wave of foreign tourists to discover the shores of Goa in the 1960s whilst treading the hippie trail, in a bid to get away from the strict norms of Western society prevailing then.

He spent the last 45 years of his life in Anjuna and is credited, by many, for planting Goa on the globe as a tourist destination.

The 'flower-children', as the hippies came to be known, put Goa on travel journals, publications and magazines and it was not long before charter tourists and independent back-packers started to make their way to this tiny piece of paradise.

Sources in the government inform that administrative circles were seriously considering tapping the Eddie legacy posthumously for its tourism potential, by officially recognizing him as among the pioneers of tourism in Goa.

However, there arose differences in opinion among the bureaucrats, some of whom felt that Eddie's image is not what Goa tourism wants to currently portray amongst its offerings.

"Hippies are associated with back-packers. Though not true, the impression many hold about them is of a community hooked onto drugs. To promote Goa by officially recognizing him (Eddie), and looking at the situation prevailing today is not a good idea. There have been differences of opinion," a high ranking government source said.

Locals in Anjuna, meanwhile, credit hippies like Eddie for giving birth to a new industry - tourism, which today is a key driver of the state's economy.

"A new form of economy also came into being. Prior to this, the locals earned from agriculture, fishing or small business. Those who were educated, worked in offices in Goa, Bombay or abroad. But, this was something new, tourism. It was unheard of before and it benefited the locals, as the hippies stayed with us and ate with us," says Teny Almeida, who has inherited 'Joe Banana' - the first restaurant set up in Anjuna in the 1970s due to the presence of hippies.

"Unlike the charter tourists who stay and eat in starred hotels today, the hippies gave to the locals. Till today, it is the back-pack tourists who patronize the villagers, and who help the locals earn from tourism. We are ever grateful to Eddie for what he has done for Goa," Almeida says.

The government's decision has disappointed many, including a Norwegian freelance journalist Oystein Krogsrud who spent the last two years in Goa chronicling the life of Eddie.

"As a journalist from outside, with a special interest in Goa, whenever there is a story about Goa that I read in Europe, the main thing they write about is Goa as a so-called hippie paradise. By far, that is the number one thing Goa is famous for. It has always, as far as I have seen, been presented as something positive, something cool," Krogsrud says.

"As you may know, stories about Eddie came on loads of newspapers worldwide. But somehow, the people in power in Goa don't realize that this is a number one brand, a number one unique selling proposition for the Goan tourism sector. A brand as a so-called hippie paradise. The term hippie paradise gives a very positive association which, maybe, tourist destinations would be willing to spend a lot of marketing to obtain. In Goa, however, the tourism authorities got this brand for free, and now they seem to be willing to pay to get rid of it," he added.

Eight-Finger Eddie spent the last 45 years of his life in Anjuna and is credited by many for planting Goa on the globe as a tourist destination

В начале

Несколько лет назад гуру БГ сказал мне: «Хиппи — а я знал несколько их поколений — хотели только одного: чтобы им не мешали долбаться. А когда я встретился с последней волной, то в ужасе бежал, ибо увидел сплошных халявщиков».

Все проходит когда-нибудь — это даже уже не БГ, это проза жизни. Прошло и это, и хиппи помнят немногие, да и то почему-то ассоциируя их со звездами рока полувековой давности, подавляющее большинство которых никогда не имело к ним отношения.

Хиппи наконец поняли, что имел в виду Лоуренс Ферлингетти, когда говорил, что этот мир — лучший из всех, если не учитывать, что ровно посередине того, что ты называешь своей жизнью, приходит, улыбаясь, гробовщик. Кто-то ушел после этого осознания в алкоголь и ЛСД, кто-то так и остался заядлым курильщиком почти легализированной марихуаны, кто-то просто ушел... А кто-то остался.

Матерый человечище Джек Керуак уже умудрился опубликовать роман «В дороге». Первый его редактор очень любил вспоминать, что Керуак принес ему рулон бумаги длиной 147 метров, покрытый текстом без единого знака препинания. Это была боль нескольких поколений... Шопенгауэр говорил, что такие рукописи — это поэзия, Керуак назвал их революцией. В любом случае, матершинник, бабник и пьяница Дин Мориарти до сих пор едет на своем дребезжащем «мустанге» по дороге, которая не кончится никогда. А совпадение инициалов и — полное почти — судеб с Джимом Моррисоном... Тогда doors — простите, двери — начали открываться.

И вот — велик был год и страшен по Рождестве Христовом 1965. Боб Дилан сводил с ума, Советский Союз осваивал космос, Соединенные Штаты пытались угнаться за ним на пыльных тропинках далеких планет, попутно устроив бойню во Вьетнаме. Потом две державы поменяются ролями, но дело не в этом. Люди переживали разные весны — пражская была еще впереди, о венгерской уже успели забыть — изобретали в себе всякую мудрость, пытались говорить умные вещи, к которым бы прислушался неумолимо и беспощадно меняющийся мир. Нет чтобы взять да прочесть книжку под названием «Дао Дэ Цзин», в ней все давно было сказано... ▸

Лоуренс Ферлингетти говорил, что этот мир — лучший из всех, если не учитывать, что ровно посередине того, что ты называешь жизнью, приходит гробовщик

Эдвард

Но почему, некоторые и тогда читали книжки. Нашелся вот один такой, сорокалетний Эдвард Мазманян, жил себе в Бостоне. Эксцентричный не настолько, чтобы стать изгоем, образованный достаточно, чтобы не стоять на бирже труда, он взял да и укатил за семь морей из своего Бостона в Индию, на Гоа. Он читал, по всей вероятности, «Дао», но Китай тогда был страной, в которую не пробраться, потому, вероятно, Гоа стало ближайшим из приемлемого. Почему? Есть только предположения.

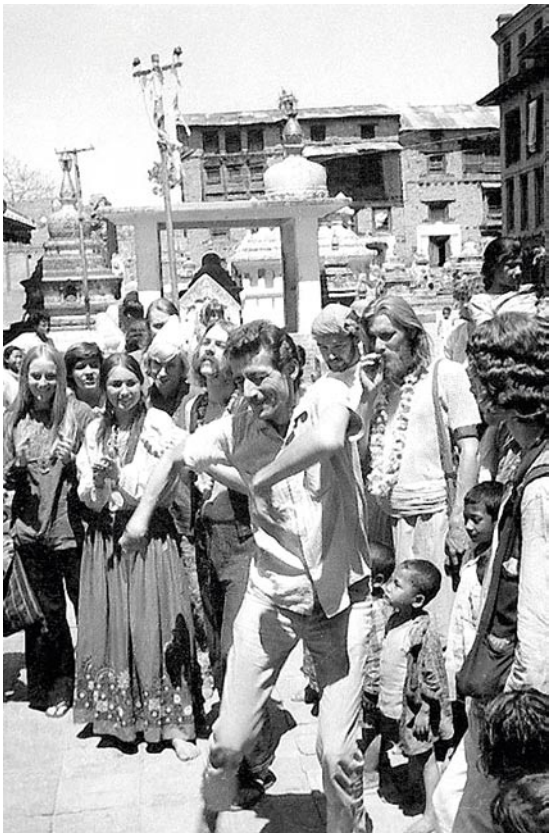
Мама сказала ему: «Эта война — между американцами и немцами, а мы — армяне». Для Эдварда не было абсолютно ничего привлекательного в вооруженных силах. Ему жутко не хотелось менять свою вызывающую одежду на униформу, длинные волосы — на армейский ежик, вкуснятину армянских блюд, приготовленных матерью, — на казарменную пищу, а свою уютную спальню — на бараки, полные пукающих мужчин.

А самое главное — он не хотел никого убивать и, разумеется, убитым быть тоже не хотел.

Без светлых мечтаний, говорил он, жить незачем — ты просто свисаешь, как тряпка с мусорного бака, безо всякой пользы. С того дня, когда к нему пришло солнце, в жизни не осталось места сожалениям — «я благодарен за все, что случилось со мной, потому что в результате я стал тем, кто я есть».

В итоге на Вторую мировую он не попал — психиатр признал его негодным к несению службы, и некоторое время он работал в General Electric, но в один прекрасный день ушел оттуда не прощаясь. Потом он напишет: «Я не то чтобы не люблю работать, я просто всем сердцем ненавижу каждое мгновение своей жизни, которое провел, тупо добывая зарплату. Моя цель в жизни — пройти через нее, делая то, что мне нравится».

Врожденное отсутствие двух пальцев на руке Эдварда Мазманяна считается в Индии знаком выдающегося человека. И его стали звать Восьмипалым Эдди



Гоа. Восьмипалый Эдди

Эдвард играл на бас-гитаре с разными джаз-бэндами, съел огромное количество нелегальных наркотиков, женился, потом развелся, уехал в Калифорнию. В 1950-х он прожил некоторое время в Мексике, затем отправился в Копенгаген. В 1964 году состоялось его путешествие в Иран, Непал и Индию, и вот тут-то он наконец обрел смысл жизни. Он остался на Гоа, в Анджуне, тогда еще тихой деревушке, где несколько домов и чайных пунктиром обозначали границы девственного пляжа. Местные приняли его доброжелательно — вдобавок оказалось, что врожденное отсутствие двух пальцев на его руке считается в Индии знаком выдающегося человека. Так Эдвард Мазманян стал Восьмипалым Эдди.

Эдди стал работать на кухне, где подавались супы для увеличивающегося потока западных путешественников — это ведь было великое переселение хиппи, — а в 1975-м основал в Анджуне блошиный рынок в основном для тех, кто спешил расстаться по бартеру с ненужными вещами и начать тусоваться. Присутствие Эдди и его товарищей было в радость местным жителям — они с улыбкой смотрели на волосатых и бородатых приезжих, которые усердно занимались упражнениями из йоги, серьезно дымили трубками с гашишем и спорили о значении песни Боба Дилана Sad-Eyed Lady of the Low Lands. Писатель Доминик Фернандес сказал о них так: «Они влюбились в эту землю. А мы влюбились в них, глядя на то, какою жизнью они живут».

Нирвана

Не считая регулярных визитов в Катманду и Бомбей, Эдди прожил в Анджуне всю оставшуюся жизнь. Это место постепенно становилось одним из самых востребованных и престижных курортов. Появились отели и казино, а рестораны кормили гостей уже совсем иной пищей, нежели дворовые кухоньки и чайные 1960-х и 1970-х. Блошиный рынок в Анджуне превратился в процветающий торговый центр, и в 1991 году Эдди прокомментировал происходящее так: «Некоторые говорят, что сейчас все не так, как было. Но мне нравится — здесь и сейчас. Я люблю тусовки. И я люблю музыку. Ведь это же так чудесно — танцевать!»

Когда он тяжело заболел, один датский журналист развернул кампанию по сбору средств на медицинские счета для Эдди. А когда он умер 85-летним в 2010 году, местные жители кремировали его останки в соответствии с обрядами индуизма, и прах Восьмипалого Эдди был развеян над Анджуной.

«Я был первым сумасшедшим на Гоа, — любил повторять Эдди, — я стоял и озирался вокруг и с каждым мгновением все больше влюблялся во все, что видел. Я просто понял, что останусь. А потом сюда потянулись другие. В те дни люди приезжали отовсюду, в туристических фургонах, и ни у кого не было никаких денег. Ну и что — зато мы слушали Traffic и Rolling Stones».

В зените расцвета хиппи на Гоа в конце 1960-х и в 1970-х годах Восьмипалый Эдди активно помогал присматривать за потерявшимися в сумасшедшем мире людьми, за теми, кто оказался без крова, кто путешествовал на свой страх и риск. Некоторые были уклонистами от службы во Вьетнаме, некоторые — дезертирами оттуда же, с пустыми глазами и хронической зависимостью от героина. А он, он держал кухню, где варили суп, и иногда умудрялся выменивать на блошином рынке книги Германа Гессе, Уильяма Бэрроуза и «Бхагавад-Гиту».

Mila Jansen

И еще была такая книга — «Мое восхождение к Относительной Неизвестности», довольно объемистая, состоящая исключительно из диалогов. Основным автором ее был, конечно, Эдди, но в нее вошли и записи о нем многих из тех, кто знал его и жил с ним рядом. Одна из них, Валери, стала свидетелем этого самого восхождения.

В один удивительный день кисти его рук стали двигаться сами по себе. Он глядел на них и не верил своим глазам. Он просто смотрел на свои кисти, которые словно пытались сыграть какую-то музыку — «динг-динг-динг». А когда он перестал удивляться и подумал, что это какая-то сверхсила, заставляющая трястись все тело, то вдруг в его комнате появился ослепительный свет, будто в нее властно вошло само Солнце. Свет был очень сильным, но Эдди спокойно смотрел на него, он не вредил глазам. Он чувствовал эту силу и этот свет и понял, что ему открылся источник жизни, место, откуда появляется все живое. «И это должно быть в каждом, — заговорил вдруг очнувшийся Эдди, — просто иногда это, возможно, сидит очень глубоко, иначе кто бы подлил кислоты мне в чай? Когда мы умираем, мы идем к свету. Неважно, кто ты был — вор, негодяй... А куда еще мы можем попасть после смерти — другого места не существует...»

Чуть погодя Эдди сидел на берегу моря, абсолютно спокойный. Валери же, отойдя от шока, бросилась рассказывать об этом старикам-индусам. Те, однако, ничуть не удивились:

— Когда это произошло?

— Совсем недавно, рано утром.

Старики переглянулись:

— Недаром у него восемь пальцев. Он — гуру.

P. S.

Борис Борисович, помните, в вашей песне, в той, где еще звучит неподражаемый дудук Дживана, есть слова: «Мы шли туда, где должна быть стена — но там только утро»?

Утро — это ли не награда за все?.. ■

звезды, полосы и баксы

Два символа американского могущества — «вечнозеленый» доллар и звездно-полосатый флаг. Интересно, что в их истории есть и армянские страницы — изобретение красителя, защищающего американскую банкноту от подделки, и создание первого флага Соединенных Штатов, чье таинственное исчезновение остается загадкой и по сей день.

Текст **Эрна Ревазова**

Американское правительство было не на шутку встревожено — мало того, что ограбление поездов на Диком Западе стало привычным явлением, так еще и фальшивомонетчики начали все чаще подделывать доллары. Надо было срочно принимать меры по защите американских денег. И кто бы мог подумать, что объявленный правительством конкурс на средства защиты американской банкноты выиграет никому не известный эмигрант Хачатур Серобян!

«Крин пек» — именно так назвал новый краситель подданный турецкого султана Хачатур Серобян, перебравшийся за океан в поисках лучшего будущего. Это ему доллар обязан своим знаменитым зеленым цветом, а значит и распространенным сегодня жаргонным названием — баксы. Green backs — «зеленые спинки» — так прозвали первые американские бумажные доллары. Правда, тогда «вечнозеленая» банкнота была несколько сероватого оттенка. Хачатуру удалось получить желтую жидкость, которая при нанесении на бумагу принимала грязновато-зеленый цевет, но служила надежной хранительницей прерогативы государства на выпуск национальной валюты. Правительство Соединенных Штатов высоко оценило изобретение. Серобяну выплатили денежную премию, а турецкому султану послали поздравительное письмо — тому следовало гордиться своими талантливыми подданными.

Интересно, предполагал ли Серобян, когда в 1849 году отправлялся с поручением миссионеров в Нью-Йорк, что ему предстоит там поселиться и выиграть конкурс? Тогда он готов был бесплатно трудиться в аптеке, лишь бы иметь возможность заниматься любимой химией. После победы в конкурсе Серобян... продал свое изобретение — он уступил патент и свое авторское право всего за шесть тысяч долларов (хотя тогда это были довольно большие деньги). Их Хачатур потратил на обучение: изучил медицину и получил свидетельство доктора. Затем Серобян вернулся на родину — в Константинополь, где до конца жизни занимал пост придворного лекаря турецкого султана.

В начале XX века между канцелярией Первопрестольного Эчмиадзина и Консулом Североамериканских Штатов в Батуми Хайнгайтнером завязалась переписка по одному очень деликатному вопросу. Причиной послужил маленький звездно-полосатый флаг из шелка. Всем известное полосатое полотнище со звездами — Stars & Stripes — II Континентальный Конгресс утвердил ровно 230 лет назад, летом 1777 года. Тогда флаг состоял из 13 красных и белых полос и 13 белых звезд на синем поле (по числу колоний, из которых было образовано независимое государство). Сегодня количество полос осталось неизменным, а вот звезд стало пятьдесят — число штатов увеличилось.

В армяно-американской переписке речь шла о «первом флаге Соединенных Штатов, сшитом в Америке из отечественного шелка». А изготовили его из первой партии американского шелка армяне. Еще в XVII в. губернатор Вирджинии Эдвард Диггс пригласил их, чтобы «они следили за его червями». Земля Вирджинии в те времена была усеяна табачными плантациями. Табак никак не желал уступать позиции деревьям шелковицы, и выращивающие их армяне даже стали подумывать о том, чтобы уехать из штата. Тогда губернатор созвал собрание, которое постановило, что развитие шелководства для штата необходимо и армян нужно удержать любой ценой. «Цена» составила 4000 фунтов табака. Армяне остались в Вирджинии, и штат, а заодно и вся Америка, получили отечественный шелк. Первый флаг из этого шелка и оказался в Эчмиадзине, через который проходил маршрут американских велосипедистов, в апреле 1895 г. отправившихся из Чикаго в кругосветное путешествие. Католикос Мкртыч I пригласил путешественников в свою резиденцию. Они показали ему флаг, рассказали о роли армян в его создании. Флаг остался в Эчмиадзине. После смерти Мкртыча I американский консул обратился в Святой Эчмиадзин с просьбой вернуть бесценный дар. Но, как выяснилось, флаг исчез. А тайна его исчезновения почила вместе с покойным католикосом. ■

Edward Percy Moran

← Бетси Росс демонстрирует Джорджу Вашингтону первый американский флаг

Иван Пустовалов

бомба

Известный испанский журналист, автор книг «Бомба» и «Армяне. Забытый геноцид» Хосе Антонио Гурриаран летом 2010 года посетил Москву по приглашению фонда АРГА и согласился ответить на наши вопросы, заранее предупредив со свойственным ему юмором: «Только пусть их будет не больше 200, иначе я устану». И добавил: «Никакого «сеньора Гурриарана». Пожалуйста, называй меня Хосе Антонио и говори мне «ты». Ведь мы, журналисты, — одна банда».

Интервью **Анна Рулевская**

→ Книги Хосе Антонио Гурриарана вызвали в прессе бурные обсуждения

Хосе Антонио, ты можешь для наших читателей еще раз рассказать о том, что произошло с тобой в декабре 1980 года?

— Я шел по центральной улице Мадрида. Было около 9 вечера. Мы с женой должны были встретиться возле кинотеатра и пойти смотреть новый фильм. К счастью, она опоздала. Был канун Рождества и на улице было очень многолюдно. Все покупали подарки к празднику. Я услышал первый взрыв, как только подошел к кинотеатру. Он прогремел примерно в 30 метрах от меня. Когда дым рассеялся, я увидел четыре тела на земле: мужчину, женщину и двоих детей. Я не понял, мертвы они или только ранены, но сразу бросился звонить в редакцию. В те годы я возглавлял очень популярную в Испании газету El Pueblo. Я зашел в телефонную будку неподалеку и успел только набрать номер и сказать Антонио, ночному редактору, чтобы он срочно прислал ко мне фотографа. В этой будке меня поджидали 1,5 килограмма пластида. Они взорвались, как раз когда я находился внутри.

Ты был ранен?

— Я был в очень тяжелом состоянии, практически умирал. Несколько газет, не уточнив информацию, написали на следующий день, что я погиб. Я до сих пор храню их дома. Я остался жив, но перенес 17 операций за полтора года. Моя левая нога стала короче на 11 сантиметров, на правую пришлось несколько раз пересаживать кожу, у меня лопнула барабанная перепонка, но вот голова, к счастью, продолжала прекрасно работать. Как только я начал приходить в себя, то сразу же понял, что должен узнать, кто и почему подложил эту бомбу. Мне сказали, что это сделала террористическая группа АСАЛА (армянская секретная армия освобождения Армении — **ред.**). В тот момент мне это мало что говорило, хотя я знал, что существует Армянская республика в составе СССР, и даже краем уха что-то слышал про Геноцид. В Испании тогда проживало очень мало армян, около ста человек. И этот теракт в первую очередь ударил по

Я был в очень тяжелом состоянии. Несколько газет, не уточнив информацию, написали, что я погиб. Они до сих пор хранятся у меня дома. Я остался жив, но перенес 17 операций за полтора года

ним. Их вызывали на допросы в полицию, у многих стали возникать проблемы с видом на жительство. Армяне собирались строить в Мадриде церковь, и мне говорили, что в этом начинании их поддерживала королева София. Однако после взрывов об этом проекте больше не вспоминали. Я думаю, что армяне тогда чувствовали себя виноватыми, хотя никакой вины на них не было. Не бывает народов-террористов. Когда я начал выздоравливать и вернулся домой, знакомые и незнакомые люди стали дарить мне книги об Армении, армянские кресты, изображения Арарата. Так я заинтересовался историей и культурой страны.

Это немного напоминает «стокгольмский синдром».

— «Стокгольмский синдром» бывает не только у заложников, но и у жертв терактов. Это притяжение к тем, кто тебя ранил, иногда даже восхищение ими. Я разговаривал с людьми, ставшими жертвами терактов ЭТА (баскская сепаратистская организация — **ред.**), и у них были похожие чувства. На эту тему написано много книг и снято много фильмов. В моем случае к «стокгольмскому синдрому» примешивалось еще и чисто журналистское любопытство. Я ломился в эту закрытую дверь, я должен был получить ответы на свои вопросы. После теракта я начал получать письма от армянских организаций Франции, США, Сирии и Ливана, завязал с ними контакты, встретился с некоторыми их представителями. Я узнал, что в Женевской тюрьме находится один из руководителей АСАЛА Алек Енигомшян. Он тоже пострадал

Иван Пустовалов

от бомбы, которая взорвалась у него в руках. Он потерял руку и ослеп. Я написал ему письмо и предложил встретиться. «Мы оба знаем, что бомбы делают с людьми, — написал я ему. — Как твоя жертва я имею право знать, почему это случилось». Алек не ответил на мое письмо. Но однажды мне позвонили незнакомые люди и сообщили, что члены АСАЛА готовы встретиться со мной в Бейруте.

И ты поехал в Бейрут?

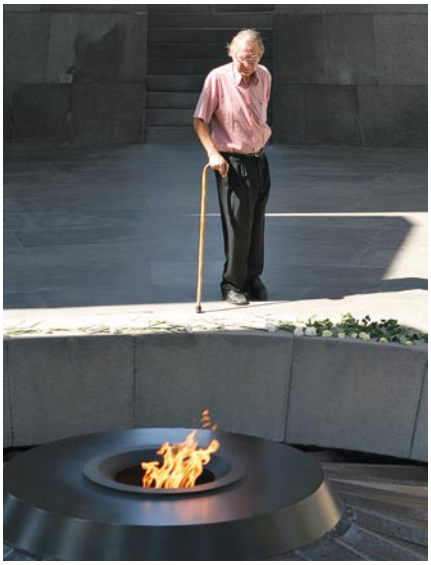
— Тогда министр внутренних дел Испании был моим другом. Он женился на одной моей дальней родственнице. Спустя много лет после тех событий он сказал мне: «Знаешь, мы из-за тебя чуть не свихнулись тогда. 10 лучших следователей вели это дело и не могли выйти на след террористов, а ты умудрился добраться до них в своей инвалидной коляске». Правда, когда я поехал в Бейрут вместе с фотографом Карлосом Бошем, то уже не был в коляске, а передвигался, опираясь на две палочки. Мы поселились в палестинском отеле «Коммодор». Через три месяца его разбомбили израильтяне. Я оказался в Ливане как раз во время войны. На 8-й день нашего пребывания нас посадили в машину, надели мешки на головы и повезли в горы. Там в лагере АСАЛА я провел 3 дня.

Тебе удалось встретиться с теми, кто подложил тебе бомбу?

— Во всяком случае мне сказали, что это были именно они. Двое мужчин и женщина. Их лица были спрятаны под масками. Я помню, что женщина, Анаит, очень нежно брала меня за руку. А мужчины держались на некотором отдалении. У них за спинами висели гранатометы, и я чувствовал, что они нервничают. Я же был спокоен. Я был сильнее их. Всегда больше страдает тот, кто совершил несправедливость, чем тот, против кого ее совершили. Я рассказал этим людям обо всех ненасильственных движениях, которые существовали в мире, подарил книги Мартина Лютера Кинга и Махатмы Ганди. Я говорил им, что быть пацифистом очень трудно. Это значит быть героем, а героев часто убивают. Быть героем сложнее, чем быть подлецом. Перед этой встречей я подробно изучил историю терроризма в мире и мог с полной уверенностью сказать, что ни одно из террористических движений не было эффективным, даже если оно было вдохновлено справедливыми идеями.

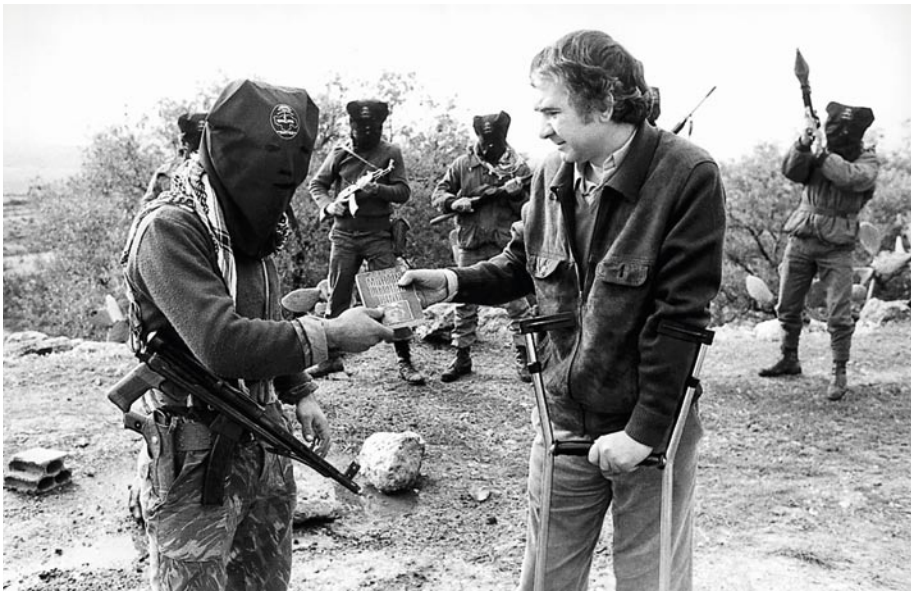
Что они говорили тебе в ответ?

— Они сказали: «То, что ты сейчас с нами и собираешься написать книгу об армянском геноциде, — лучшее подтверждение того, что бомбы эффективны». Мне было горько это слышать. Ведь получалось, что из-за меня они еще больше убеждались в том, что действуют правильно. Через несколько дней в Бейруте я встретился с руководителями АСАЛА Алеком Енигомшяном и Монте Мелконяном. Мы проговорили 5 часов подряд. Это был горячий спор между пацифистом и людьми, использующими насилие как метод борьбы. Они говорили: «Ты, наверное, нас ненавидишь?» А я отвечал: «Нет. И я даже не знаю почему».



Из архива Хосе Антонио Гурриарана

← Хосе Антонио Гурриаран у мемориала жертвам Геноцида в Ереване



Hovig Hovanessian

→
Встреча членов АСАЛА с журналистом, пострадавшим во время теракта

Многие сказали бы, что в той ситуации ты повел себя, как подобает истинному христианину. Простил врага вместо того, чтобы его возненавидеть. Ты верующий человек?
— Я христианин, но я разочаровался в Испанской Церкви из-за того, что она поддержала диктатуру Франко. Возможно, на мое поведение и оказало какое-то влияние то, что я был воспитан в христианской вере. Моя мать была очень верующим человеком. Отец умер, когда мне было 13 лет, и она очень много работала для того, чтобы прокормить и поставить на ноги шестерых детей. В результате все мы получили университетское образование. Мама — моя героиня. Думаю, что в том числе и благодаря ей я вырос пацифистом. Я верю в то, что мир эволюционировал благодаря миротворцам, а не военным.

Как ты пришел к идее написать свою первую книгу?
— «Бомба» была в каком-то смысле результатом моей самотерапии, направленным вовне. Нельзя молчать о своей беде. Я беседовал со многими психиатрами, и все они сказали, что я абсолютно здоров, потому что написал эту книгу и исцелился. Рассказывая свою историю в «Бомбе», я критиковал терроризм, но защищал армян. Писал о непризнанном геноциде как об исторической причине появления организаций, подобных АСАЛА. И конечно же, порицал современное правительство Турции за то, что у него до сих пор не хватает разума и великодушия признать Геноцид армян, как это сделали немцы после Холокоста.

Как ты думаешь, почему Турция так яростно отрицает факт геноцида?
— Мне кажется, главная причина этого психопатическая, она лежит вне пределов рационального. То, чем занимаются турки, это отрицание истории. Они придумали свою версию событий, в которой 3 миллиона армян осуществили геноцид против 80 миллионов турок, и уже 100 лет обманывают свой народ. Ведь среднестатистический турок ничего не знает об армянском геноциде.

В лагере АСАЛА мне сказали: «То, что ты сейчас с нами и собираешься написать книгу об армянском геноциде, — лучшее подтверждение того, что бомбы эффективны». Мне было горько это слышать

Зато знает турецкая интеллигенция и требует официального признания от правительства. Мне очень хотелось бы, чтобы армяне не отвергали всех турок как нацию. Среди них есть множество честных людей, которые рискуют свободой и даже жизнью во имя восстановления исторической справедливости. И с ними обязательно нужно устанавливать диалог. Армянская интеллигенция должна общаться с турецкой, это основа будущих отношений между странами. В истории не раз случалось, что ученые, писатели, художники и кинорежиссеры возглавляли какие-то процессы в своих странах и разрешали самые сложные конфликты. Хотя, конечно, я понимаю, что после того, как два народа 100 лет не смотрели в глаза друг другу, сделать это сейчас им будет очень трудно.

Хосе Антонио, в том, что касается будущего человечества в целом, ты, скорее, оптимист или пессимист?
— Я неисправимый оптимист во всем. Говорят, у пессимиста стакан всегда наполовину пуст, а у оптимиста — наполовину полон. Я же вообще всегда вижу полный стакан. Я верю в человечество. Все конфликты кажутся не имеющими решения, но все они могут быть решены. В Европе уже 70 лет нет глобальных войн, разве это не повод для оптимизма? Люди мира должны активнее распространять свои идеи, а ложные пророки как с ультраправой, так и с ультралевой стороны должны исчезнуть. ЭТА уже 2 года не устраивает взрывов в Испании, потому что все ее руководители сидят в тюрьме.

Ты посетил Армению в 2007 году, после чего написал книгу «Армяне. Забытый геноцид». Когда снова ждать тебя в Ереване?
— Меня пригласили приехать в апреле 2011 года. А еще сообщили, что 12 армянских писателей предложили президенту Армении наградить меня медалью. Если он решит это сделать, то я, к сожалению, не смогу ее принять. Просто я не верю в медали, особенно в те, что дают политики. Пусть лучше они читают мои книги. Это самая лучшая награда для меня. ■

совершенно секретно

Еще 10 лет назад их имена ничего не говорили широкой общественности. Их работа в течение десятилетий была строго засекреченной, и даже сегодня можно говорить лишь о некоторых фактах. Мы знаем только, что в 1943-м в Тегеране именно они предотвратили теракт против Сталина, Черчилля и Рузвельта. Что благодаря им были обнаружены многие из секретных баз НАТО в разных странах. Другие подробности деятельности сотрудников службы внешней разведки СССР супругов Геворка и Гоар Вартанян до сих пор находятся под грифом «секретно». Этот материал — одно из последних интервью Геворка Андреевича Вартаняна.

Интервью **Эдуард Аянян**

РИА Новости

Геворк Андреевич, ваши имена были рассекречены только в 2000-м, когда вам было уже 76. Практически всю жизнь вы жили под грифом «секретно». Это нормально?

— Нормально, когда вообще не рассекречивают. Обычно имена разведчиков предаются гласности в случае провала или какого-либо чрезвычайного происшествия. А мы благополучно вернулись на родину после десятилетий успешной работы за рубежом. Сам факт рассекречивания тоже был акцией. Нужно было показать миру, что под носом у иностранных спецслужб в течение долгих лет работали наши агенты и их не смогли обнаружить. И, конечно, обнародование наших имен сыграло положительную роль в формировании общественного мнения. Граждане России узнали, что и сегодня служба внешней разведки действует результативно и там работают настоящие профессионалы. В то же время многие наши коллеги навсегда остаются в тени — такова наша работа. Любая разведка мира имеет свои секреты, а у секретов есть свой срок давности — 50, 100 лет и более. Есть и такие темы, которые вообще не подлежат рассекречиванию. Зачастую, чтобы защитить, уберечь от проблем родных и близких тех людей, которые принимали участие в подобного рода операциях.

Прожить жизнь под чужим именем, наверное, очень тяжело психологически.

— Конечно. Но нам повезло в том смысле, что мы работали в паре, супругами. Так получилось, что мы с Гоар в этой системе с 16 лет, что бывает крайне редко. Обычно начинают работать после тридцати, пройдя специальную подготовку. Вдвоем намного легче преодолевать трудности. В психологическом смысле это очень важно. Помогает и осознание того, для чего ты работаешь, чувство долга перед родиной. Сложности бывают в любой профессии, наша также имеет свои особенности. Мы меняли имена, обращались друг к другу иначе. Как актеры — они тоже на сцене перевоплощаются, в каждой новой постановке играют новую роль под новыми именами, но не теряют собственного «я».

→
Тегеран 1940-х годов

Насколько известно, эта история началась еще с вашего отца.

— Наша семья переехала из СССР в Иран, когда мне было 6 лет. Тогда я, конечно, еще ничего не понимал. Суть работы отца я начал осознавать примерно в 12 лет. Его 4 раза арестовывали по подозрению в связях с советской разведкой, но каждый раз отпускали за неимением доказательств. Многого он, конечно, не говорил. Но я тем не менее все понимал и в итоге пошел по его стопам.

Вы сделали выбор фактически еще ребенком, был ли он осознанным?

— Конечно, в любой работе есть определенный элемент романтики, который притягивает молодежь. Но мое решение однозначно было осознанным. Из центра было получено задание создать специальную группу. Очень помогали нам наши соотечественники, местные армяне. В основном все были настроены к СССР хорошо, многие из них переехали в Иран из Советского Союза и оставались преданными своей стране. Поэтому я в открытую вербовал их, не скрывая цели. В то время, в 1940-х, в Иране жило более 20 тысяч немцев. Наша задача заключалась в выявлении среди них фашистских агентов. В результате предпринятых нами действий удалось арестовать более 400 человек. Часть из них начала сотрудничать с нами, другая была переправлена в СССР, и многие из них уже там согласились работать на советскую разведку. Самой известной нашей операцией стало предотвращение теракта против руководителей СССР, США и Великобритании в 1943 году в Тегеране. Мы дни напролет проводили на улице, отслеживая передвижения немецких агентов, пеленговали немецкие радиостанции. Фактически был раскрыт заговор, обнаружены и обезврежены его участники. Об этом сегодня уже разрешается говорить, эта тема рассекречена. Кстати, недавно нас разыскала внучка премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля, которая хотела лично поблагодарить за спасение жизни своего деда. Она даже сняла фильм на эту тему. Но история, связанная с Тегеранской конференцией 1943-го, — только ничтожная часть нашей деятельности. В Иране мы выполнили сотни разных заданий, о которых сегодня пока еще нельзя рассказывать. Проработав в Иране до 1951 года, мы с Гоар попросили разрешения вернуться на родину для получения высшего образования. Нам предложили на выбор любой город Советского Союза, но мы предпочли Ереван.

Многие не очень хорошо себе представляют, чем вообще занимаются сотрудники внешней разведки. Что самое важное в вашей профессии?

— Наша основная работа — это вербовка людей и получение необходимых сведений. Следовательно, очень важно быть общительным, уметь легко входить в контакт с людьми. В этом смысле очень помогает женщина. Если ты с женой, с тобой быстрее сближаются, к тебе относятся иначе, приглашают на разные вечеринки. Одиночкам, конечно, гораздо труднее. И потом, женщина знает, как повести разговор в нужном направлении. Женщины знакомятся в парикмахерской, клубе, других подобных местах. И постепенно узнают все, что необходимо. Конечно, эти встречи происходят запланированно. Если какой-либо мужчина обладает необходимой нам информацией, то мы ищем подступы к его жене. Потом якобы случайно познакомившиеся женщины знакомят и своих мужей. А дальше — надо суметь быть интересным собеседником, подружиться, внушить доверие. Ведь все люди болтливы, все любят рассказывать о себе, хвастаться. Тебе остается только запастись терпением и внимательно слушать — человек расскажет очень много интересного. Так мы выслушали очень многое в течение всей нашей жизни. Кстати, еще одно из преимуществ работы вдвоем — то, что мы друг друга контролируем. Мужчина иногда впадает в эйфорию, пытается делать какие-то показные вещи, и женщина в эти моменты сдерживает его.

Что вы решали самостоятельно, а что делалось под диктовку из центра?

Любая разведка мира имеет свои секреты, а у секретов есть свой срок давности — 50, 100 лет и более. Есть и темы, вообще не подлежащие рассекречиванию

→
Геворк и Гоар Вартанян. 1970-е годы

— Мы только получали задания, а как их выполнить — это была уже наша задача. И решали мы ее самостоятельно. Центру нужен был результат, а пути его достижения мы искали сами. К нам всегда относились с уважением и нам ничего не навязывалось. Любая телеграмма из центра всегда носила характер просьбы: «Просим вас в случае возможности сделать то-то или то-то...» Очень важно, когда тебе доверяют.

В течение всей карьеры у вас не было ни одного провала. А случалось, что вы были на грани?

— Конечно, много раз. Специфика работы требует часто менять и имя, и гражданство, и национальность или вообще все личные данные. Сегодня ты Пол, завтра — Дэвид или еще кто-нибудь. Кто-то из знакомых знает тебя под одним именем, а через несколько лет может случайно встретить тебя в другом городе и обнаружить, что у тебя другое имя, что в прошлом ты был француз, а сегодня — американец. Однажды такая ситуация сложилась в 1970 году в Ереване, когда мы с Гоар были в отпуске. На улице нас узнали супруги, которые в качестве туристов приехали в Армению. Они обратились к нам по тем именам, под которыми знали нас за границей. Хорошо, что у нас в руках не было ни советских газет, ни купленных в гастрономе продуктов в авоське. Моментально сориентировавшись, мы сказали, что тоже приехали сюда как туристы. А потом буквально в течение часа быстро поселились в гостинице, чтобы не вызвать никаких подозрений.

Но был и гораздо более серьезный эпизод, когда мы действительно оказались на грани разоблачения. Это произошло в США. Один из наших друзей, полковник американских спецслужб, пригласил нас на благотворительный ужин. Обычно мы избегали многолюдных мест, где трудно держать ситуацию под контролем. Но в этот раз отказаться было невозможно. Для пущей надежности Гоар первой подошла к двери зала, чтобы посмотреть, есть ли среди собравшихся кто из знакомых, но неожиданно тут же вернулась. Выяснилось, что она заметила женщину, с которой мы встречались 22 года назад на Дальнем Востоке. Я тоже проверил: действительно это была она. Что делать? Гоар быстро нашлась: вернулась к машине нашего знакомого полковника, со страдальческим лицом сказала, что у нее приступ холецистита и попросила посадить ее в машину. Конечно, даже если бы мир перевернулся, она бы оттуда уже ни за что не вышла. Все засуетились, бросились вызывать врача. Случайно оказавшегося там священника даже попросили прочесть молитву. 10 минут он молился, но, как вы понимаете, все было бесполезно. Гоар требовала, чтобы ее как можно скорее доставили домой, ну а я, естественно, должен был быть с ней рядом. Так мы и уехали оттуда. Нам повезло: если бы эта женщина нас увидела и узнала (а она узнала бы точно), то сразу стало бы ясно, что раньше мы жили в другом месте и под другими именами. Наш знакомый полковник, конечно, все бы понял — это был бы неминуемый провал.

Постоянно думать о мелочах, быть внимательным — все это создает колоссальное психологическое напряжение. Каким образом вы годы напролет жили в таком состоянии?

— Напряжение было, но постоянно так жить, конечно, невыносимо. Можно сойти с ума. Мы общались с друзьями, жили нормальной жизнью. Просто время от времени надо было проявлять особую бдительность. В разных странах мы представлялись людьми разных национальностей. Сначала, правда, — армянами. Но это очень сложно и опасно в нашей профессии. Армянские общины есть почти во всех странах, они сразу начинают интересоваться, кто ты, откуда. И в течение нескольких дней могут все про тебя узнать. К слову, был такой анекдотический случай. Мы находились по заданию в одной из западных стран. В гостинице с нами жили инженеры из Гюмри. Однажды мы вместе оказались в лифте, один другому по-армянски сказал: «Этот мужик говорит то на одном, то на другом языке. Он точно из вражеской страны. Если очень захочет, возможно, и по-русски заговорит, но нашего языка наверняка не знает». Когда мы вышли из лифта, я по-английски попрощался с ними: «Бай-бай!» Но в ответ получил одно из самых грязных ругательств... на армянском. На секунду я опешил, очень хотелось ответить, но я смог себя сдержать — раскрываться было нельзя, ведь в этой гостинице мы должны были жить еще долго. С того дня я их разыскиваю, желание ответить не прошло.

Досье

Геворк Андреевич Вартанян родился 17 февраля 1924 года в Ростове-на-Дону в семье Андрея Васильевича и Марии Савельевны Вартанян. В 1930 г. семья переехала в Иран, где отец стал работать на внешнюю разведку СССР. Вартанян-младший решил пойти по его стопам и 4 февраля 1940 года поступил на службу, получив псевдоним Амир. Служба в Иране продолжилась до 1951 года. 30 июня 1946 года Геворк Андреевич женился на Гоар Левоновне, которая также работала в Иране, в разведгруппе «Легкая кавалерия». В 1951 году Вартаняны переехали в Ереван и поступили на факультет иностранных языков ЕГУ. Далее последовали 30 лет нелегальной работы на Западе, Дальнем и Среднем Востоке.
В 1975 году Геворку Вартаняну присвоено воинское звание «полковник». С 1992 года находился на пенсии. 20 декабря 2000 года, в день 80-летнего юбилея Службы внешней разведки России, имена Геворка и Гоар Вартанян были рассекречены. Геворк Вартанян — Герой Советского Союза, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени, ордена Ленина, ордена Красного Знамени, Отечественной войны II степени, медалей «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Скончался 10 января 2012 года. Похоронен на Троекуровском кладбище в Москве.

Сегодняшние технические возможности сильно облегчают жизнь. Информация намного более доступна, один Интернет чего стоит. А как вы работали в те годы? Где добывали необходимую информацию?

— Только из разговоров и благодаря личным связям. Надо было находить нужных людей, устанавливать с ними отношения и вытягивать из них интересующие нас сведения. В результате десятилетий работы нам удалось завербовать несколько десятков человек. Это очень большое число. Ведь как нелегалы мы не могли в открытую предлагать работать на СССР — выдали бы себя. Так могли действовать только работники советских посольств. Конечно, не всякий согласился бы сотрудничать с СССР, следовательно, надо было искать другие решения. Заинтересовывать их материально или вести переговоры от имени другой страны. Если это нужный человек, начинаешь изучать его слабые стороны. Они есть у всех. Один любит играть в карты, другой падок на женщин и так далее. Подобные люди всегда испытывают недостаток в деньгах. Начинаешь с ним дружить и однажды, зная, что ты бизнесмен, он попросит у тебя в долг. Естественно, не вернет. Потом снова попросит. А ты ему вдруг скажешь, что так дальше продолжаться не может и долги надо возвращать. Но как? И тогда, например, можно ему предложить написать статью для какой-то неместной газеты, без указания имени автора. Он принесет что-то неудачное, а ты типа отправишь это редактору или знакомому журналисту. На самом деле эта статья вообще никому не нужна. Она несколько дней проваляется у тебя дома и отправится в мусорное ведро. Потом ты ему говоришь, что статья не особенно понравилась редактору, но все равно редакция выплатит определенный гонорар. А вот если автор предложит более содержательную и качественную статью на заданную тему, гонорар будет намного более крупным. Так человек постепенно начинает в статьях сообщать секретную информацию, причем он понимает это, но понятия не имеет, кому продает эти сведения, потому что я для него всего лишь посредник, человек, который вообще не в курсе ситуации.

Армянские общины есть почти во всех странах, они сразу начинают интересоваться, кто ты, откуда. И в течение нескольких дней могут все про тебя узнать

Вы сами обеспечивали ваши расходы?

— Обязательно. Если бы нашими доходами заинтересовались, то должно было быть очевидно, откуда у нас деньги. По этой причине мы зарабатывали сами. Я был бизнесменом. Фактически я из тех редких людей, кто в советское время официально был капиталистом. Так что деньги у меня были, но если в процессе нужны были крупные суммы, нам помогал центр. В этом смысле проблем не возникало. Наша разведка была богата и доверяла нам.

Если сравнить разведки разных стран, которая круче?

— Самой сильной была советская. И по уровню подготовки, и в плане патриотизма. Все знали, во имя чего они работают. Надо воздать должное также английской и израильской разведкам. Американцы, конечно, намного слабее. Сегодня Армении стоит активизироваться в этом направлении, ведь нет такого государства, где не было бы службы внешней разведки. Даже Ватикан, где всего 4000 жителей, имеет такую службу, причем достаточно сильную. Как это ни странно, в Армении в свое время даже был поднят вопрос об упразднении внешней разведки. Это хотел сделать первый президент Армении Тер-Петросян. Я встречался с ним и убеждал его в важности, необходимости этой структуры. Ведь есть много проблем, которые в состоянии решить только разведка. Например, заранее узнать содержание того документа, который на предстоящих переговорах представят твои противники. Нельзя несерьезно относиться к безопасности страны, к вопросам, связанным с ее интересами. Следовательно, заниматься подобными задачами должны не просто профессионалы, но люди, преданные своему делу и своей родине. ■

великий секрет айрудзи

История человечества — это по преимуществу история войн. Армии мира шагают по страницам учебников истории, сражаясь между собой и постоянно совершенствуя свое вооружение и боевую тактику. Мы многое знаем о греческом, римском военном искусстве, но история армянских армий прошлого до сих пор не рассказана.

Текст **Карен Айрапетян, Эдуард Аянян**

Лучники были древнейшим армянским боевым подразделением, известным нам. Качественные характеристики этой тактической единицы были столь высоки, что их отмечали не только армянские, но и иностранные историки. Именно этому виду оружия принадлежит историческая роль в битве 2492 г. до н. э., когда предводитель вавилонян Бел был сражен стрелой, метко пущенной Айком. Тогда же было применено первое известное нам боевое построение — клин, на острие которого встал сам Айк. Как свидетельствует Хоренаци, армянские луки были широкими (до 2 метров), а стрелы — трехперыми и очень длинными, что и обеспечивало дальность и меткость стрельбы. Впоследствии конструкция стрел была усовершенствована — одно из крыльев специально делалось непрочным. Если такая стрела попадала в противника, то при попытке извлечь ее из раны ломалась и оставалась внутри, вызывая очаг воспаления и в конечном итоге смерть. Стрелы эти были такими длинными, что, если они попадали к врагам неповрежденными, те использовали их в качестве дротиков.

Однако лучники всегда и во всех армиях были лишь войсками поддержки. Главная же роль всегда доставалась

Рекорд Менуа

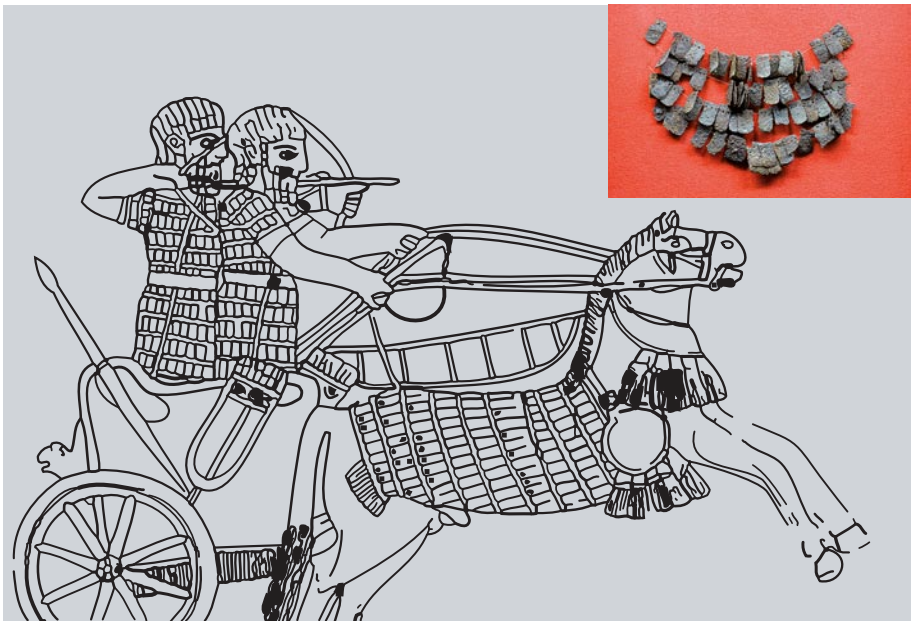
Почти три тысячи лет назад урартский царь Менуа на коне Арциби совершил прыжок на 22 локтя. Как известно, величина этой единицы измерения колеблется в пределах от 44 до 54 см. Даже если принять за основу минимум, то длина прыжка получится равной 9 м 68 см! Этот кажущийся фантастическим прыжок был заверен судьями и увековечен клинописной записью на каменной стеле, найденной в стене древней церкви близ озера Ван, где некогда находился ипподром армянских князей. В наше время предпринимались неоднократные попытки улучшить это достижение. Официальным мировым рекордом на сегодня считается прыжок в длину над рвом с водой — 8 м 40 см, совершенный Андре Феррейра (ЮАР) на лошади Самтинг в Йоханнесбурге 25 апреля 1975 г.

тяжеловооруженным воинам. Древняя Армения не была исключением — главной тактической единицей армянской армии до I тысячелетия до н. э. являлись боевые колесницы. Для их создания, а также изготовления качественного оружия необходима была развитая технология металлообработки. Металл был обязательной составляющей эффективного вооружения. Армянское нагорье по праву можно считать прародиной мировой металлургии. Наши предки уже во II тысячелетии до н. э. освоили процесс получения железа из руды. Об этом свидетельствуют не только результаты раскопок (особого внимания достоин Мецаморский металлургический комплекс), но и сведения, сохранившиеся в хеттских и ассирийских летописях, архивах. По фрагментам колесниц, обнаруженным в Лчашене, Кармир-Блуре, Топрах-Кале и др., можно достаточно точно определить их конструкцию и принципы применения. Спереди и с боков они защищались металлическими пластинами высотой в 50 и более сантиметров. В самой колеснице хранились колчан со стрелами, копье и другое вооружение. Колесницы размещались на флангах боевого порядка или впереди него. Их стремительная атака вызывала панику и смятение в рядах противника и позволяла пехоте с легкостью разбить потерявшего боевой порядок врага. Но у колесниц был существенный недостаток — они были практически бесполезны на пересеченной местности и могли применяться только в открытом поле. Такая же проблема была у пешего греческого строя — фаланги, которая в лобовом столкновении была страшной силой, но не могла маневрировать, а на пересеченной местности просто рассыпалась, становясь удобной мишенью для врага. Римляне решили эту проблему, разбив строй на автономно управляемые единицы — манипулы. Здесь надо отметить любопытную деталь — прославленная римская армия одерживала свои победы практически исключительно в пешем порядке. Конница была малочисленной и не играла решающей роли. Это можно сказать почти обо всем античном мире. Только Александр Македонский использовал ее в комбинации с фалангой, что немедленно принесло свои плоды. Но численность его конницы все равно была невелика. Некоторые историки склонны видеть причину слабого использования конницы в отсутствии такого простого, но необходимого атрибута, как стремена. И в самом деле, попробуйте в доспехах и с оружием промчаться галопом на коне или рубить мечом, свешиваясь с него, не имея возможности приподняться на стременах. А как усидеть на скакуне при прыжке через препятствие? Да и при ударе копьем стремена необходимы для удержания равновесия. Все это абсолютно справедливо, и столетия спустя, после появления и распространения стремени качественная роль конницы резко возросла. Между тем начиная с I тысячелетия до н.э. как минимум в одной армии конница уже была основной ударной силой — в армянской! Дело в том, что была еще одна возможная причина ограниченного использования конницы в греческой и римской армиях, причем весьма банальная — для конницы необходимы... лошади! Много лошадей. Десятки тысяч всадников (а именно столько включала в себя армянская конница) — это десятки тысяч лошадей особой породы. Причем их число нужно было все время пополнять. В отличие от остального античного мира,

↑ Шлем Сардури II. Найден при раскопках крепости Эребуни, VIII век до н. э.

← Статуэтка воина. Кармир-Блур, VIII век до н. э.

Спереди и с боков колесницы защищались металлическими пластинами высотой в 50 и более сантиметров. Внутри хранились колчан со стрелами, копье и другое оружие



→
Боевая колесница ближневосточного типа (барельеф VIII века до н. э.) и фрагмент кольчуги

Армения, в которой было великолепно развито коневодство, этой проблемы не знала. Коневодство в Армении имело исключительное, стратегическое значение и находилось под государственной опекой. Еще со времен Урарту известны целые комплексы с конюшнями, ипподромами, манежами, купальнями для лошадей. Интересно, что когда страна стала сатрапией Ахеменидской Персии, она, кроме серебра и золота, давала в качестве дани и множество отборных лошадей и мулов. Об этом говорится в письменах на Бехистунской скале, где по приказу царя Дария были написаны названия земель, плативших Персии дань. Среди этих стран только Армения платила дань лошадьми — эти животные ценились наравне с драгоценными металлами и служили своеобразной валютой.

Начиная с I тысячелетия до н. э. колесницы в армянской армии постепенно уступили место более гибкой и подвижной тактической единице — коннице, которую в Армении издревле называли словом айрудзи («айр у дзи» — дословно «человек и конь»). Айрудзи прославила армянские армии прошлого, она была на особом счету и даже после потери армянской государственности продолжала играть в регионе важную стратегическую роль. Ее основу составляла тяжелая конница. И всадники, и лошади были полностью закованы в броню. Главным оружием служили копье и тяжелый меч. Тяжелая конница являлась ударной силой армии, атаковала сомкнутым строем, чаще клиновидным. Стремительная атака многотысячных сомкнутых рядов имела сокрушительный эффект не только для пехоты, но и для конницы неприятеля. Бронированная масса просто сминала противника — рассеивала его боевой порядок и растаптывала, так что остальным родам войск оставалось добивать врага.

Следующим тактическим звеном айрудзи являлась легкая конница — для обеспечения максимальной подвижности она не бронировалась. Лошади тоже были соответствующей породы — невысокие, стремительные, легкие. Основным оружием были лук со стрелами и меч. Легкая конница обеспечивала боевой порядок всей армии, выполняла разведывательные функции, способствовала развертыванию главных сил, осуществляла преследование и уничтожение противника, не позволяя ему перегруппироваться. Как правило, легкая конница атаковала рассеянным строем, маневрируя и не ввязываясь в столкновения. Кстати, много веков спустя эту тактику с успехом применяли и монголы...

Комплектация айрудзи происходила исключительно из дворян, неотъемлемой частью воспитания и образования которых являлась верховая езда. Во время крупномасштабных войн набиралось пополнение и из низших слоев — «рамик» айрудзи. Конница находилась под постоянной опекой царствующих особ. Часто смотры и учения они проводили лично. Вообще, армия являлась стержнем государства, его первичной структурой. Должность спарапета (верховного военачальника) была наследственной и принадлежала роду Мамиконянов. Об особом внимании государства к армии свидетельствует и уникальная по своей сути грамота «Зоранамак» — о классификации и численности вооруженных сил Армении.

Айрудзи полностью оправдывала свою славу непобедимого боевого подразделения. К примеру, в сражении при Гавгамелах 1 октября 331 г. до н. э. левый фланг Александра Македон-

Справка

Зоранамак (буквально — «воинская грамота») — официальная грамота, определявшая количество воинских сил в Древней Армении и устанавливавшая их распорядок. Грамота составлялась в виде четырехгранной таблицы, в соответствии с четырьмя воеводствами Великой Армении: Северные, Южные, Восточные и Западные врата. Каждое воеводство состояло из 21 или 22 нахарарств с указанием численности их воинских сил. Согласно единственному сохранившемуся до наших дней Зоранамаку, в раннем Средневековье, при Аршакидах, армянская армия состояла из 124 тысяч воинов, из которых 84 тысячи составляли нахарарские войска, а 40 тысяч — царские полки (востаник) и внутренняя гвардия (мардпетакан). При возникновении внешней угрозы нахарары собирали свое войско и располагали его в составе воинской группы, указанной в Зоранамаке, а в случае необходимости, по приказу царя или спарапета, оказывали помощь другим группировкам армянского войска. Зоранамак использовался в Армении до падения царской династии Аршакуни.

→
Всадники в боевом снаряжении. Горельеф двери монастыря Сурб Аракелоц в Муше, 1134 г.

ского — войско Пармениона обратила в бегство именно армянская конница, выйдя в итоге в тыл македонского войска. И если бы на противоположном фланге персы не дрогнули и не поддались панике, то в истории Александра Великого в этот день могла быть поставлена точка.

А в 68 г. до н. э. в сражении у реки Арацани Тигран Великий разбил римские легионы Лукулла, используя в бою только конницу, — случай уникальный в истории войн. Тяжелая конница рассеяла строй римлян, а легкая довершила разгром.

Вес и роль армянской конницы на международной арене были столь велики, что во время римско-парфянского, а позднее — персидско-византийского противостояний враждующие государства стремились привлечь ее на свою сторону. Кстати, неудачу восточных походов Красса и Антония римские историки объясняли именно тем, что у них не было этого мощного подспорья.

Интересно, что после падения династии Аршакидов в V веке персидский и византийский царские дома продолжали пользоваться услугами айрудзи, щедро оплачивая их ратный труд. Одновременно, исходя из соображений собственной безопасности, персидский двор сократил численность армянской конницы до 30 000, а позднее, во времена арабского владычества, это число снизили до 15 000. Сколько же ее было до этого? Известно, что в царствование Папа (IV век н. э.) армянская конница насчитывала до 90 000 всадников. Было чего опасаться соседним империям!

Надо сказать, что с самого зарождения Византийской империи все ее монархи набирали своих телохранителей и дворцовую гвардию исключительно из армян. Эта тенденция усилилась, когда престол стали занимать представители армянских родов. Армянские отряды, особенно конницу, принимали с распростертыми объятиями, давая высокие звания и посты их командирам, поощряя вознаграждениями воинов. Византийские императоры размещали крупные армянские соединения не только в столице и на Востоке — в Сирии, Киликии, Каппадокии и т. д. Известны армянские военные поселения в Италии и на Сицилии. При Юстиниане I несколько полностью укомплектованных армянами армий освободили Италию от готов, а их военачальник Нерсес стал правителем этой западной провинции. Воины-армяне пользовались большим уважением и в Болгарии, и в Северной Африке. О бесстрашии армянских соединений ходили легенды. В византийский период более сотни армян-военачальников вошли в историю как великие полководцы, командующие армиями, флотом.

Однако нет такой силы, которая смогла бы бесконечно долго существовать без родины, без своего государства... После поражения византийцев у Маназкерта в 1071 г. сражавшаяся в рядах Византии армянская конница, в составе которой были и русские отряды, ушла на восток. Пытавшиеся препятствовать турецкой экспансии египетские халифы-фатимиды пригласили армянские войска, чтобы с их помощью восстановить в стране власть и порядок. Те овладели Каиром и Александрией, а также подавили восстания бедуинов в Верхнем Египте. Более того, их предводитель, опираясь на эту мощную силу, занял должность визиря халифата и долгие годы успешно управлял страной...

Свое последнее применение армянская конница нашла во времена Киликийского царства, после падения которого она исчезла с исторической арены, хотя время от времени проявляла себя в армиях различных государств. В частности, она участвовала в знаменитом Грюнвальдском сражении 1410 года в рядах объединенного русско-польско-литовского войска против германцев, проявив незаурядную стойкость и отвагу. Впоследствии об армянской кавалерии вспомнили при Петре I, сформировав в 1722 году в Астрахани «Армянский эскадрон», состоящий в основном из арцахских воинов. Он принял участие во всех боях на Кавказе и в Каспийском бассейне во время русско-турецкой и русско-шведской войн. Доблесть армянских конников была высоко оценена и после расформирования эскадрона в 1764 году — те, кто не продолжил службу в других конных полках, специальным указом пожизненно получали не пенсию, а полный воинский оклад.

Сегодня о подвигах армянских воинов прошлого напоминают лишь летописные записи. Армянская армия античной эпохи и ее вооружение никак не представлены в европейских иллюстрированных каталогах. Но была и есть преемственность, связь поколений. И глядя на армянскую армию дня сегодняшнего, невольно думаешь: а ведь это их наследники. И видит Бог — достойные. ■

Тяжелая бронированная конница составляла ударную силу армии, атаковала сомкнутым строем, чаще клиновидным. Ее стремительная атака имела сокрушительный эффект

роман с камнем

Каким же нужно быть фанатиком, чтобы добровольно лишить себя главного мужского достоинства! И сколь же безгранично должно быть желание бесплодной женщины родить, чтобы она решилась на интимный контакт с гранитным камнем — портакаром.

Текст **Сен Оганесян, Эрна Ревазова** | Фото **Айк Мелконян**

→
Одна из фаллических культовых скульптур, найденных в Армении

Сохранившийся до сих пор в России обычай показывать «кукиш» — это тоже наследие древнейшей фаллической культуры

В языческие времена в Армении существовал довольно экстравагантный способ получить долгожданного ребенка — женщине нужно было пройти сквозь раскрытую волчью пасть. С головы и верхней части туловища волка снимали шкуру, сшивали в круг и обвешивали семью треугольно сложенными разноцветными кусками ткани, в которые прятали записки с заклинаниями. Затем этот магический круг надевали на голову обнаженной женщины, протаскивали по ее телу и снимали с ног. Это повторялось трижды, и только тогда женщина считалась очищенной и способной к оплодотворению. Ее бесплодие уносила раскрытая пасть волка, а грозно выглядывающие клыки зверя счищали с тела болезнь...

Непонятные на взгляд современного человека обряды сводились к одному — сделать женщину способной к зачатию, чтобы родила она сына и продлила род мужа.

В любом магическом обряде главное — вера. Верили и наши предки. Причем так сильно, что мужчины не колеблясь отдавали за крохотную статуэтку с неестественно огромным половым органом его натуральный эквивалент. Так требовали боги.

Ввели моду на куклы-статуэтки египетские жрецы. Вот что, по свидетельству древнегреческого историка Геродота (V век до н. э.), происходило во время жертвенных празднеств в честь Диониса: «...вместо фаллосов они придумали носить другой символ — куклы-статуэтки в локоть величиной, приводимые в движение с помощью шнурков. Эти идолы с опускающимся и поднимающимся фаллосом женщины носят по селениям, причем фаллос почти такой же величины, как и все тело куклы».

Судя по статуэткам, обнаруженным в Армении, этот культ был весьма распространен и здесь. Некоторые из них сегодня можно увидеть в Государственном музее истории Армении и этнографическом музее Сардарапатского комплекса. А у Лукиана Самосатского (II век н. э.) сохранились сведения о том, как они могли попасть в Армению. В сирийском городе Гераполисе, вблизи языческого храма, посвященного верховной олимпийской богине Гере, были установлены два гигантских 56-метровых фаллоса — дар самого Диониса. «Я, Дионис, подарил эти фаллосы своей мачехе Гере» — гласит выбитая на них надпись. Рядом, в саду, впадавшие в экстаз от музыки и танцев паломники производили самооскопление. Здесь наряду с египтянами, эфиопами, марами, вавилонянами приносили в дар богине драгоценные камни и свое главное мужское достоинство и армянские мужчины. Полученные взамен маленькие фаллические изваяния и были обнаружены при раскопках в селе Арцваник (Зангезур), в Ани, в Сисиане... А в захоронениях времен поздней бронзы и железного века (II — I тысячелетия до н. э.), обнаруженных в ряде мест Армении —

Справка

Неподалеку от южной стены Татевского храма стоит Гавазан — каменная стела, по форме напоминающая фаллос. Гениальный архитектор в древние времена смог создать качающуюся колонну. Чтобы спровоцировать движение, нужно подняться на крышу дома настоятеля монастыря и толкнуть крест на вершине стелы. Веками оставалась непознанной тайна этого движения. Даже после разрушительного землетрясения 1931 г., когда рухнули и храм, и церковь Св. Григора Лусаворича, и паперть, и звонница, Гавазан устоял. Попытку проникнуть в его тайну предприняли в последние годы архитекторы. Разобрав колонну, они выяснили, что в основании стелы лежит речная галька. Они восстановили Гавазан, но после этого он стал качаться гораздо хуже.

→
«Идол». Цовагюх (Гегаркуник). VI — V вв. до нашей эры

Лчашен, Карс, Мецамор, Артик, Кармир-Блур, Ошакан, Ширакаван, — найдены фаллосы из цельного куска камня (туфа, базальта), порой достигающие двух метров в высоту. Считалось, что они охраняют покой мертвых и отпугивают злых духов. Кстати, сохранившийся до сих пор в России обычай показывать «кукиш» оскорбителю или человеку с дурным глазом — это тоже наследие фаллической культуры.

Фаллический культ царил во многих странах античного мира — люди обожествляли мужские и женские половые органы как самостоятельные сакральные существа. В представлении последователей культа фаллоса этот идол мог спокойно существовать и отдель-но от человека. Да не просто существовать, но и проявлять в подобном состоянии чудотворные действия, скажем, излечивать от бесплодия. Поклонение фаллосу в Армении имеет очень древние корни — его монументальные изваяния устанавливались здесь издревле. К слову, в Ошакане в VII — V вв. до н. э. изваяния основного признака сильного пола и вовсе расположились вокруг очага в одной из дворцовых комнат. Наши предки очень гармонично вписывали фаллические скульптуры в ландшафт. Может, потому, что им было у кого учиться — на Армянском нагорье есть немало подобных творений самой природы. Это портакары — нерукотворные каменные монументы с характерно выпуклой верхней частью. Многие из них с веками поизносились, и не только от времени. Армянки, страдающие бесплодием, верили, что портакар способен подарить им дитя. По ритуалу, женщина, обнажив живот, ложилась пупком на камень, который и сам был похож на пупок. Далее совершалась абсолютно немыслимая процедура — бедняжке не только нужно было удержаться на отполированной поверхности портакара, но и вбить в камень большой гвоздь. Тем самым она пригвождала к камню свое бесплодие. Вбитые по самую шляпку гвозди — свидетельства безмерного желания женщин иметь детей. А ведь многие портакары, как, например, камень на пути из Сисиана в Горис, — гранитные.

→
Фаллическая культовая скульптура, найденная в Армении

→
Бронзовый ковш, найденный в Лори Берд, XIV — XIII вв. до нашей эры

Однажды в Зангезуре

Летом 1972 года в Армении побывал Андрей Тарковский с супругой. Из воспоминаний академика Левона Мкртчяна: «Из Сисиана мы выехали в Горис. Отъехав километров пятнадцать, мы остановились у так называемого портакара. Этот самый «пупковый» камень широко известен в Зангезуре. Женщины, не способные зачать, ложатся пупком на небольшой выступ блистающего портакара, как бы отполированного тысячами женских животов; ложатся — и дело в шляпе. Жена Тарковского (у них уже было несколько детей) не иначе как из озорства, легла на портакар. — Зачем тебе? У нас и так в этом смысле проблемы! — воскликнул Андрей Арсеньевич».

После «соития» женщины с камнем целительница укладывала ее на ковер и, защипывая кожу над поясницей «пациентки», бормотала заклинания

Справка
Фаллос — (греч.) орган мужской производительности.
Гавазан — (арм.) посох.
Портакар — (арм.) «порт» — «пупок», «кар» — «камень».

Но и тут существовали определенные нюансы: чтобы обряд привел к желаемому результату, необходимо было соблюсти все его детали. В 60-е годы XX века в горисском селении Тег проживала, по всей видимости, последняя хранительница многих вековых армянских традиций — Эгнар. Огромное число младенцев появилось на свет благодаря ее знаниям. Интересно, что волосы у них были цвета меди. Может, это благословение Божие отражалось в солнечном цвете их волос? Обряд нужно было провести в определенный день и час. Причем Эгнар настаивала на том, чтобы гвоздь обязательно выковал самый добродетельный в округе кузнец. После «соития» женщины с камнем целительница приводила ее в свой дом. Затем она расстилала на тахте ковер (в идеале он должен был быть соткан будущей мамой), укладывала на него обнаженную «пациентку» и, защипывая кожу над ее поясницей, бормотала заклинания и молитвы. Вокруг тахты она разбрасывала колючки, чтобы злой дух не повредил будущему ребенку — как правило, младенец появлялся на свет в течение ближайшего года.

Вообще-то, посещение портакара было вторым в списке магических обрядов для излечения от бесплодия. До этого необходимо было совершить паломничество в монастыри Татев или Воротнаванк. Именно там сохранились гигантские восьмиугольные рукотворные колонны — гавазаны, по форме напоминающие фаллос и способные качаться от толчка. Интересно, что в некоторых районах Армении до сих пор словом «гавазан» именуют мужской орган. Бездетная женщина зажигала свечи, целовала колонны и молила Бога придать ее супругу силу и твердость камня, чтобы смог он одарить ее ребенком и возможностью продолжить род мужа. Все это время колонны раскачивались.

Третьим, но явно не последним, мероприятием был поход в Цицернаванк (Сюник). Здесь женщина взваливала на спину увесистый камень и под его тяжестью трижды обходила вокруг храма. А после, полная веры, что и сама «потяжелеет» — забеременеет, несла этот камень домой.

Время унесло множество тайн и мудрых поверий, бытовавших у армянского народа. Сегодня, чтобы познать долгожданное материнство, женщины направляются не к портакару или гавазану, а идут в центры планирования семьи. Но ребенок, причем с волосами любого оттенка, все равно воспринимается как благословение Божие. ■

Айк Мелконян

вордан кармир

Символ почета и власти, залог красоты и здоровья, его слава не меркнет даже по истечении тысячелетий. Может показаться странным, но все это относится к красному червецу вордан кармиру, в котором от силы 12 миллиметров «росту». Тайну приготовления вечной краски, которой не страшны разрушительные силы времени, света, температуры и влажности, наши предки хранили более двух тысячелетий, передавая из поколения в поколение лишь избранным, и утеряли всего 400 лет назад.

Текст **Гаяне Мирзоян**

Тот самый червец

Небольшая баночка с жидкостью темно-бордового цвета на первый взгляд напоминает малиновое варенье.

«Вот это и есть вордан кармир, — протягивает скляночку старший научный сотрудник Матенадарана кандидат биологических наук Армен Саакян. — Если бы вы знали, какой замечательный напиток получается из такой настойки!»

Крохотный кабинет в Матенадаране весь заставлен книжными шкафами, на подставке раскрыта старинная книга, рядом на столе — Евангелие XVII века, бережно прикрытое платком. Здесь все происходящее кажется каким-то древним ритуалом. С недоверием потянулась к банке. Странно, но запах у «червячного компота» вполне аппетитный — напоминает терпкое вино многолетней выдержки. Тем не менее червячки в банке предназначены явно не для приема внутрь.

Указав на миниатюрную палитру из 7 цветов — от темно-синего и ежевичного до оранжеватой охры, — Армен Саакян пояснил: «Это знаменитые краски из вордана. Во всем мире такая палитра есть всего у нескольких людей». Они самые, да не все. В палитре недостает знаменитого пурпурного оттенка, который и прославил краску из араратской кошенили на весь мир.

Ради красного словца

Во многих языках корни слов, обозначающих красный цвет, обязаны своим происхождением вордан кармиру. Так, слово «червонный» (красный) произошло от слова «червь», «червец», а греческое kokkinos, турецкое kurmuz, еврейское karmil, персидское kirmez и, наконец, армянское karmir восходят к общему индоевропейскому корню krimi, обозначающему все то же — «червь».

Арам Агасян

Как потеряли «чудо Востока»

Краску из вордана в Араратской долине готовили с незапамятных времен. В Библии упоминается красная краска из кошенили, которую использовали потомки Ноя. А в записях, оставленных в 714 году до н. э. грозным царем Ассирии Саргоном II, отмечены красные ткани, которые были вывезены из Араратского царства в качестве ценного трофея. Краска из кошенили служила армянским царям и католикосу печатью, которой они скрепляли все важные документы. А лекари использовали насекомое в качестве жаропонижающего, антисептического и противозачаточного средства. Одежда из армянского пурпура ценилась в Риме и Греции, ее имели право носить лишь знатные люди. А древнегреческие красавицы использовали кошениль из далекой Армении еще и для придания своему лицу здорового румянца.

Однако широкую известность краска из армянского красного червеца получила в период арабских нашествий на Армению с VII по IX века. За уникальную способность вордан кармира радовать глаз, услаждать вкус и врачевать его прозвали «чудом Востока». В записях арабских историков и путешественников упоминается краска из кошенили — кирмиз, которую использовали для окраски тканей, распродававшихся по всему миру. Так, арабский писатель и географ Абу-Исхак ал-Истархий в своей «Книге путей царств» (930 г.) отмечает: «В городе Дабиле (Двин) выделываются шерстяные платья, ковры, подушки,

Арам Агасян

Айк Мелконян

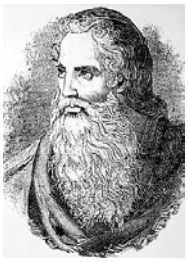
Краска из кошенили служила армянским царям и католикосу печатью, которой они скрепляли важные документы. А лекари использовали насекомое в медицинских целях

сиденья, шнуры и другие предметы армянского производства. У них же добывается краска, называемая «кирмиз», и ею красят сукно. Я узнал, что это червяк, который прядет вокруг себя наподобие шелковичного червя». Как известно, вордан кармир не прядет шелковых нитей. Возможно, это лишний раз доказывает, как берегли информацию о красном червеце в Армении, нередко прибегая к хитрости, чтобы «дезинформировать» иноземцев. Другой арабский путешественник Шемс-уд-динал ал-Мукаддасий сообщает более достоверные сведения о вордане: «Кирмиз... — это червяк, появляющийся в земле; приходят к нему женщины, тщательно собирают его в медные сосуды и помещают их в хлебные печи».

В IX—XI веках Армения активно участвовала в международной караванной торговле, и ее столица Двин стала важным транзитным пунктом на торговых путях. Одним из основных экспортируемых товаров в страны Востока и Европы была кошениль. Армянские ковры из красной шерсти пользовались большой популярностью. Стены и полы дворца арабских халифов были покрыты армянскими коврами, а любимая жена халифа Гаруна аль Рашида восседала на «армянском ковре». Судя по высокой цене вордана, эта краска приносила большие прибыли. Естественно, процветало и красильное ремесло. Помимо Двина, особенно славился этим город Арташат. С VIII по XIII века красильщиков шерстяной

и шелковой ткани здесь было так много, что заезжие торговцы часто называли его Кирмизом или городом кошенильных красилен.
Существуют пока неподтвержденные гипотезы о том, что армянским пурпуром пользовались Страдивари и Леонардо да Винчи и что вордан кармир пытался приобрести Рембрандт.
А по свидетельству историков, предки Микеланджело по материнской линии — флорентийцы Ручеллаи — в XIII веке разбогатели и прославились, «разведав на Востоке, как вырабатывать чудесную красную краску».
К сожалению, в эпоху открытий Колумба «красному золоту» Армении пришлось потесниться. Мексиканская кошениль, вывезенная из Нового Света, хоть и уступала в размерах своему армянскому сородичу, но отличалась большей плодовитостью. «Урожай» кошенили с мексиканских кактусов можно было собирать до 5 раз в год. Араратской кошенили с ее приростом лишь раз в год за такой «демографией» было не угнаться. С 1 га солончака можно собрать до 40 килограммов червей, а для того, чтобы получить 1 грамм кармина, необходимо использовать от 150 до 175 червецов.

Матенадаран



Красный аркан

«...Услышав столь мудрые речи,
Арташес вышел на берег реки и,
увидев прекрасную деву и услышав
ее разумные слова, возжелал ее. И
призвав к себе своего воспитателя
Смбата, он открывает ему желание
своего сердца — взять в жены
аланскую царевну <...>
Одобрив (все это), Смбат посылает к царю аланов (предложение)
выдать царственную деву аланов
Сатиник замуж за Арташеса. А
царь аланов говорит: «Откуда же
заплатит доблестный Арташес
тысячи и десятки тысяч за высокородную деву, аланскую царевну?»
Излагая эти события в виде легенды, сказители продолжают так:
«Храбрый царь Арташес вскочил на
красавца вороного
И, вынув аркан из красной кожи с
золотым кольцом,
Подобно быстрокрылому орлу
устремился через реку
И, бросив аркан из красной кожи с
золотым кольцом,
Обхватил стан аланской царевны
И, причинив сильную боль спине
нежной девы,
Быстро доставил ее в свой лагерь».
Истинный же смысл сказанного
таков: так как у аланов в почете
красная кожа, то он дает много
красной краски и золота в качестве выкупа и берет царственную
деву Сатиник. Это и есть аркан
из красной кожи с золотым
кольцом...»

Мовсес Хоренаци,
«История Армении», V век

О вордан кармире стали забывать. И лишь несколько монастырей в Армении упорно продолжали готовить карминную краску для своих рукописей, тщательно оберегая тайну ее приготовления. Последний удар по араратской кошенили нанесли акриловые и прочие искусственные красители в конце XIX — начале XX веков. В итоге краска вордан была утеряна окончательно.
Удивительно, но почти сразу после этого ученые заинтересовались армянским эндемиком. В начале XX столетия по поручению Императорской академии наук царской России были организованы экспедиции для изучения араратской кошенили. Исследования продолжились и в советскую эпоху. Однако все, чего добились научные мужи, — лишь несколько компонентов некогда прославленной краски.

Начиная с XV в. о вордан кармире стали забывать. И лишь несколько монастырей в Армении продолжали готовить карминную краску, тщательно храня тайну ее приготовления

Подпольная жизнь араратской кошенили

Жизнь красных червецов также окутана тайной. Ведь почти все время они проводят под землей на глубине до пяти сантиметров, питаясь корнями травы вордан. Лишь в брачный период, который длится сорок дней — с сентября по октябрь, насекомые выходят на поверхность почвы. По своему внешнему виду самки и самцы сильно различаются. Для получения пигмента используются лишь самки, которые крупнее самцов и имеют овальную форму. После оплодотворения самки возвращаются в подполье для откладки яиц. Выполнив эту важную миссию, мамы-кошенили вскоре умирают. Чтобы увидеть красных червецов, нужно выбраться на солончаки Араратской долины ранним осенним утром, и если вам повезет, то вы сможете увидеть алые россыпи кошенили. А старожилы поведают вам, что раньше вордан кармира было так много, что земля покрывалась живым ярко-красным ковром.

Крем Азазелло по древнеармянским рецептам

«Нам удается получить тот самый пурпурный цвет, называемый в рукописях «цирани» (абрикосовый), однако вся проблема в том, что мы не можем его удержать: краска быстро меняет оттенок», — признается Армен Саакян. Тем не менее, в Матенадаране продолжают поиски знаменитой червонной краски. Большие надежды сотрудники института возлагают на кору некоего индийского растения lotur, добавление которой, по свидетельству многих древних авторов, позволит получить желаемый алый цвет.

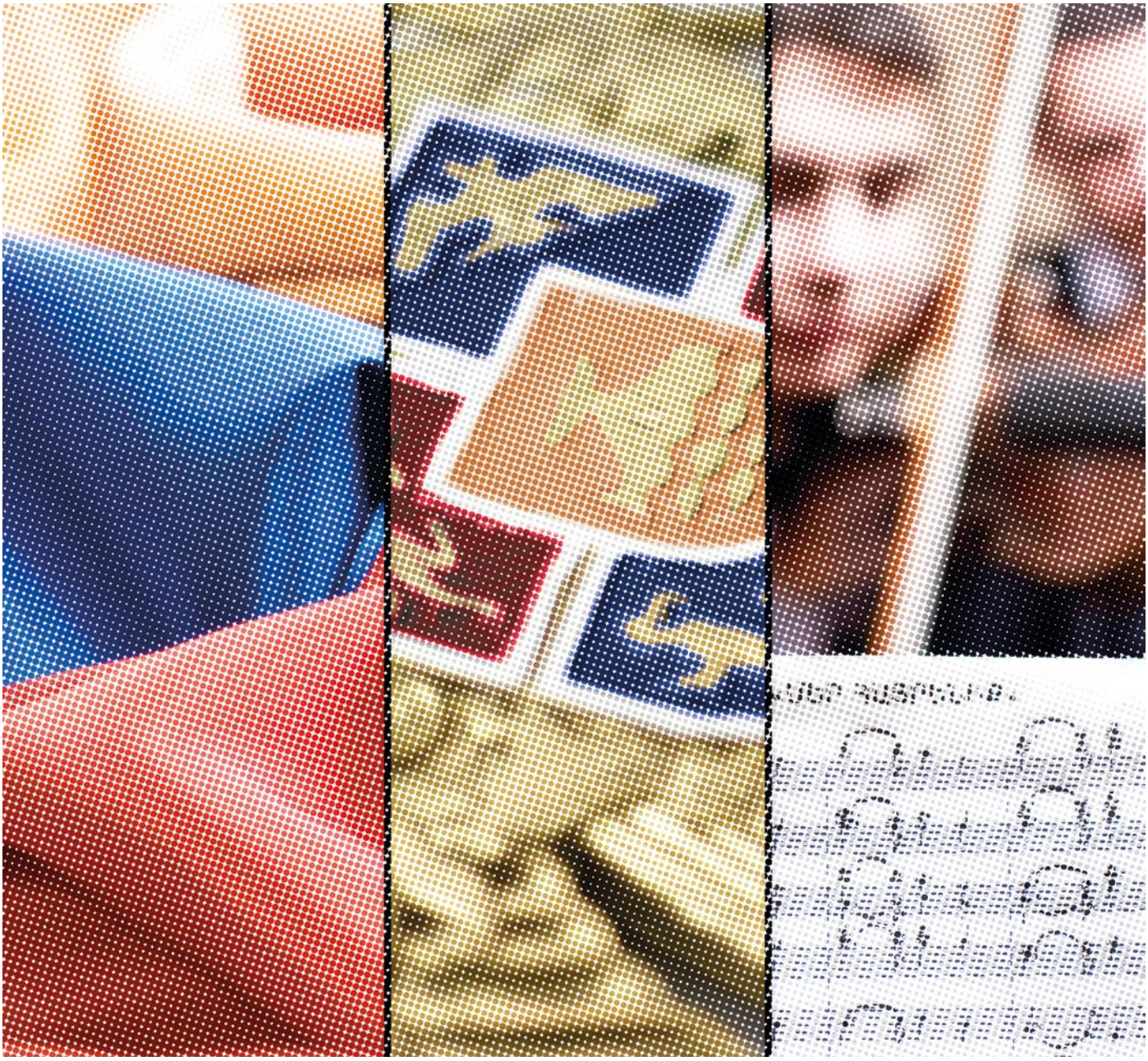
Большой проблемой для ученых, изучавших араратскую кошениль на протяжении многих лет, являлся жир насекомого, который мешает получению краски. Краска составляет 2—5% от общего веса насекомого, в то время как жир — до 30%. В Матенадаране научились бороться с излишками жира вордан кармира. Его собирают в ходе варки, точно так же, как снимают пенку с варенья.

Один из рецептов, выявленных в 1830 году архимандритом Эчмиадзинского монастыря Исааком Тер-Григоряном, гласит: «После умерщвления насекомых в растворе углекислого калия их оставляют в воде на 24 часа, затем кипятят в растворе мылянки (Saponaria), прибавляют дербенника (Lythrum), квасцов, процеживают и высушивают». Помимо собственно кошенили, в состав вордан кармира входят также жир ежа, муравьиные яйца и многое другое. Но, пожалуй, самым важным «ингредиентом» таинственной краски является молитва, которую предписано читать в процессе приготовления не менее трех раз. «В древних рукописях даются ключи, которые без знания Священного Писания нелегко понять. А вообще наши предки ни единого дела не начинали без предварительной молитвы», — говорит Армен Саакян, который с 1993 г. служит дьяконом в одной из церквей в пригороде Еревана.

В выставочном зале Матенадарана можно долго рассматривать роскошно расписанные рукописи древних мастеров. Манускрипты сквозь века сохранили первозданную свежесть красок, несмотря на то, что зачастую хранились в неблагоприятных условиях. Спасая книги во время многочисленных вражеских набегов, их замуровывали в стены, закапывали в землю. Однако ни сырые помещения монастырей, ни другие не подходящие для книг условия не смогли погасить «огонь» вордана. Впрочем, как оказалось, красный червец помогает сохранять молодость не только пергаменту, но и коже человека.

На восстановление рецепта омолаживающего крема из араратской кошенили у Армена Саакяна ушло более десяти лет. Но сегодня нежно-розовый крем «Вордан кармир» — гордость врача-фармацевта. Он удивительно хорошо влияет на кожу: увлажняет и обновляет ее, а также оказывает антисептическое воздействие. В средневековой Армении крем из вордана был доступен лишь дамам из благородных семей. Впрочем, мало что изменилось и сегодня, ведь им пользуются лишь преуспевающие леди Армении и зарубежья. К чудо-крему проявляют интерес в России и Германии. Однако это еще не все. С помощью вордан кармира древние врачеватели Армении исцеляли болезни почек, сахарный диабет и многие другие недуги.

«Все, что до сих пор сделано в нашем институте, — лишь капля в море, манускрипты Матенадарана хранят еще немало тайн», — загадочно произнес на прощание Армен Саакян. ■



достояние республики

В прошлом веке Декларация о независимости Армении дважды звучала с высокой трибуны — в мае 1918-го и августе 1990-го. И оба раза ее зачитал Арам Манукян — в рядах депутатов постсоветской Армении нашелся полный тезка парламентария времен Первой республики. Унаследовала страна, которая 21 сентября начнет отсчитывать третий десяток, и знаки отличия первого армянского независимого государства: флаг, гимн и герб.

Текст **Эрна Ревазова** | Фото **Арнос Мартиросян, из Национального архива Армении**

Флаг

Он развевается над резиденцией президента страны и присутствует в местах дислокации войск. Его поднимают в честь победы и приспускают в знак скорби. Он устанавливается на покоренных вершинах и вывешивается в праздники на балконах. Его рисуют на щеках болельщики и набрасывают на плечи после победы спортсмены. Впервые официально армянский триколор был поднят 1 августа 1918 года: в день открытия Национального Собрания на флагштоке появилось красно-сине-желтое полотнище — как это ни парадоксально, в республике не нашлось оранжевой ткани. Буквально на следующий день в газетах был опубликован правительственный указ, предписывающий всем организациям иметь на балансе триколор — где они будут доставать оранжевую материю, кабинет министров не интересовало.

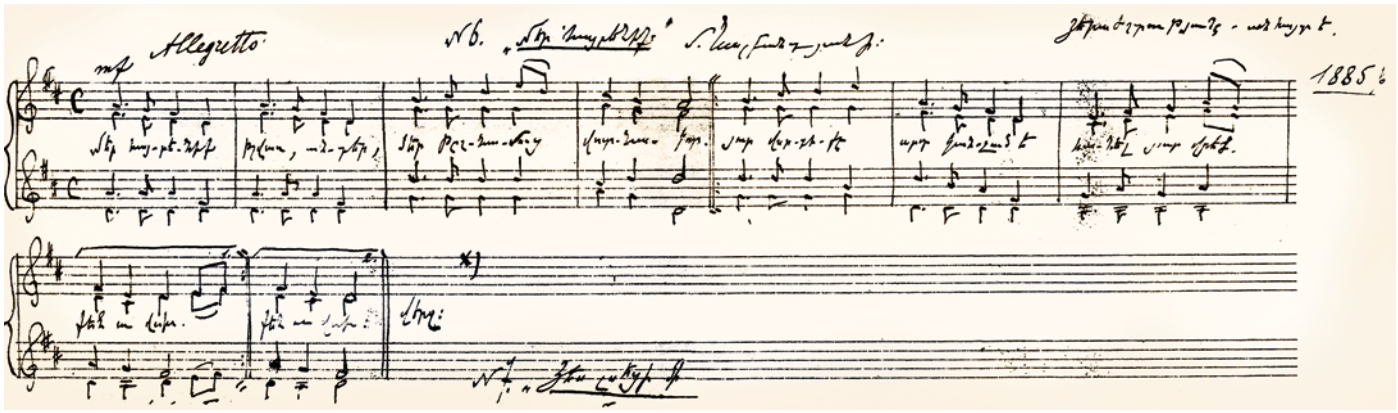
На выбор цветов повлияла речь филолога Степана Малхасянца, поведавшего парламентариям историю армянских флагов. Молодая республика остановилась на знаменах последнего независимого армянского государства — Киликийского царства. Красный, синий и желтый — это цвета воинских подразделений, которые в боевом построении сливались в единое целое. Правда, желтый было решено заменить, поскольку комбинацию красного, синего и оранжевого посчитали более приятной для глаза. К тому же это исключало копирование флага Всевеликого Войска Донского, как сказано в письме Мартироса Сарьяна, к которому он приложил три акварельных рисунка

Дом-музей Мартироса Сарьяна

Дом-музей Мартироса Сарьяна

↑↓ Две версии армянского флага, предложенные Мартиросом Сарьяном

— варианты армянского флага на выбор. Был среди них и «радужный» флаг. В том письме мэтр «осмелился сделать несколько указаний: трехцветных флагов очень много... нам как восточному народу к лицу многоцветный флаг... предлагаю перекинуть через нашу исстрадавшуюся и горячо любимую Родину радугу». Сарьян был не первым, кто при работе над флагом обратился к теме этого атмосферного явления. В 1885-м студенты из Армянского студенческого общества Парижа попросили мхитариста, поэта и мыслителя отца Гевонда Алишана создать армянский флаг — им предстояло участвовать в церемонии прощания с Виктором Гюго. Красно-зелено-белый прямоугольник Алишана состоял из трех равновеликих полос, цвета которых символизировали радугу, увиденную Ноем с вершины Арарата. Второй аргумент автора: первое и второе воскресенье Пасхи в армянском церковном календаре обозначены как Красное и Зеленое. Красно-сине-оранжевое знамя Первой республики просуществовало вместе с ней два с половиной года, до 29 ноября 1920-го. А в феврале 1922-го I съезд Советов Армении утвердил большевистский флаг — на ярко-красном фоне золотые армянские буквы ՀԽՍՀ (СССР). Аббревиатура иногда расшифровывалась — Социалистическая Советская Республика Армения. В 1952-м красный цвет разбавили широкой горизонтальной синей полосой, а в верхнем углу, у самого древка, добавили серп, молот и обрамленную золотым красную звезду. После распада СССР вернулся триколор образца 1918-го — полотнище, состоящее из равных горизонтальных красной, синей и оранжевой полос. Правда, разногласий тогда избежать не удалось: особо практичные возражали против оранжевого цвета, которому противопоказано жаркое солнце. ▸



Гимн

Его обязательно исполняют на официальных мероприятиях и во время торжественных церемоний. Он непременно звучит во время инаугурации президента и по понедельникам во всех школах Армении. Ему два раза в день предоставляют эфир армянские теле— и радиокомпании. Закон требует проявлять к нему глубокое уважение и называет это священной обязанностью каждого гражданина — услышав его, принято вставать и обнажать голову. Его слова призывают сынов Армении вернуться на независимую родину и провозглашают блаженными тех, кто готов погибнуть за свободу своего народа — эта строка была особенно актуальна на момент становления Республики Армения. Первой и Третьей. В советском промежутке, который продлился без малого 71 год, у Армении был совсем другой гимн — хачатуряновский. О намерении вернуть в качестве гимна мелодию Арама Хачатуряна, выстроенную по классическим канонам церковных песнопений, было заявлено в середине нулевых. Осенью 2006-го парламент объявил конкурс на текст и музыку нового гимна: из 85 вариантов в заключительный тур прошло 5 произведений — Арама Хачатуряна, Роберта Амирханяна, Ерванда Ерзнкяна, Эдгара Ованнесяна и Тиграна Мансуряна. Тайным голосованием комиссия утвердила музыку гимна Советской Армении, но так и не смогла определить победителя текстового конкурса (Сармену, автору текста гимна Советской Армении, тогда повезло меньше — его слова постановили сменить непременно.) Одним из немногих, призывавших не трогать «Мер Айреник» («Наша Родина»), был Лорис Чкнаворян — дирижер из Спюрка, возглавивший Симфонический оркестр Госфилармонии Армении в 1990-м. За год до официального признания «Мер Айреник» гимном каждое выступление своего коллектива он начинал исполнением этой мелодии. С декабря 2006-го действующий гимн Армении находится на «переходном положении» — его временно восстановили в правах, пока не найдется достойной замены словам, с которыми шли на бой герои Сардарапата и которые семь советских десятилетий трепетно хранила армянская диаспора.

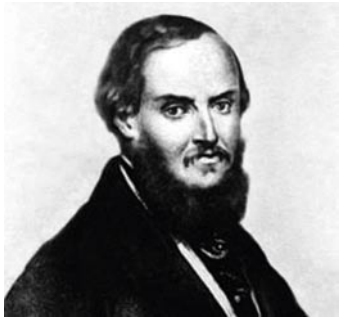
↑ Патриотическая песня «Мер Айреник»

Закон требует проявлять к гимну глубокое уважение и называет это священной обязанностью каждого гражданина

Праздник регалий

Несколько лет назад Фонд сохранения национальных ценностей «Менк» («Мы») инициировал проведение ежегодного праздника государственных регалий РА (yeraguyn.com). Два года подряд 15 июня Ереван окрашивается в цвета армянского триколора — в этот день в 2006-м были приняты действующие законы «О государственном флаге РА» и «О государственном гербе РА». Сам праздник законодательно пока не закреплен, но молодые патриоты уверены, что он необходим, и в первую очередь подрастающему поколению. По словам соучредителя и генерального директора фонда Павла Саркисяна, их главная цель — привить уважение к национальной символике. Проведение праздника всячески поддерживает и премьер-министр страны Тигран Саркисян: «Национальный символ — флаг — это наш защищенный тыл, наша прочная опора, благословение наших дел. В конце концов, это и есть наша сущность, обобщенная в трех цветах».

↓
Луиджи Меркантини — автор стихотворения «Жница из Сапри»



Это сегодня многим «Мер Айреник» напоминает итальянские напевы, а в начале XX века лирическая нотка не мешала армянским воинам брать неприступные бастионы, завоевывая независимость своей родины, которая освободится «лишь волей смелых сыновей». «Тогда «Мер Айреник» не имел статуса гимна — это была патриотическая песня на стихи Микаэла Налбандяна, назвавшего свое произведение «Песней итальянской девушки», — рассказывает директор Национального архива, доктор Аматуни Вирабян, который давно занимается историей армянского гимна. Началась она в 1857-м в итальянском Сапри, когда 20 смельчаков под предводительством героя Рисорджименто Карло Пизакане, освободив повстанцев, заключенных в тюрьме на острове Понца, атаковали город. Их было триста, молодых и сильных, — и все они погибли в бою с батальонами испанских Бурбонов. Сразу после этого было опубликовано стихотворение «Жница из Сапри» Луиджи Меркантини — рассказ о сражении автор вложил в уста молодой девушки, собирающей колосья пшеницы неподалеку от городских ворот. Русский перевод «Жницы из Сапри» впервые был опубликован Герценом в 37-й главе «Былого и дум»: некоторые исследователи считают, что «Песня итальянской девушки» Микаэла Налбандяна (1829—1866) — это вольный перевод сочинения Меркантини, с которым армянский философ и публицист, поддерживающий взгляды российских революционеров, ознакомился в русской версии. Доктор Вирабян придерживается иной версии:

↑
Революционер, философ, классик армянской литературы, автор слов государственного гимна Армении Микаэл Налбандян

↓
Хор Кара-Мурзы, в исполнении которого впервые прозвучала «Песня итальянской девушки»

Налбандян мог слышать стихотворение в 1859-м в революционно настроенной Италии, которую посетил по пути в Лондон, где, кстати, встретился с Герценом и его единомышленниками.
В июне 1859-го в Зодене Налбандян пишет «Песню итальянской девушки», которую в 1861-м под псевдонимом Комс Эмануэль публикует в московском армянском журнале «Юсисапайл» («Северное сияние») и константинопольской газете «Мегу» («Пчела»). Микаэл Налбандян прославляет готовых бороться за свободу своей родины итальянок, приводя их в пример своим соотечественницам.
В пятницу, 15 марта 1885 года, в тифлисском театре Арцруни в хоровом исполнении состоялась мировая премьера «Песни итальянской девушки». Музыку к стихам Налбандяна сочинил талантливый молодой самоучка Хачатур Маркари (Маркарян) — Христофор Кара-Мурза, который, как и Налбандян, старался не афишировать свое имя — автор музыки не указан даже на оригинальных нотах. Кстати, имя Барсега Каначяна, которому сегодня приписывается музыка армянского гимна, впервые появляется в сборнике, изданном воспитанниками вардапета Комитаса в Константинополе в 1919 году. После тифлисской премьеры хор Кара-Мурзы гастролирует по всему Кавказу и Крыму, дает концерты в Константинополе — песня становится популярной во всех армянских общинах. Вскоре по первым словам ее начинают именовать «Мер Айреник»: под этим названием она была впервые исполнена в Париже — 9 апреля 1916 года на благотворительном концерте в Сорбонне, организованном в поддержку армян, пострадавших во время Геноцида. После вступительной речи президента Ассоциации Анатоля Франса, университетский хор Schola Cantorum под руководством известного композитора Венсана д'Энди исполнил «Мер Айреник» — армянскую патриотическую песню, которой 1 августа 1918 года предстояло стать гимном Первой, а 1 июля 1991 года — Третьей республики. Правда, оба раза временно. ▸

↓ Герб Первой республики. Эскиз Акопа Коджояна

Дом-музей Мартироса Сарьяна

Герб

Он вытиснен золотом на обложке паспорта и выгравирован на государственных печатях. Он переливается всеми цветами радуги на акцизных марках и денежных купюрах. Им украшают реверсы монет и кабинеты госслужащих. В нем отражена преемственность государственности и армянских царских династий. Он стал третьим символом Первой республики, унаследованным республикой Третьей. Так постановил первый президент, когда жюри не устроил ни один из представленных на конкурс проектов герба, а парламентарии так и не смогли определиться, кому отдать предпочтение — гербу Александра Таманяна, утвержденному правительством в июле 1920-го, или созданному для Советской Армении Мартиросом Сарьяном. И хотя Левон Тер-Петросян и сам был сторонником сарьяновского герба, он решил: «Раз страна унаследовала флаг и гимн Первой республики, то логично будет принять и третий ее символ».

Этнограф Левон Абрамян, консультировавший в 1990-е правительственную группу, курирующую разработку герба, вспоминает, какие кипели страсти, когда парламентарии приступили к обсуждению: никто не хотел «обратно в СССР», но эстетически большинству нравился герб сарьяновский. Предлагалось только убрать серп и молот со звездой. Абрамяну герб Советской Армении больше напоминает «пейзаж с вкраплениями натюрморта» — прекрасный рисунок, как и все, что создал художник, но абсолютно не соответствующий требованиям геральдики. «Третий герб должен быть развитием предыдущих — принять эстафету армянской государственности. Мы можем ненавидеть ценности, которые олицетворяла советская республика, но не вправе пренебрегать историей своего народа», — объясняет Левон, предложивший в те годы поместить в разработанный Таманяном герб вместо щитка с Араратом сарьяновское изображение библейской горы. Озвучить эту идею парламентариям взялся друг Абрамяна Самвел Шахмурадян — писатель, член правительственной группы. «Включаю радио, и слышу, как, изложив законы геральдики, Самвел предлагает... добавить урартийский символ — крылатого льва, если память мне не изменяет, — рассказывает Левон. — Что тут началось! Депутаты, перебивая друг друга, стали возмущаться, что герб и так слишком смахивает на зверинец, чтобы еще одно животное добавлять».

↑ Эскиз герба, созданного Мартиросом Сарьяном для Советской Армении

Депутаты самого первого созыва Национального Собрания в шутку называли государственный герб Армении настоящим зверинцем

Настоящим зверинцем в шутку называли герб Армении и депутаты самого первого созыва Национального Собрания. Эмблемы животных присутствуют на щитке в символике четырех венценосных армянских династий: Арташесидов (два противообращенных обернувшихся орла), Аршакуни (двуглавый орел), Багратуни (лев) и Рубенянов (идущий лев, или, как его принято

Армянский след

Что герб Армении был разработан Александром Таманяном, мимолетно сказано в книге последнего премьер-министра Первой республики Симона Врацяна — в главе об утверждении в 1918—1920 гг. символов независимой Армении. Этнограф Левон Абрамян выдвинул гипотезу о причастности Таманяна и к созданию герба династии шахов Пехлеви — первый шахиншах этой династии, Реза-шах Пехлеви, взошел на иранский трон в 1925 году. В 1921—23 годах архитектор жил в Иране (осуществлял застройку одной из главных улиц Тавриза) и вполне мог разработать для Пехлеви герб. В пользу гипотезы говорит достаточно отчетливо прослеживающаяся композиционная схожесть двух гербов.

← Вариант герба, предложенный Рубеном Гевондяном

→ Герб Республики Армения

обозначать в геральдике, коронованный леопард). Символы более ранней династии — Ервандуни — и правителей Ванского царства в композицию не включены. В Национальном архиве сохранилось письмо «свободного художника Якова Коджояна», которому предстояло воплотить таманяновский замысел на бумаге. Живописцу так и не предоставили детального описания символики армянских венценосцев: какого цвета должно быть поле щита, окрас орла и льва (вплоть до цвета когтей и языка), их геральдический тип...

Источником вдохновения для Таманяна послужили тетрадрахмы Тиграна II (Арташесиды), свидетельства летописцев Бюзанда и Хоренаци, что цари династии Аршакуни «носили орла», печати и монеты киликийского царя Левона II (Рубениды) и рельеф с Львиных ворот столичного града Ани (Багратуни). Щитодержцы армянского герба — это орел княжеского рода Мамиконян и лев князей Багратуни, взошедших на трон в 885-м. На эскизе Таманяна цари птиц и зверей выглядят очень агрессивно. И дело не только в многовековом противостоянии двух влиятельных княжеских родов — молодая республика, окруженная вражескими государствами, не могла иметь добродушный герб. Кстати, Национальное Собрание так и не успело его утвердить. Гербо-творческой группе 1990-х пришлось серьезно потрудиться: не было ясно, например, должен ли присутствовать на вершине Арарата Ноев ковчег — в архивных документах нашлись оба варианта. И опять решение было принято президентом: ковчегу на вершине горы, вокруг которой плещутся воды потопа, постановлено быть. «Причесать» агрессивный таманяновский герб поручили художнику Рубену Гевондяну, переложить его в практичную графику — дизайнеру Арутюну Самуэляну. И только 15 июня 2006-го в Армении приняли закон о гербе, в котором, в частности, зеркально изменили окрас династических частей щита — закон связывает гербовые цвета с цветами армянского триколора. Может, это и логично: птицы должны парить на небесно-синем фоне, но исторически и геральдически — не совсем корректно. А пока историки и юристы определяются с правовыми и научными нюансами, «геральдические звери» уже два десятилетия стоят на страже армянской государственности. ■

У Таманяна орел и лев агрессивны — молодая республика, окруженная вражескими государствами, не могла иметь добродушный герб

с металлом в голосе

Знание во все времена было наиболее ценным капиталом человеческой цивилизации. Но как его сохранить, как передать потомкам без потерь — чтобы ничего не потерялось, не порвалось, не сгорело, не сломалось и не стерлось? Предки армян использовали самый совершенный носитель информации — язык. Он всегда с человеком, он жив, пока на нем говорит хоть один из нас. Вслушайтесь в армянские слова, всмотритесь в буквы, которыми они записаны, и вам откроется великий секрет — информация, оставленная нам в наследство.

Текст **Эдуард Аянян**

Сурен Манвелян

Что в имени твоем?

Почему предметы и явления называются именно так и никак иначе? Вас когда-либо интересовало, почему вода называется водой, а, скажем, огонь — огнем? Языковеды отыскивают сотни возможных объяснений, расшифровывают этимологию слов, находят связи между словами в разных языках мира. Нам дают массу убедительных объяснений — это слово произошло от того, а то — еще от какого-то, и т. д. Однако эта цепочка неизбежно приводит к какому-то одному основному слову или корню, смысл которого нам преподносится априори, без объяснений. И главный вопрос опять остается без ответа — почему названо именно так, а не иначе? Как тут не вспомнить Адама, чьим первым заданием в Эдемском саду было дать названия всем животным. Ответственная и тяжелая работа, если учесть, что у нашего предка не было источников первичной информации в виде книг или интернет-ресурсов. Дать имя, создать слово — задача действительно не из легких. Итак, что же есть слово, которое было в начале? Неужели оно не имело никакого смысла? Как это ни странно, но ответ на этот вопрос имеет непосредственную связь с армянским алфавитом. Алфавит Маштоца не раз был предметом научных споров. Официально принято считать, что армянский алфавит создан Месропом Маштоцем в 405—406 годах нашей эры. Считается, что до этого у армян не было собственной письменности — в Армении в разные эпохи использовалась клинопись, арамейское, греческое и персидское письмо. Алфавит Маштоца считается изобретением, результатом творческой работы Маштоца и его помощников. Отмечается, что основой для Маштоца послужили греческий и финикийский алфавиты — переработанные и адаптированные под фонетику армянского языка. Естественно, всеми признается гений Маштоца, проделанная им гигантская работа и преданность национальным идеалам. Все это кажется достаточно доказанным и убедительным, тем более что в качестве источников информации официальная историография обращается к Мовсесу Хоренаци и Корьюну (историк и хронограф V века). К историческим источникам мы еще вернемся, а пока — всего один факт, насколько интересный, настолько же и сенсационный. Факт, о котором официальная наука вспоминать не любит, а если и упоминает, то оставляет без комментариев.

Айк Мелконян

↑→ Остатки древнего металлургического комплекса (III тыс. до н. э.). Мецамор, Армения

Айк Мелконян

Достоверно известно, что на территории Армении еще около 5 тыс. лет назад была освоена обработка металлов и налажено производство металлических изделий. 7 основных металлов — золото, серебро, медь, олово, железо, свинец и ртуть являлись основой основ человеческой цивилизации. Названия этих металлов существуют в армянском языке с незапамятных времен. И некоторые дошли до наших дней без особых изменений. Произнося их в обыденной речи, мы не задумываемся об их истинном смысле, для нас это всего лишь привычный набор звуков. Но если проанализировать эти слова с учетом порядка букв в армянском алфавите, то открывшаяся картина может вызвать настоящий шок.

Химия и жизнь

По-армянски золото называется «воски». Не вдаваясь в этимологию слова, в варианты возможного объяснения его смысла, проведем простой эксперимент. Напишем слово «воски» («золото») по-армянски и под каждой буквой поставим ее порядковый номер в армянском алфавите. Затем сложим эти числа:

Ո Ս Կ Ի («воски», золото)
24 + 29 + 15 + 11 = 79

Но ведь 79 — не что иное, как номер золота в таблице химических элементов! ▸

Арнос Мартиросян

←
Армянский алфавит, выполненный из золота и драгоценных камней, 1976 г. Авторы Жирайр Чулоян и Багдасар Арзуманян. Хранится в сокровищнице Святого Эчмиадзина

Из школьного курса химии известно, что «заряд ядра атома совпадает с порядковым номером элемента в периодической системе и называется атомным номером элемента».
То есть слово «воски» — это атомный номер золота! Простое совпадение? Но проверку нетрудно устроить и другим армянским названиям металлов (естественно, в их старой, изначальной форме написания):

Ա Ր Ճ Ի Ճ («арчич», свинец)
1 + 32 + 19 + 11 + 19 = 82

82 — номер и атомный вес свинца.

Ա Ր Ց («арц» — старая форма слова «арцат», серебро)
1 + 32 + 14 = 47

47 — номер и атомный вес серебра.

Как видим, полученные числа совпадают с атомными номерами этих металлов! Вероятность подобных совпадений в математике стремится к нулю, вернее — это настолько же вероятно, как из нескольких тысяч случайно выбранных на свалке деталей собрать автомобиль Mercedes. Но если это не простое совпадение, то тогда — система, правило. Причем правило, в котором не должно быть исключений — оно должно распространяться как минимум на все известные в то время металлы. Проверим еще один металл, известный на заре цивилизации, — олово. Современное название олова в армянском — «анаг», но надо помнить, что слово это — заимствованное. В книге Амирдовлата Амасиаци «Ненужное для неучей» (XV век) приводится несколько наименований олова, в том числе армянское «клаэк» (ԿԼԱԷԿ). Стоит заметить, что этим словом до сих пор в Армении называют полуду, то есть то, чем лудят, паяют. И именно оно приводит нас к заветному числу.

Կ Լ Ա Է Կ («клаэк», олово)
15 + 12 + 1 + 7 + 15 = 50

50 — номер и атомный вес олова.

Рассматривая оставшиеся три металла из «великолепной семерки», мы видим ту же картину.

Ջ Ա Ն Դ Ի Կ («джандик», ртуть, современная форма — «сндик»)
27 + 1 + 22 + 4 +11 + 15 = 80

80 — номер и атомный вес ртути.

Ա Լ Գ Ա Թ («алгат», железо, современная форма — «еркат»)
1 + 12 + 3 + 1 + 9= 26

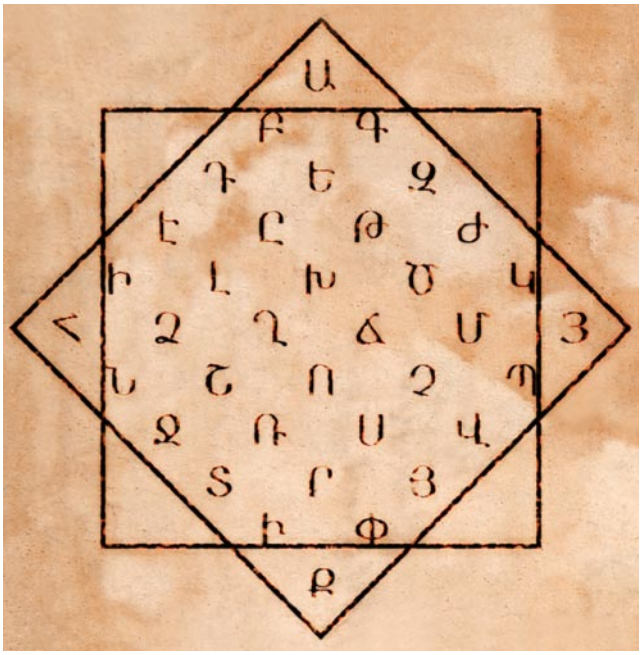
26 — номер и атомный вес железа.

Осталась медь. Современное армянское название меди — «пхиндз» — соответствия нашей гипотезе не дает. Однако есть основания утверждать, что «пхиндз» (принз) на самом деле есть такая похожая по звучанию бронза, то есть не чистая медь, а ее широко использовавшийся сплав. Чистая медь была непрактичной и не использовалась, и скорее всего со временем медью стали называть широко применявшийся медный сплав — бронзу. Точно так же, как сегодня мы называем «железными» предметы из стали и металлические предметы вообще. Так что же с медью? В архаичном армянском мы находим слово, оказавшееся таким знакомым и сохранившееся до сих пор в русском языке практически без изменений — «мед»!

Մ Ե Դ
20 + 5 + 4 = 29

29 — номер и атомный вес меди.

Складывающаяся картина просто шокирует — названия металлов в армянском языке обозначали их атомный номер! Этот удивительный факт неизбежно порождает многочисленные вопросы. С чем мы имеем дело? Откуда эта странная и потрясающая по своей логике система? Кто придумал металлам названия, ставшие формулой? И вообще — человеческих ли это рук дело? Если



←
Армянский алфавит, вписанный в квадрат. Буквы в углах при чтении по часовой стрелке образуют слово ՀԱՅՔ (HAYQ) — Армения. Составил Карен Айрапетян

да, то выходит, что уровень знаний наших предков был невероятно высок. Ведь чтобы придумать слово «золото», соответствующее числу 79, надо как минимум знать, что золото — именно 79-й элемент по порядку возрастания атомных весов. Но при этом знать, что золото — 79-й по порядку элемент, означает знать и предыдущие 78. А в их число, между прочим, входит ряд лантаноидов (химические элементы с 57-го номера по 71-й), последние из которых были открыты только в XX веке! Если же в древности не имели подобных сведений, то тогда должны были знать периодический закон и уметь определять атомный заряд золота и других металлов. Только вот каким образом? Ведь физики только в конце XIX — начале XX века «разобрались» со строением атома и научились определять заряд его ядра...
Если же допустить, что слова эти — данное свыше знание, то можно только восхищаться гениальностью и креативностью решения, ведь язык — самый надежный способ передачи и хранения знаний, информации. Можно уничтожить или потерять учебник химии и таблицу Менделеева, но очень трудно забыть слова родного языка. Невероятно, но тысячи лет назад, чтобы знать основы химии, достаточно было говорить по-армянски и помнить 36 букв армянского алфавита! И если такой, казалось бы, фантастический подход возможен применительно к химии, то почему не допустить, что в армянских названиях небесных тел зашифрованы познания в астрономии, а в названиях стихий — законы физики...

Познать и понять

Маленький камешек, покатившийся с вершины, способен вызвать лавину. Небольшой факт способен перевернуть давно устоявшиеся, обросшие приверженцами и последователями научные гипотезы. Следующий вывод, который напрашивается, многих может просто огорошить. Дело в том, что наша гипотеза основывается на очередности букв армянского алфавита, созданного, согласно официальной версии, Месропом Маштоцем в 405—406 гг. н. э. Но ведь создание алфавита — не создание армянского языка. И слова «воски», «арц», «арчич» и другие названия металлов появились в армянском языке не после Маштоца! Понятно, что упоминаются эти слова в письменных источниках именно с V века. Но это не означает, что до того их не было. Что же получается — существовала связь армянских слов с номерами букв в алфавите, который появился позже самих слов? Не мог же Маштоц «подгонять» создаваемый алфавит под эти слова...
А если даже допустить, что «подгонял», значит, знал о существующей закономерности. То есть, к примеру, буква, отображающая звук «S» могла бы теоретически иметь и другое графическое обозначение, но то, что она должна быть 29-м номером, это аксиома. Равно как и то, что «K» — 15-я по счету, а «R» — 32-я и т.д. В любом случае получается, что в армянском алфавите существующая очередность букв, равно как и их количество — это не результат вольного творчества, а стройная система, подчиняющаяся определенным законам, и созданная задолго до Маштоца. Между прочим, это единственное объяснение строго определенному порядку букв в алфавите — поменяйте две буквы местами и слова потеряют свой тайный смысл!
Тот факт, что великий Месроп вернул эти письмена к жизни в начале V века, еще не значит, что он создал их из ничего. Армянский алфавит — строгая система, связывающая слова и их написание логикой и смыслом.
Еще одна «мелочь» — средневековые источники упоминают некие забытые «даниэловы» письмена из 24 букв, которые сначала пытались адаптировать к армянскому языку.
В некоторых гипотезах о происхождении армянского алфавита утверждается, что месроповские буквы появились именно на их основе и были всего лишь их «дополненной» версией. Но, как мы уже увидели, количество и очередность букв

Если названия металлов даны нам свыше, то можно только восхищаться гениальностью этого решения, ведь язык — самый надежный способ передачи и хранения знаний

Айк Мелконян

жестко связаны со словами, и в армянских названиях металлов, между прочим, есть буквы под номерами 29 и 32. Если наше предположение верно, то букв не могло быть ни 24, как в греческом или «даниэловых» письменах, ни 26, как у этрусков или в эфиопском письме, ни 22, как у финикийцев. Их должно было быть именно 36 — это строгая математическая система. Маштоцу необходимо было восстановить эту систему, а не просто придумать какие-то абстрактные символы. В самом деле, любой человек за считанные минуты может придумать два десятка символов и связать их с соответствующими звуками. Хороший художник за день нарисует с десяток всяких «алфавитов». Зачем же было Маштоцу годами сидеть в крупнейших библиотеках древнего мира, встречаться с учеными и переписчиками? Что он искал? Что просил у Бога в своих беспрестанных молитвах?

Еще одна интересная деталь — задачка на логику. Представьте, что вам поручено создать алфавит для своего родного языка, и это вопрос национальной важности, алфавит станет спасением национальной культуры. И вот после многих лет поисков и странствий, в результате тяжелого и кропотливого труда вы создаете прекрасный алфавит. Наверняка вы запишете что-нибудь новыми письменами. Но что же станет первой фразой? Вряд ли что-то случайное или неважное. Напишете свое имя? Имя близкого человека? Бога? А может, это будет фраза, наилучшим образом отражающая то, что вы только что совершили? Известно, что Маштоц создавал алфавит с целью перевода на армянский Библии, дабы проповедование христианства в стране велось на родном языке. Источники донесли до нас первую фразу, переведенную на армянский и записанную новыми буквами. Как ни странно, это была фраза не из Евангелия, а из Ветхого завета, никакого отношения к христианству не имеющая — «Познать мудрость и наставления, понять изречения разума» («Книга притчей Соломоновых»). Это фраза — отражение сути труда Маштоца. Месроп познал и понял. Он нашел и восстановил алфавитную систему. Как? Этот вопрос, наверное, останется открытым, но одно смелое предположение можно сделать уже сегодня. Оно касается внешнего вида армянских букв.

Возможно, весь словарный состав древнеармянского языка был ни чем иным, как базой данных, содержащей все необходимые для жизни и развития человека сведения

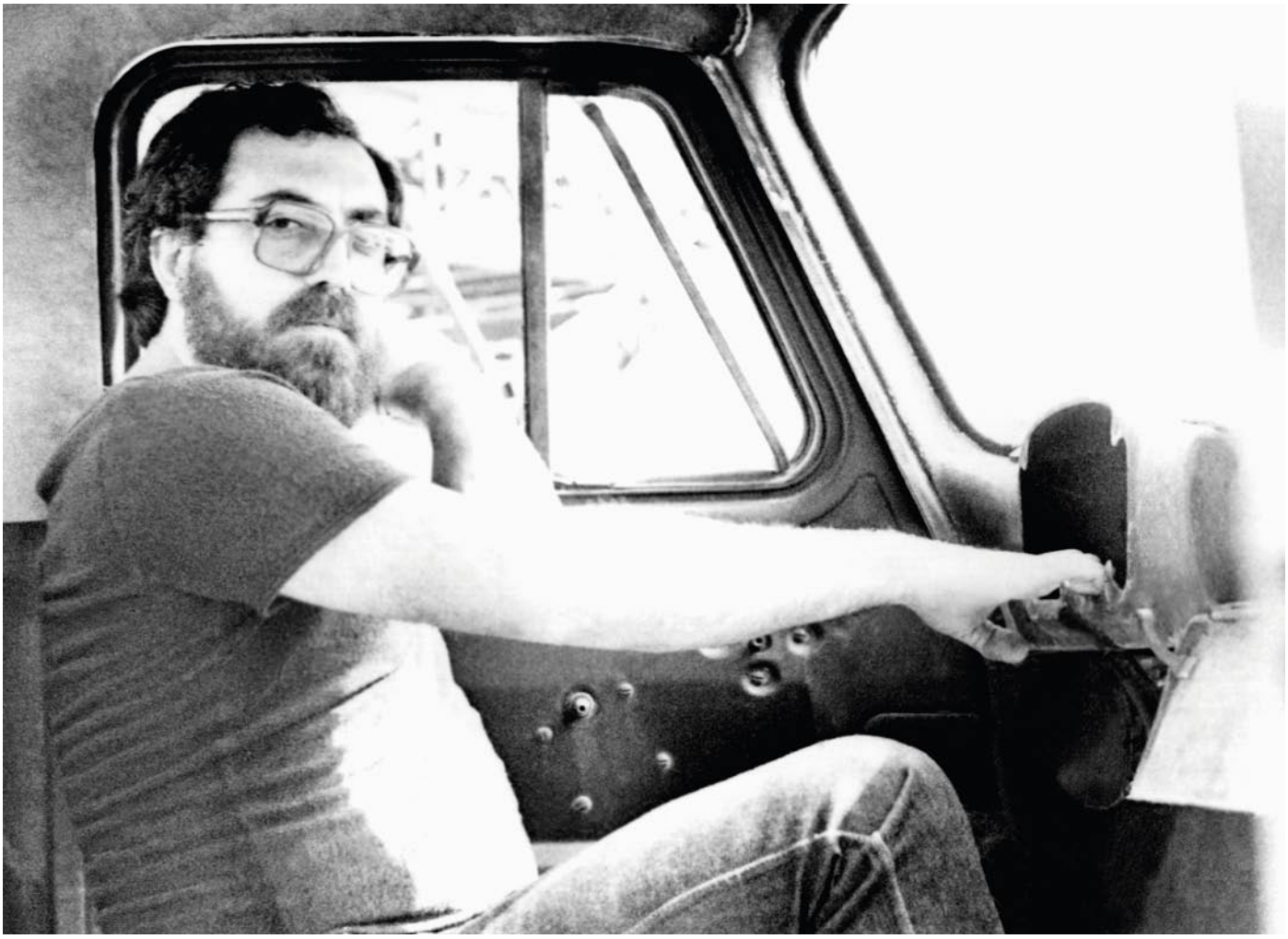
По камню, как по снегу

Исследователи петроглифов Армянского нагорья давно заметили, что эти рисунки, на которых изображены животные, люди и различные сюжеты, содержат также прототипы букв армянского алфавита. А теперь внимательно прочтем «Историю Армении» Мовсеса Хоренаци, тот фрагмент, где он описывает озарение Маштоца: «...И видит он не сон ночной и не видение наяву, но в бьющемся своем сердце открывшуюся очам души десницу, пишущую на камне. Камень же, подобно снегу, сохранял следы начертаний. И не только показалось это ему, но и во всех подробностях отложилось в уме Месропа, словно в каком-то сосуде...». Те, кто видел очертания армянских букв в армянских петроглифах, согласятся, что точнее и красивее сказать нельзя — по камню, как по снегу. Несомненно, что эти наскальные изображения были известны и во времена Маштоца, и он имел возможность их наблюдать воочию. Ему оставалось лишь обработать и систематизировать эту доисторическую графику согласно найденной 36-знаковой системе.

Сегодня мы говорим по-армянски, но не представляем себе ценность произносимых слов, не осознаем, какой секрет они в себе скрывают. Или во всяком случае — скрывали. Нам дано было знание — в виде слов, посредством алфавита. Возможно, весь словарный состав древнеармянского языка был ни чем иным, как базой данных, содержащей все необходимые для жизни и развития человека сведения. Но самый главный вопрос все же остается без ответа: кто дал нам эти знания? И почему именно нам? ■

ВИННЫЙ РЕСТОРАН НОЯН ТУН

Реклама



Роб

Роберт Саакянц был великолепным рассказчиком. А его истории были похожи на его фильмы (слово «мульт» он ненавидел) — такие же фантастические, яркие, сюрные. Там были герои и злодеи, непредсказуемые сюжетные повороты, юмор, доходивший до абсурда, и поучительные концовки. Гораздо труднее рассказать о нем самом, ибо невозможно объять необъятное. Саакянц — это история, у которой есть начало, но нет конца, как у дороги, ведущей за горизонт.

Текст **Артавазд Егиазарян** | Фото из архива **семьи Саакянц**

Голова Хендрикса

1975 год. Председатель Госкино Армении Геворк Айрян в компании своих коллег только что просмотрел мультфильм молодого режиссера Роберта Саакянца «Лисья книга». Средневековые басни Вардана Айгекци и Мхитара Гоша в безумно сюрреалистической упаковке художника Ованнеса Дилакяна, в комплекте с рок-музыкой Давида Азаряна и песнями в исполнении Э. Макарян, А. Абраамяна и С. Сейраняна. Нужно решать, выйдет ли картина в прокат. В шоке от увиденного Айрян повернулся к присутствующим и спросил: «Кто-нибудь понял, что только что произошло на экране?» Директор киностудии «Арменфильм» Карен Калантар честно признался: «Я дважды смотрел и ничего не понял. Но спросил у самих ребят, они говорят, что это гениально». Немного подумав, Айрян вынес вердикт: «Я в свое время не хотел принимать «Цвет граната», а потом оказалось, что это Параджанов. Сейчас не приму это, потом окажется, что опять ошибся, и опозорюсь на всю жизнь».

Идея снять фильм на основе средневековых басен возникла у Саакянца, когда пришло время делать первый авторский проект. Молодой режиссер уже собирался приступить к работе над «Лисьей книгой», когда недоброжелатели развернули против него целую кампанию и фактически отобрали сценарий. Но позже все другие кандидаты отказались от сценария — просто не понимали, как такое можно реализовать. И дирекция была вынуждена вновь обратиться к Саакянцу. Роб и его соавторы — художник Овик Дилакян и композитор Давид Азарян, — не питая особых иллюзий относительно будущего, решили эффектно попрощаться и громко хлопнуть дверью, создав ни много ни мало рок-оперу в анимации. Наворотили такого сюра, подвергли героев таким невообразимым метаморфозам, что татуировка в виде поющей головы Джимми Хендрикса на груди одного из героев басен смотрелась вполне естественно! В общем, смущение руководства Госкино можно было понять. Тем не менее «Лисья книга» была принята. И хотя до широкого проката картина так и не дошла, Саакянц стал одним из самых значимых авторов советской мультипликации, а сам фильм — первым воплощением уникального саакянцевского стиля, которому впоследствии стали подражать многие советские мультипликаторы. Несколько лет спустя после выхода «Лисьей книги» Александр Татарский скажет, что его легендарная «Пластилиновая ворона» не что иное, как «плагиат творчества Роба».

Национальная филь

← Роберт Саакянц с супругой Людмилой на «Арменфильме»

Истинный хиппи

Армянская мультипликация нашла своего самого яркого представителя, а Саакянц — работу и страсть на всю жизнь благодаря случаю. В конце 1960-х Валентин Подпомогов занимался восстановлением мультипликационной мастерской «Арменфильма», основанной Львом Атамановым в 1937-м. Юного Роба попросила попробовать силы в этом деле мама, увидевшая в газете объявление о наборе молодых художников. Она давно заметила талант сына к рисованию и творчеству вообще, хотя сам он себя в искусстве не представлял. Без особых претензий, так, для галочки, Роб пошел в студию. Когда ему дали задание нарисовать дома лошадь и вернуться через пару дней, тот ответил: «Лучше уж я прямо здесь нарисую, а то вы еще не поверите, что это я». Роб изобразил бегущего коня в разных позах, как это принято в анимации. Тогда и прозвучала ставшая позже знаменитой фраза: «Из этого хиппи получится великий мультипликатор».

Саакянц действительно был из так называемых советских хиппи. То есть носил длинные волосы и бороду, слушал почти запретную рок-музыку. Но при этом был против образа жизни западных хиппарей, которые принимали наркотики и всячески поощряли свободную любовь. Он вовремя возвращался домой, не убегал из семьи в сомнительные коммуны, работал и считал истинным хиппи именно себя, а не «детей цветов». Что же до мультипликации, то, получив добро у руководителей студии, Саакянц прошел стажировку в Москве и вернулся в Ереван, где

стал мультипликатором на «Арменфильме». Вскоре выдался случай для дебюта. Нужно было снимать фильм «Лилит» на основе армянской средневековой миниатюры и музыки Тиграна Мансуряна. Режиссер Ара Вауни, человек не особо ответственный, вжившийся в роль «богемного художника», к своим обязанностям так и не приступил, и через пять месяцев его уволили. Проект доверили Робу, который с заданием справился успешно. Кстати, «Лилит» стала первой совместной работой Роба и его жены Людмилы. В мультстудию Люля, как ее называл Роб, пришла вслед за мужем и проработала бок о бок с ним несколько десятилетий.

За «Лилит» последовали «Лисья книга» и еще более развивший почерк автора «Лис, который ничего не умел». Очередным громом среди ясного советского мультнеба стала сюрреалистическая музыкальная история по мотивам произведений Хачатура Абовяна «Охотники». Экранизация Абовяна имела такой же сногсшибательный эффект — Федор Хитрук назвал ее бомбой. Но и эта картина не добралась до широкого проката.

Интеллигентный авторитет

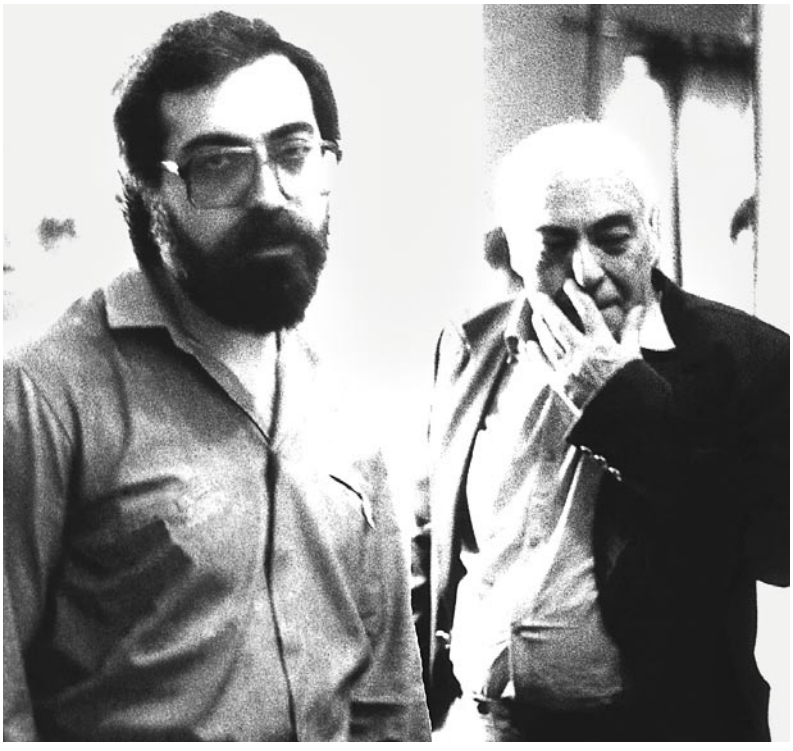
Постепенно сформировался костяк мультгруппы — Роберт Саакянц, Юра Мурадян (более известный как Юбик), Степан Галстян, Вова Маилян, Игорь Патрик, Алиса Курдиан. На «Арменфильме» это была команда белых ворон — они выглядели по-другому, вели себя не как все и снимали не всем понятные картины. В «Лисе, который ничего не умел» они умудрились даже написать свои имена на коробке с пластилином. Да и сам Саакянц практически в каждом фильме на втором плане оставлял автограф — то на стене дома, то на клочке газеты, то еще где-то неизменно появлялась надпись «Роб». Группу хиппарей во главе с Робом сильно зауважали после того, как они передрались чуть ли не со всеми работниками студии. Этим Саакянц безумно гордился, красочно рассказывая тем, кто не видел, как «Юбик с разворота махнул тому в рыло» и как он сам разбил кому-то нос. Кстати, Роб действительно был необычайно силен. В студии всегда лежала огромная штанга, с которой он частенько тренировался. А еще любил попозировать перед фотокамерами с несколькими друзьями на руках и плечах.

Вообще, работать кулаками там, где это необходимо, Роб очень любил. И неважно где и с кем, если нужно восстановить справедливость или кого-то проучить. Он гордился тем, что не был типичным интеллигентом в очках. Как-то, когда семья Саакянц переехала на новое место, его дочь Нану и ее подругу побил какой-то местный алкаш. Пока все соседи думали, как бы замять вопрос, а то отец подруги, рабочий крупного телосложения, просто убьет обидчика, с работы вернулся Роб — по мнению жителей двора, добренький очкастый интеллигент, рисующий мультики. Узнав о случившемся, он нагрянул к алкашу и спустил того по лестнице с четвертого этажа. «С тех пор в нашем дворе интеллигенцию зауважали, — с улыбкой вспоминает Нана. — А он безумно гордился этой историей».

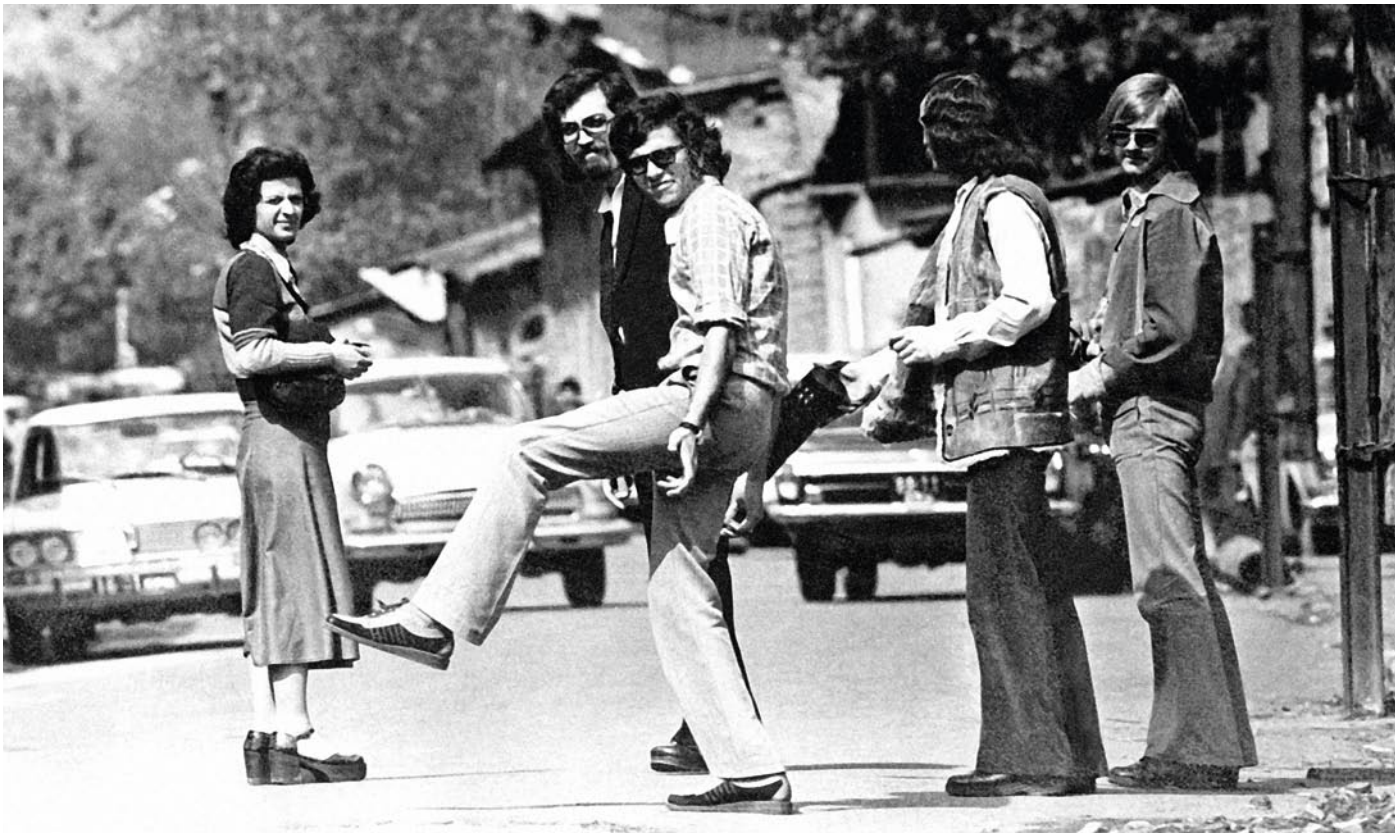
А чего стоит случай, когда нахамившего его сыну Давиду московского милиционера знаменитый мультипликатор взял за шкирку, буквально отнес в участок и, вернув начальству это «добро», посоветовал научить слугу закона этике! В другой раз в Москве Роб избил целую команду по какому-то боевому виду спорта за то, что те дерзнули выругаться в присутствии дамы. После того, как словами их утихомирить не удалось, Саакянц обстоятельно указал им на ошибки при помощи уличной скамейки.

Это было одним из проявлений подросткового максимализма, который он сохранил до конца жизни. Он вообще был ребячлив — мог встретить детей из школы на четвереньках с ножом в зубах или засунуть голову в железную

↓
Коллеги по цеху — Роб Саакянц и Федор Хитрук



Национальная фильмотека Армении



↑
Саакянц с коллегами из мультгруппы

→
Персонажи фильма «Урок»

хлебницу и, пользуясь прекрасной акустикой, громко, на весь дом петь оперные арии.

Испорченный Назар

Трудности сопровождали его в работе всегда. Даже после триумфа «Лисьей книги». Однажды, после просмотра уморительнейшего «Кикоса» — экранизации знаменитой Туманяновской сказки — тогдашний председатель Госкино Армении Рафаэль Самсонов вызвал к себе Роба и сказал, что у того нет ни капли чувства юмора и что надо бы ему передохнуть. Фактически это был запрет на режиссерскую деятельность. Но сразу после этого вдруг пришла новость: Гостелерадио предлагает Армении, в числе других союзных республик, снять мультипликационные фильмы для цикла национальных сказок народов СССР. Последующие пять картин по мотивам армянских сказок были созданы в рамках этого цикла. Первым вышел «Храбрый Назар». Теперь на Роба набросились за то, что он «испортил великое творение великого Туманяна». И даже томик с биографией писателя, где говорилось о том, что когда-то самого Туманяна гнобили за «испорченную народную сказку», который Саакянц цитировал своим недоброжелателям, не

«Предназначение мужчины — отогнать саблезубого тигра, накормить семью, что-то создать и при этом уметь дубиной зашибить врага»

помогал. Момент, когда Роб решит уйти из «Арменфильма» и начнет новый путь в собственной студии, настанет через несколько лет.

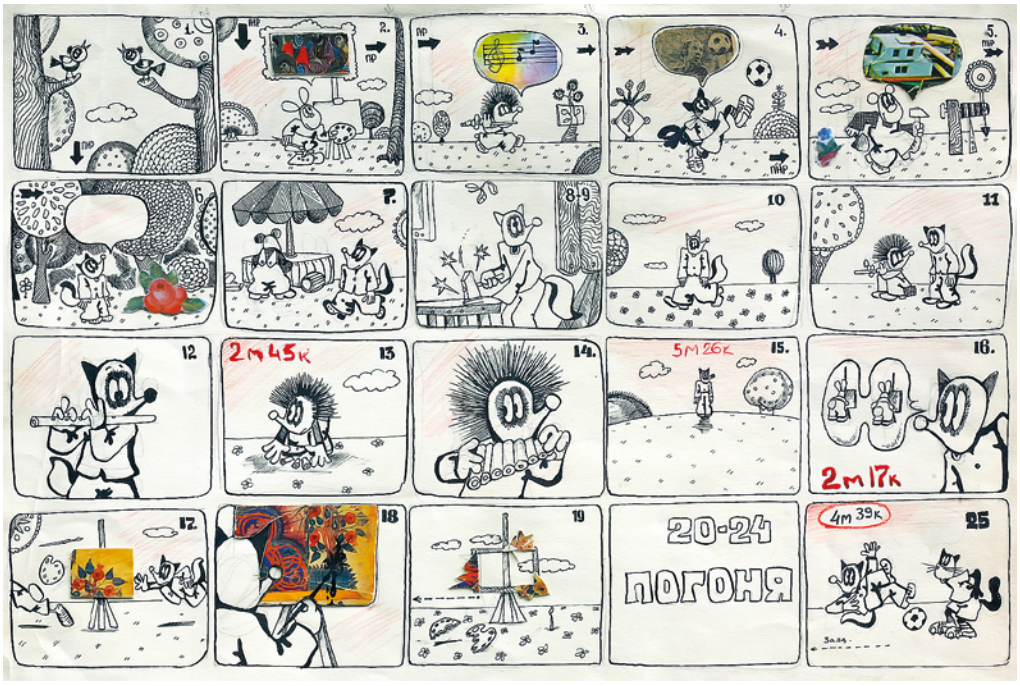
Центрфорвард

Для поднятия командного духа мультгруппа постоянно участвовала в футбольных матчах против коллег из союзных республик. Делалось это так. После очередной сдачи фильма на режиссерский гонорар набиралась целая команда со своими болельщиками и выезжала на бой с противником. Киевский мультипликатор Давид Черкасский, автор знаменитых «Приключений капитана Врунгеля», вспоминал о встрече с Саакянцем после премьеры «Лисьей книги» в Киеве: «Мы с ним тогда вышли погулять по Киеву, и Роб стал пинать перед собой какую-то железяку. Вот я и предложил: «Раз ты у нас футболист, то собери команду, приезжайте — поиграем». И Роб на полном серьезе привез с собой из Еревана целую команду! Мы, понимаешь, вышли мячик попинать, а они — хлопцы, в именных футболках, чуть ли не профессионалы! В общем, унизили они нас». Однажды на дуэль была вызвана прибывшая в Ереван на Рождество группа британских аниматоров. Играли прямо на снегу. В команде, получившей поэтичное название «Очей очарование», Роб, естественно, был центрфорвардом и главным стратегом. Годы спустя, когда из жизни неожиданно ушел его близкий друг и многолетний соратник Юбик Мурадян, Саакянц возложил на его могилу венок с логотипом команды.

Сон в зимнюю ночь

После развала Союза большинство коллег Саакянца осталось не у дел. А в Армении вообще несколько лет не было ни света, ни тепла, ни каких-либо условий для творчества. Но разве отсутствие электричества и т. п. могло помешать ему работать? Он находил спонсоров, брал заказы, обеспечивал работой всю группу. Занимательная история случилась с проектом Би-би-си — альманахом из 6 анимационных фильмов по произведениям Шекспира. Робу предложили экранизировать «Сон в летнюю ночь». Первым его условием было: для работы над тридцатиминутным фильмом он едет в Москву не один, а со всей мультгруппой, даже если придется заплатить за это собственным гонораром. Несмотря на все отказы Би-би-си, он заявлял, что не собирается один сидеть в тепле, пока его коллеги голодают. В результате почти полгода команда из 15—20 человек в нормальных условиях работала в Москве. Тем, кого забрать не удалось, Роб все это время посылал деньги. Более того, он даже добился, чтобы вся его группа присутствовала на банкете, посвященном презентации альманаха, на который были приглашены только режиссеры. Результатом оказались довольны все — Саакянцу вручили почетную грамоту от принца Чарльза. А на следующий день после возвращения в Ереван он пешком пошел на край города за соляркой. Кста-

↓ Раскадровка фильма «Лис, который ничего не умел»



↑
Саакянц любил поднимать
не только штангу, но и друзей

↓
Раскадровка фильма
«Охотники»

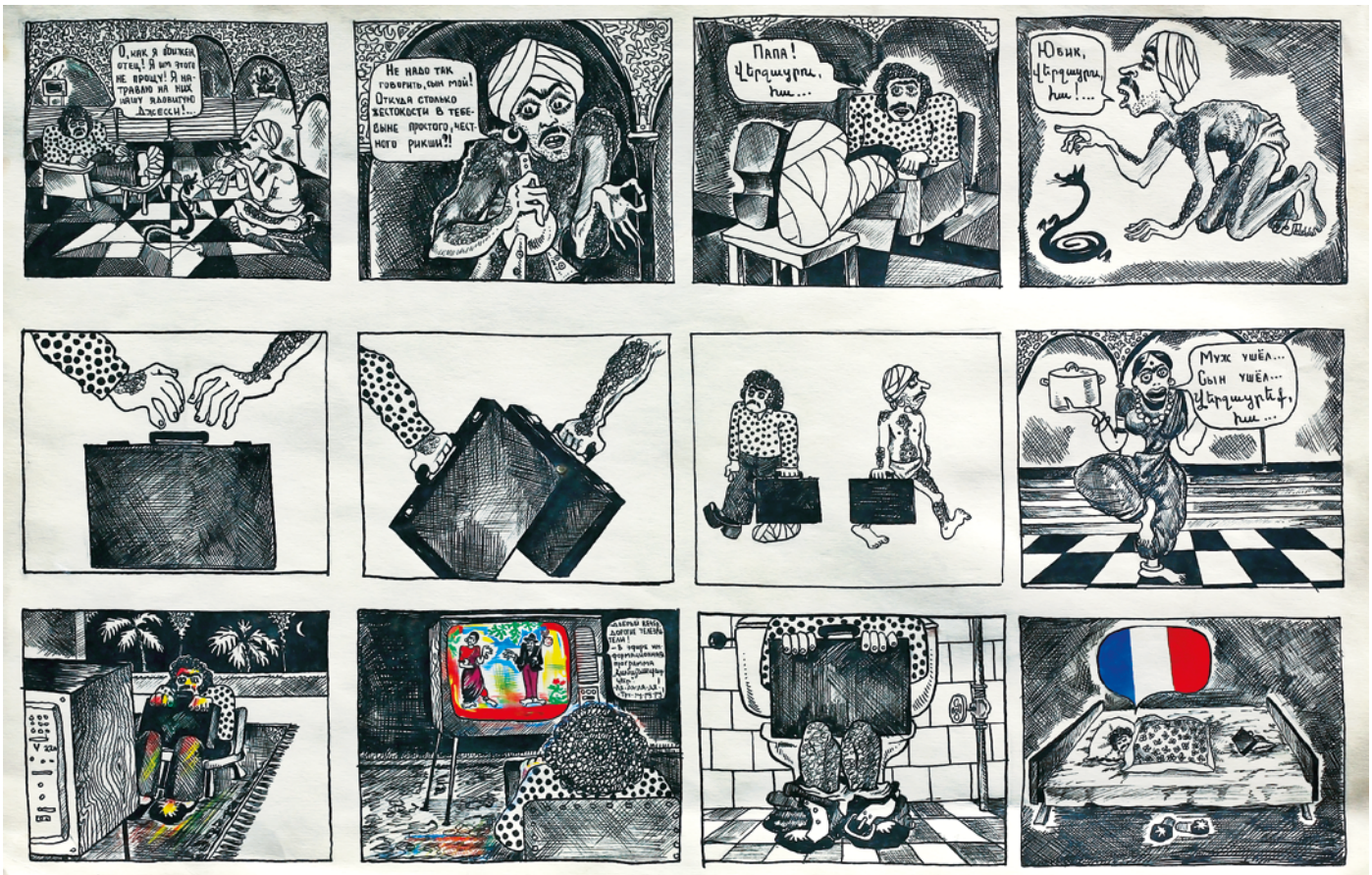
«Я не знаю другой страны, где бы мультипликатора узнавали все прохожие на улице. Здесь трудно, но мне нужна моя страна»

ти, за все темные и холодные годы 1990-х в доме Саакянцев ни разу не появился мрачный атрибут ереванских домов тех лет — печка. Просто из принципа. А первую «Фуджику» семье подарил Рубен Ахвердян, для которого Роб снял мультфильм на песню «Президентские выборы» — один из самых жестких в его фильмографии, ставший отражением всего мракобесия, творившегося в стране в 1990-е.

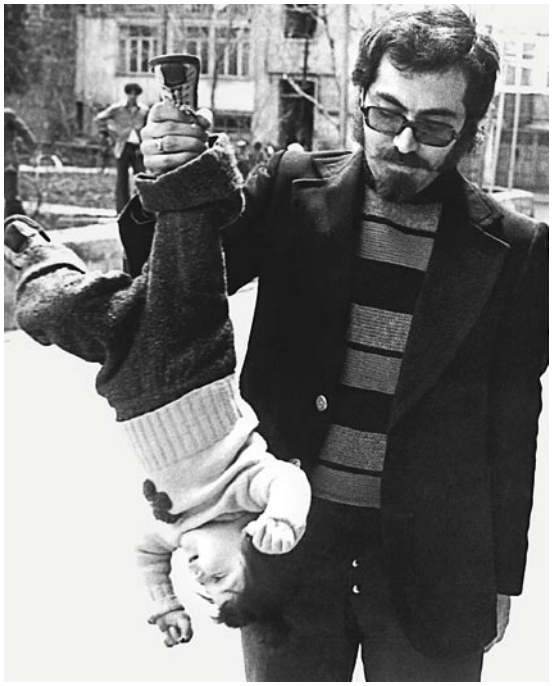
Гений

Однажды на самом престижном международном анимационном фестивале во французском Аннеси Роб стоял у фестивального дворца со своими коллегами — Юрием Норштейном, Эдуардом Назаровым, Прийтом Пярном, Валерием Угаровым, — как вдруг на балконе показался один из создателей легендарной битловской «Желтой подводной лодки». Семейное предание гласит, что это был то ли режиссер Джордж Даннинг, то ли художник Хайнц Эдельманн. Как бы там ни было, уже через минуту этот человек, настоящая икона для советских аниматоров, со словами «Маэстро! Маэстро!» жал руку Саакянца. ▸

Роб находил время для создания шуточных комиксов, где персонажами были члены мультгруппы



→
С сыном
Давидом



Роб и сам знал себе цену. Когда в Армению приехал Уильям Сароян, в его культурную программу входило посещение «Арменфильма». В киностудии специально для высокого гостя показали какой-то фильм. Через некоторое время заскучавший Сароян решил незаметно уйти с просмотра. Дабы чем-то заинтересовать великого писателя, решили показать ему «Лисью книгу». Картина закончилась, и собравшиеся удивленно посмотрели на Сарояна, который, вскочив, зааплодировал и крикнул: «Что же вы мне сразу это не показали?!» Кто-то из свидетелей этой сцены сразу побежал в мультстудию, чтобы рассказать о случившемся Саакянцу. Тот выслушал, не отрываясь от работы, и спокойно произнес: «Значит, нормальный человек». Роб вообще мог без ложной скромности называть себя гением. Но это нисколько не мешало ему всю жизнь восхищаться творчеством своих коллег. И, конечно, у него были кумиры. Например, он, как однажды высказался Юрий Норштейн, «боготворил Хитрука, как Орлеанская дева дофина». Но это не помешало ему на одном из всесоюзных фестивалей, будучи членом жюри, выступить против решения своих коллег, которые собирались вручить Гран-при Федору Хитруку по случаю юбилея. Саакянц настоял, чтобы жюри отметило работу тогда еще не многим известного эстонского аниматора Прийта Пярна. И добился своего.

От мира сего

Анимационные ленты Саакянца конца 1980-х — начала 1990-х были злободневны и жестки, многие — политизированы. Он говорил то, что думал, часто то, что было на уме у многих. А свои фильмы он считал «мыслями в картинках»: «В отличие от писателя, я могу подкрепить свои мысли изображением». Одна из таких мыслей — восьмиминутная анимационная лента-памфлет «Кнопка», вышедшая в 1989-м, в разгар Карабахского движения. Члены Комитета «Карабах» находились в тюрьме, в Ереване стояли советские войска. Несмотря на всю опасность, Саакянц все же решился на показ. Премьера была в Доме кино. Позже он вспоминал: «После сеанса собравшиеся минут 10—15 аплодировали, выкрикивая при этом ругательства в адрес правительства. Эту народную волну я бы не променял ни на какие овации любого фестиваля в мире».

↓
Саакянц с семьей
и ассистенткой
Аревик Аршакуни

К нему, а вернее, к его фильмам, прислушивались массы — один саакянцевский мульт мог решить исход президентской гонки. «В чем я уверен, в том я агрессивен», любил говорить Роб. Он просто не верил в «неотмирасегойность» художника. Однажды, после его очередного выступления по телевидению с непопулярным взглядом на национальные проблемы, в телекомпанию стали приходить письма и звонки с угрозами. Что характерно, угрожали не ему, а телекомпании. У кого бы поднялась рука на Роба?..

Он ушел неожиданно, вдруг. Слишком просто и обыденно. И мир сразу изменился. Это как однажды утром, подойдя к окну, не обнаружить на своем месте Арарата. Не стало вершины. Рухнула гора. Учитывая его комплекцию, — почти в прямом смысле. Пыль еще не осела, и пока неизвестно, что будет там, на горизонте, после него. Осталась лишь тоскливая пустота и выплывающее откуда-то из подсознания желание вновь находить на втором плане жизни короткую и емкую надпись — «Роб». ■

ИЗ ОГНЯ и металла

За работой Ара Алекян больше похож на автослесаря, нежели на художника. Но суть не в этом, а в том, что он создает неповторимые произведения — гротескные, неожиданные, порой фантастичные, подчас вызывающие горячие споры, но никогда — обыкновенные. Алекян творит из огня и металла. Впрочем, во всей Вселенной с помощью огня из ничего рождается нечто. Ведь, как говорит Ара, огонь — это квинтэссенция энергии.

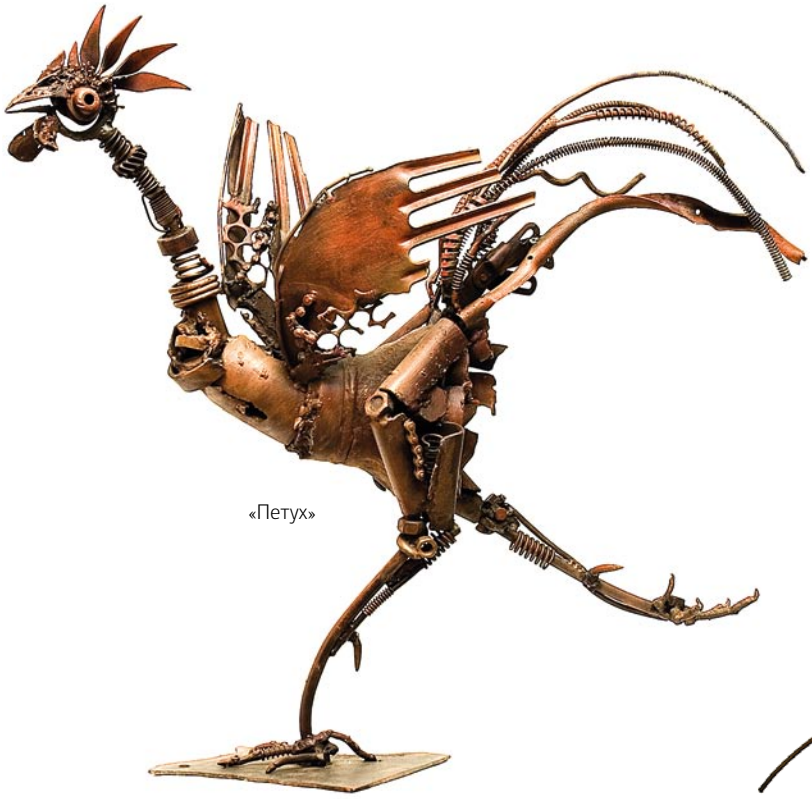
Текст **Рубен Гюльмисарян** | Фото **Сурен Манвелян, из архива Ара Алекяна**

Городок Веди в трех десятках километров от Еревана смотрит на Арарат анфас — кажется, сорвись со склона горы круглый камень, он так беспрепятственно и докатится к въезду в город. С шоссе виден весь Веди, уютно прикорнувший пригоршней домов в ложбине между холмами. Однако на самом большом магазине города написано «Супермаркет», и есть здесь целых три школы. Одна из них превратилась в колледж, а рядом с его отремонтированным белым зданием притулился старенький зал для занятий физкультурой. Именно там и находится мастерская скульптора Ара Алекяна. Он так и сказал — въезжайте в Веди и спросите у местных о мастерской, и если не первый, так второй встречный обязательно вам ее покажет.

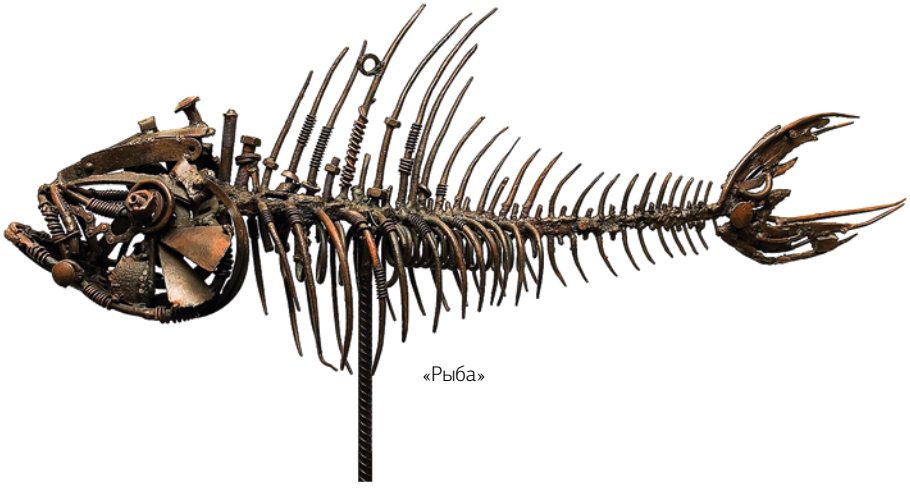
В отличие от новенького колледжа, физкультурный зал не ремонтировался никогда. Но в данном случае это даже к лучшему. Железки, батареи парового отопления — целые и фрагменты. Ободья колес, куски арматуры, металлических листов и пластин, части автомобильных кузовов, амортизаторы от «КамАЗа» и рессоры от чего-то еще более чудовищного. Детали сельскохозяйственной техники, болванки, старый сейф, обрезки труб, гвозди, шурупы, гайки, плашки и неисчислимое количество прочей мелочи. Все навалено вперемешку не только в бывшем спортзале, но и в раздевалках. Среди этой металлической феерии одиноко стоит древний деревянный шкаф, весь залепленный фотографиями осликов, зебр и лошадей. Именно из этого лома и создает свои уникальные произведения Ара. Традиционной скульптурой он занимается, только при наличии определенного заказа, а так — его инструменты отнюдь не резец, скребок и стек (что там есть еще?), а болгарка и сварочный аппарат. Безнадежно индустриальные звуки, доносящиеся из его мастерской, никак не навевают мыслей о прекрасном, тем не менее оглядите площадь Азнавура у кинотеатра «Москва» в центре Еревана — вот они, работы Алекяна.

Детали сельскохозяйственной техники, болванки, старый сейф, обрезки труб, гвозди, гайки, плашки и неисчислимое количество прочей мелочи. Именно из этого лома и создает свои уникальные произведения Ара

↓ Ара Алекян за работой в своей мастерской



«Петух»



«Рыба»

Из серии «Насекомые»

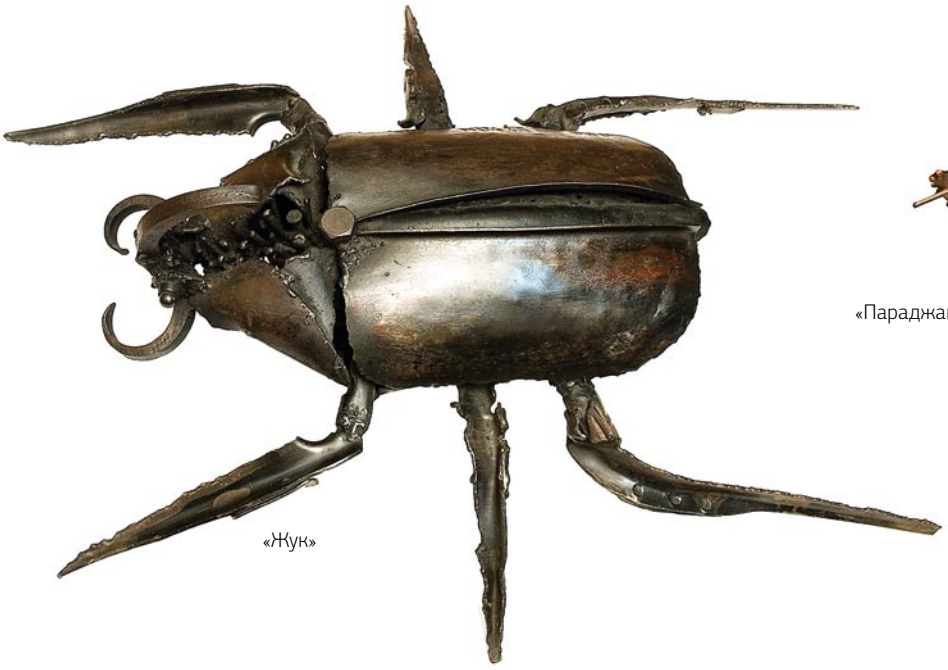
Студент

«Руководителем нашего курса в Художественно-театральном институте был скульптор Ара Арутюнян, он-то и натолкнул меня на такое открытие. Я уже оканчивал институт, и мы беспрестанно ваяли. Когда готовишься создать скульптуру средних размеров, то сначала мастеришь каркас из проволоки. Так вот, Арутюняну очень нравились эти самые каркасы в моем исполнении. Я их делал легко и аккуратно, они получались какими-то летящими, что ли. Я прикреплял к каркасу немного пластилина, долженствующего обозначить абрис будущей скульптуры, а Арутюнян говорил, что, мол, все, хватит лепить, так очень хорошо получилось. Так эти полуфабрикаты и пролежали до лета, а в жару пластилин растаял. Арутюнян вначале намеревался поручить мне продолжить эти заготовки в бронзе, но это оказалось неподъемно дорого, и я недолго думая просто приварил части каркаса друг к другу. Потом вооружился катанкой — сначала сделал из нее танцовщицу, а потом рыбу. Дальше были скорпион и король с королевой. Тут я обнаружил, что по уши завяз в этом металлическом мире и, что самое интересное, выходить из него не имею ни малейшего желания. Этот мир оказался удивительно красив. Я без него уже не могу, это моя жизнь. И очень часто работаю параллельно над несколькими скульптурами. Мне такие сеансы одновременной игры доставляют огромное удовольствие. Терпеть не могу, когда мастерская сиротливо пуста». ▸

Процесс

«Обожаю делать что-то, чего никто не ожидает. Вот в 2004 году я превратил презентацию скульптуры лошади в своеобразное представление — обернул лошадь советскими газетами и поджег. Это была моя первая акция. Идея заключалась в том, чтобы предать сожжению старую идеологию и декларировать появление новой страны. Именно Армению и символизировала моя лошадь, я ее назвал «Лошадь независимости». А через год я сделал вторую свою лошадь. Процесс ее создания стал документальным фильмом, который снял режиссер Сурен Григорян. Эта лента участвовала в благотворительном конкурсе конных скульптур во Франции и удостоилась Гран-при, а потом и приза на нашем «Золотом абрикосе».

Вообще, очень люблю лошадей. Да вот, видите, я сейчас работаю над головой лошади, творю, если можно так выразиться, «лошадиный бюст». Вся работа займет дней 20—25, от силы месяц. Можно было бы и пораньше закончить, но много времени уходит на поездки из Еревана в Веди, ведь в столице у меня мастерской нет. Я часами копаюсь на железной свалке — в Ере-



«Жук»

«Параджанов»

«Корова»

↑
«Медведь»

ване есть пункт приема металлолома, где мне разрешают брать все, что я захочу, причем бесплатно. Они предлагают работать прямо у них, но там места маловато, а мне нужен простор. В общем, собираю, что мне нужно, и перевожу сюда, в Веди, сваливаю тут. Все должно быть под рукой. А то, бывает, понравилась мне деталь, а приткнуть ее сей момент некуда, так я оставляю ее до лучших времен, пока она не придется впору какой-нибудь скульптуре. Зимой в этом спортзале холодновато, он не отапливается, но я одеваюсь потеплее и... Да и скажите, кто это мерз, орудуя болгаркой и сварочным аппаратом?! Иногда случается и так, что найденная в куче лома деталь сама подсказывает что-то важное. Так произошло, когда я работал над медведем. Сначала я отказался от заказа, поскольку медведя на тот момент не видел, не чувствовал. Прошло много времени, и, копаясь в этом хламе, я нашел деталь, подходящую для медвежьей лапы. И пошло-поехало. Теперь этот мишка в компании с двумя лошадьми и быком стоит на одной из брюссельских улиц. Кстати, одна из этих коняг попала в список топ-200 лучших скульптурных работ бельгийской столицы. Немного похвастаюсь, ведь каталог, в который включили и мою лошадь, охватывает работы скульпторов разных периодов, и я там стою рядом с Бурделем и Майолем!» ▸

Случается и так, что найденная в куче лома деталь сама подсказывает что-то важное. Так произошло, когда я работал над медведем. Я нашел деталь, подходящую для медвежьей лапы. И пошло-поехало

Размышления

«Все мои скульптуры, сами понимаете, уникальны — можно сделать точную копию любой, так сказать, традиционной скульптуры, а здесь не получится. Какой-то кусочек металла обязательно будет отличаться от своего прототипа, и о точности копии уже говорить не придется. Тем не менее происходят очень неприятные вещи — например, на севанском шоссе продают изваяния, похожие на мои, очень дешево. Так что моя идея давно украдена. А потом некоторые люди, спрашивающие цену моих работ, удивляются, почему так дорого. Я таким советую покупать по дороге на Севан. Впрочем, раз крадут, значит, я этого достоин...

Все мои скульптуры уникальны — можно сделать точную копию любой, так сказать, традиционной скульптуры, а здесь не получится. Какой-то кусочек металла обязательно будет отличаться от своего прототипа

Совсем недавно получил звание заслуженного художника, правда, мастерской не дали. А вообще-то, самое главное — здоровье. Здесь ведь много пыли, в основном металлической, стружки, опилки — металл же надо очищать... В июне 2012 года собираюсь на выставку в Италию — пригласили меня и художницу Тени Варданян. Фокус в том, что они там хотят видеть

↓ «Бык»

«Портрет Параджанова»

Из серии «Насекомые»

Из серии «Насекомые»

«Паук»

работу среднего размера. Так еще и это надо уточнять: то, что я привык считать скульптурой средних размеров, для них может оказаться огромным! Ну, монументалист я, что ж ты поделаешь... Во мне этот самый монументализм сидит с рождения. Причем я создаю большие работы без эскизов и предварительной подготовки, даже из бронзы.

Образование может и помешать — начинаешь чувствовать себя профессионалом. Умеешь рисовать глаз и ухо и думаешь — достиг всех высот. А те скульпторы, которых я люблю — Арташес Овсепян, автор памятника Таманяну Ара Арутюнян, мой учитель, и, конечно, Кочар (Кочар!), — умели мыслить отвлеченно.

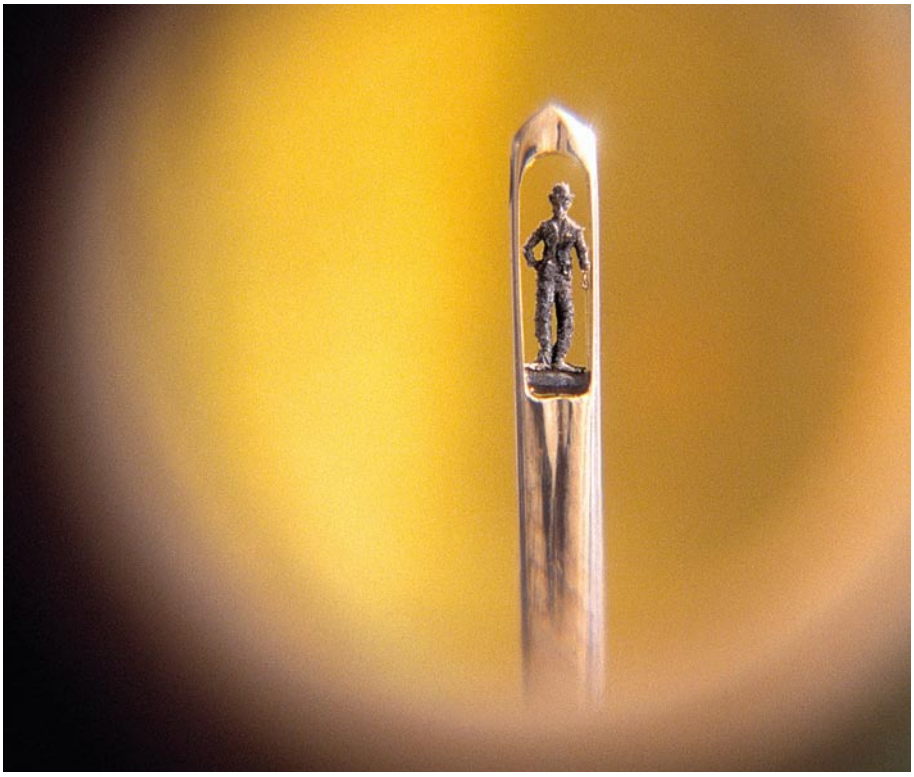
Вообще, нам в Ереване недостает живых скульптур. Полно известных людей на конях — эти памятники прекрасны, слов нет, только вот мало таких, как «Игрок в нарды», с которым так и хочется скатать партию, как герои фильма «Мужчины» Давида Минасяна рядом с «Козырьком». Вот я делал памятник Вазгену Саркисяну для города Арарат. Они там хотели поднять его на постамент, а я обошелся без всяких пьедесталов. Он просто стоит на улице, и любой ребенок может подержать его за руку... Или вот одна из самых любимых моих работ — железный Параджанов. Я прикрепил к голове режиссера такую специальную ручку — чтобы люди, крутанув ее, слышали характерный звук старой кинокамеры. Я имел в виду, что, крутя ручку, ты напрямую общаешься с ним, с Мастером, и с его давно прошедшим временем. Ты смотришь ретроспективу старых фильмов о жизни, в том числе и своей собственной. Голову Параджанова я прикрепил к штативу, это как камера, только она записывает не через объектив. Жизнь видят глаза художника». ■

между двумя ударами сердца

Есть просто чудеса, и есть чудеса необыкновенные. Произведения Эдуарда Казаряна — чудеса, сотворенные человеческими руками. Его руками. Самого мастера уже нет с нами, но чудо — оно ведь вечно.

Записала **Анна Лоренц** | Фото **из архива Эдуарда Казаряна**

Арнос Мартиросян



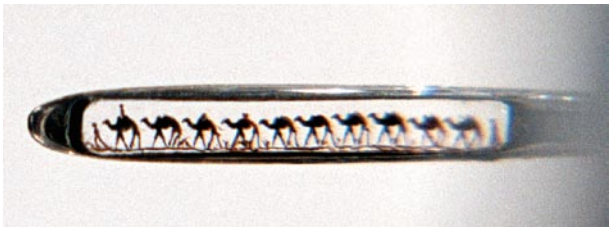
Скрипка и немного нервно

В моем детстве пластилина не было. Зато в детском саду иногда раздавали куски глины. Как я любил лепить из них фигурки! А еще мне нравилось рисовать разноцветными карандашами. Руководство садика даже устроило выставку моих работ. Было мне тогда три года. Талантливый мальчик, решили. Но в чем конкретно он талантлив, разбираться не стали и... отдали в музыкальную школу им. Спендиарова. Причем поступил я туда по блату. Тогда музыкальное образование детей считалось необходимой составляющей джентльменского набора уважающей себя семьи. А мой отец занимал высокие посты в республике, что, конечно, обязывало. Я обожал собирать конструкторы, а меня били

↑ Фигурка Чарли Чаплина в игольном ушке

← Зоопарк в человеческом волосе

по рукам, заставляя держать смычок. Так я стал скрипачом. И уже в 16 лет начал работать замконцертмейстера Симфонического оркестра Ереванского театра оперы и балета. Впрочем, занятия музыкой никогда не мешали мне переводить весь школьный мел на изготовление маленьких фигурок. Тогда еще не очень маленьких. Первые свои микроминиатюры я создал в 1939 году.



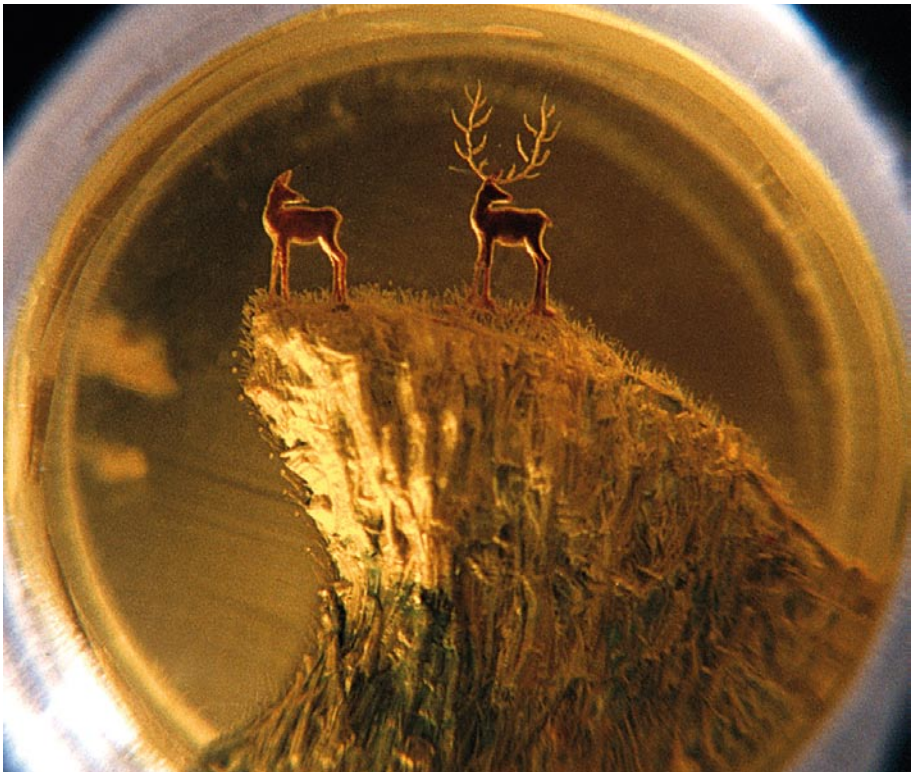
← Караван верблюдов в игольном ушке

↓ Фигурка балерины из нержавеющей стали, закрепленная на конце человеческого волоса

Инструмент для талантливого комара

Скрипка моего педагога звучала куда лучше моей. Это меня злило, и я решил сделать инструмент своими руками. Для начала сломал свою скрипку, чтобы посмотреть, что там внутри, потом взял пенек для разделывания мяса и начал его обрабатывать. Но и эта скрипка звучала плохо. Словом, упорствовал до тех пор, пока меня не послали в Москву учиться на мастера по изготовлению скрипок. Так уже в то время я научился создавать вполне приличные инструменты. Четырехлетняя дочь одного из наших дирижеров была вундеркиндом. Профессор Сараджев порекомендовал как можно быстрее начать обучать ее музыке. Отдали ребенка на скрипку, а инструмент-то самый маленький рассчитан на семилетнего! Ну и попросили меня изготовить маленькую скрипку. Звучание ее всем очень понравилось, а меня так расхвалили, что я решил удивить их еще больше —

→
Олени из пылинок драгоценных камней



следующая скрипка была со спичечный коробок. Оттуда все и пошло. Инструменты становились все меньше и меньше. Вплоть до нескольких копий скрипок Страдивари, размещенных внутри человеческого волоса. И сделана каждая, как и полагается, из 56 деталей... Меня как-то спросили, можно ли на этих скрипках играть. «Конечно, — говорю, — если найти достаточно талантливого комара». Самая маленькая скрипка, на которой играю я, размером в 7 мм. Узнав о ней, маэстро Оган Дурян пришел к нам домой, посмотрел, удивился, мол, на этой скрипке играть невозможно! Пришлось устроить показательное выступление для него и всего Симфонического оркестра радио и телевидения. «Я подойду поближе и все проверю!» — крикнул он из зала и поднялся на сцену. Вгляделся и воскликнул: «Боже! Он играет кончиком одного пальца!» ▸

Я написал заявление на четвертинке рисинки. Демирчян прочитал его через лупу, улыбнулся и сказал: «Жаль только, подписать не могу. Напиши по-человечески, на бумаге».

↓
Караван верблюдов из золотых пылинок. Ноги верблюдов в сотни раз тоньше человеческого волоса

→
Хачкар из сердолика, высота — 2 мм

Без права на ошибку

Но все время делать одни скрипки — это так скучно! И я ушел в свободное плавание. Появились новые работы: караван верблюдов в игольном ушке, танцующие в человеческом волосе девушки, Чарли Чаплин в ушке иглы... Сначала приходится придумывать и изготавливать тончайшие инструменты для работы, а потом только приступать к самим произведениям. Работаю, конечно, под микроскопом. Причем практически каждая линия должна быть сделана в одно прикосновение, ведь второй раз в ту же точку попасть просто нереально. А чтобы линии были четкие, без смазов, наносить их нужно между двумя ударами сердца.

←
Крест из человеческого волоса с фигурой распятого Иисуса Христа, сделанной из слоновой кости

Заявление, которое невозможно подписать

По сей день храню длиннющий список моих работ, которые Хрущев или Брежнев раздарили лидерам разных стран. Иногда я использовал свои умения для решения личных вопросов. Скажем, мне нужна была квартира. Пришел на прием к тогдашнему Первому секретарю ЦК Армении Карену Демирчяну. Говорю, помочь можете? Напиши, отвечает, заявление. Я: уже написал, на столе у вас лежит. Ищет, ничего там нет. Удивляется. Показываю на маленький предмет. (Заявление-то я на четвертинке рисинки написал!) Прочитал он его через лупу, улыбнулся и сказал: «Жаль только, подписать не могу. Напиши по-человечески, на бумаге». Словом, квартиру я получил, а то заявление теперь в Музее Демирчяна хранится.

Призраки оперы

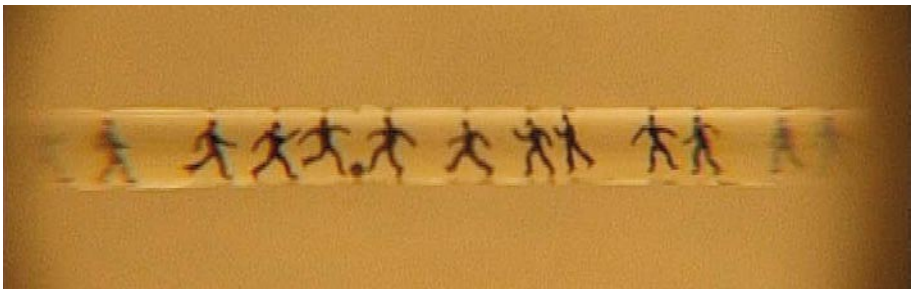
Как-то лет пятьдесят назад меня попросили сделать микроскопическое здание Оперного театра для Музея истории Еревана, что тогда располагался в Голубой мечети. Как раз тогда в Москве мне подарили осколок найденного где-то в Сибири зуба мамонта. Эмаль крепкая, коричневого цвета.

Досье

Эдуард Казарян — основоположник искусства микроминиатюры, мастер по изготовлению смычковых инструментов, экс-концертмейстер Симфонического оркестра Армении. Заслуженный деятель искусств РА, лауреат VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве (1957 г). В течение одного лишь 1983 года 9 работ Казаряна были занесены в российскую Книгу рекордов «Диво». Всего мастер создал более 1000 работ; некоторые из них можно рассмотреть только при тысячекратном оптическом увеличении. Свои художественные композиции Казарян создает на сахарных песчинках, использует человеческий и конский волос, в том числе и их продольные срезы, пылинки злаков, драгоценных металлов и камней.

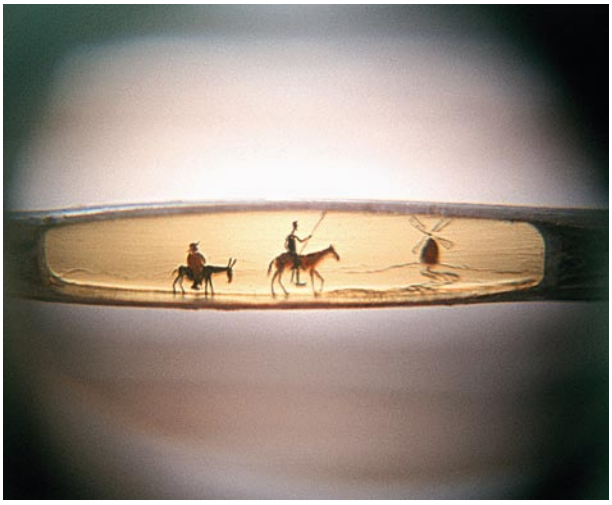
Словом, из него здание Оперы и изготовил, закрепил на кончике иголки, поместил под увеличительное стекло и передал музею. И вдруг звонит мне взволнованный директор и сообщает, что раз в неделю работники музея наблюдают странную картину: по лестницам в Оперу идут зрители. Директор утверждал, что сам он даже разглядел часы на руке одного из меломанов. Боже, думаю, памятники во дворе Оперы делал, афиши делал, а вот зрителей — нет! Словом, договорились: как только народ станет подниматься по лестницам, меня срочно вызовут разбираться, откуда он, собственно, взялся. Спустя пару дней звонят. Мчусь в музей. Смотрю, друг за дружкой по лестнице поднимаются люди и исчезают в дверях. Ну, думаю, массовая галлюцинация. Обратились к специалистам. Оказалось, от сырости в эмали мамонтова зуба образовались микробы. Их-то, многократно увеличенных, мы все и приняли за зрителей! И совсем не за духовной пищей они шли в Оперу. А за обеды эти платить мне! Ведь, если они Оперу съедят, мне придется вернуть гонорар. Срочно сделал новую Оперу из менее съедобного материала. А картинка с забавными движущимися человечками так мне понравилась, что я решил: буду делать движущиеся микроминиатюры.

Ученые говорят, что мои движущиеся работы противоречат законам гравитации. Наверное, поэтому один из учеников Эйнштейна назвал моих подкованных блох восьмым чудом света.



↑ Фигурки футболистов из пылинок драгоценных камней в человеческом волосе

→ Дон Кихот и Санчо Панса из пылинок драгоценных камней в игольном ушке



↓ Дэвид Копперфильд в игольном ушке. Движущаяся фигурка

И все-таки они двигаются

Решить просто. А на деле... Эдисон поставил 3 тысячи экспериментов. Я — 20 тысяч, пока мой Чарли поднял ногу, потом руку. Потом стал танцевать. Дальше было уже проще. Скажем, в миниатюре «Гулливер» много подвижных образов. Гулливер качает головой; лилипут, заключенный в клетку из человеческого волоса, подпрыгивает, хочет убежать, а его брат стоит на руке гиганта и размахивает мечом, мол, разрублю! Эти работы изучали ученые. Говорят, они противоречат законам гравитации. Наверное, поэтому один из учеников Эйнштейна назвал моих подкованных блох восьмым чудом света. А академик Александр Капица сказал, что наука непременно найдет объяснение этому явлению. Но не сейчас.

Обыкновенное чудо

О моих работах очень часто говорят: «Это чудо!» Я изучал устройство пчелы. Как это гениально! Просто и гениально. Как и все, что мы видим вокруг. Как и мы сами. Мне за восемьдесят. Но в прошлом году я был куда старее, чем в этом. Даже брошюру написал о том, как продлить жизнь. Поначалу я был уверен, что человек может прожить триста лет. Потом, изучив массу медицинских книг, понял: нет, он может жить вечно. Человек — самый совершенный инструмент, продуманный до мельчайших деталей. Только вот мы забыли правила пользования этим инструментом, разучились на нем играть. Мы потеряли интуицию. А еще потеряли умение удивляться самому обыкновенному чуду, которое создал Бог. ■

заверните!

«Дурум», «бурум», «брдуч»... Теперь навряд ли кто-то уверенно объяснит этимологию этих слов-синонимов, означающих по-армянски «бутерброд». Разве что «бурум» можно перевести как «в руке» («бур» — «ладонь»). Все, что могло бы быть на тарелке, — в руке! И каждый уважающий себя армянин точно знает, что это такое, — со всеми возможными вариантами и вкусовыми оттенками. Заверните!

Фото **Арнос Мартиросян**

эстрагон (тархун)
укроп (самит)
редис (бохк)
овечий сыр (вочхари панир)
кориандр (амем)
базилик (реган)

спираль времени

Фото **Сурен Манвелян**
Макияж **Марианна Искандарян**
проект реализован совместно
с НИИ древних рукописей
«Матенадаран» им. Месропа Маштоца
все элементы декора предоставлены
компанией **Tufenkian Artisan Carpets**
www.tufenkiancarpets.com

Миниатюра

Время идет по кругу, а переходит во времена по спирали. И только с высоты последующих витков можно отличить суть от деталей и осознать бесценность непреходящих ценностей. Участники фотосессии, даже не внешне, а чем-то большим, чем-то непостижимым, были так похожи на героев средневековых миниатюр, что необходимость воссоздавать все подробности оригиналов просто отпала.

Слева:
Художник Аствацатур
(автопортрет).
Евангелие 1297г.

Слева:
Нарек Аветисян, *художник*
Роберт, *ученик 3 класса*
Ковер Tabriz 2, шерсть на хлопковой основе; 2,5х3м
Сундук дубовый мафраш с чехлом из античного карпета

Артур Погосян, *физик*
Ковер Tabriz 14, шерсть на хлопковой основе, 2,5х3м
Коврик Kazak Chelaberd Ruby, 0,6х0,8м
Стул кованый
Подсвечник кованый

Григор Нарекаци.
«Книга скорби», 1173г. Художник — Григор Млиджеци

Царь Трдат III, Григорий Просветитель и Агатангелос.
Сборник 1569г. Художник — Вардан Багешеци

Артавазд Сафарян, *математик*
Феликс Егиазарян, *художник*
Мкртыч Кошецян, *полиграфист*
Ковер Tabriz 14, шерсть на хлопковой основе, 2,5х3м
Стол кованый «Вишап» с дубовой столешницей

Арам Меграбян, *дизайнер*
Ковер Oushak TP3, шерсть на хлопковой основе, технология сумах, 2,5х3м
Дорожка Tabriz 3, шерсть на хлопковой основе, 0,9х3м

Мовсес Джугаеци.
Сборник 1762г.
Художник — Ованес Евкараци

великий шелковый плод

Собирание и поедание туты — целый обряд, требующий участия немалого числа людей. Молодые ребята взбираются на дерево, чтобы стряхнуть спелые сладкие плоды и, почему нет, воспользовавшись преимуществами нового ракурса, осмотреть достоинства девушек, натянувших внизу полотно. Придумано немало способов продлить жизнь скоропортящегося продукта — сладкие цукаты, ароматное варенье, полезный дошаб и, конечно, знаменитая тутовая водка. Всего пара глотков божественной прозрачной жидкости под сенью шелковицы — и вас осеняют мысли о вечном: о великий шелковый плод, должно быть, именно ты вдохновляешь червяков на создание тончайшей нежнейшей нити!

Фото **Арнос Мартиросян**

шелковая скатерть

черная и белая тута

тутовый цукат

тутовое варенье

дошаб (уваренный тутовый сок)

тутовая водка

10 слов об Армении

Как правило, общение начинается со слова. Общение со страной словом заканчивается. Тем, которое потом всплывает в памяти первым. Оно у каждого свое. 10 воспоминаний. 10 историй. 10 слов об Армении. Первым было — Аствац. Он дал человеку кар, чтобы тот мог построить тун. Всю свою кянк человек учился и создал тар, чтобы писать. Добывал снунд, чтобы есть. Во время застолий он пил гини, пел ерг и был бари к ближнему. И было это сирун. И было так всегда.

Иллюстрации **Гегам Варданян**

аствац — бог

Елена Калашникова
переводчик, публицист
Москва, Россия

В Армении ощущаешь себя ближе к Богу. Конечно, таково воздействие гор, разреженного воздуха, пейзажей, древней цивилизации... А еще тумана, застилающего долину, встретившихся нам молодых бычков, промелькнувшей в окне рощицы аккуратных деревьев, валунов по обочинам дороги. Все выше и выше, куда-то в облака. Взгляд устремляется вверх, где туман и очертания гор, и тут же, подобно мячику, скатывается в надежную долину, расстилающуюся справа. Когда в ушах начинает особенно отчетливо звенеть, я боязливо закрываю глаза, но тут же открываю. А вдруг в эти моменты оберегающей слепоты пропущу нечто важное, поданный мне знак? Он может быть всюду — в скупом цвете холмов, в количестве белых придорожных столбиков, во взгляде так и не встреченного пастуха... И я вслушиваюсь, всматриваюсь, впитываю строгое великолепие этого края, достойного нового Ортеги-и-Гассета. Он отдаст дань природной педагогике и народному костюму, и в его путевых заметках, как в озере Севан, отразятся боль, мудрость и величие Армении. В горах, где так близок Аствац, мое сердце.

кар — камень

Ефим Бершин
поэт, прозаик
Москва, Россия

Сначала Ной, открыв окно ковчега, выпустил ворона.
И я не понял, зачем.
— Зачем ты выпустил ворона, Ноах? — спросил я. — Что он нам принесет?
— Он принесет нам слово, — ответил Ной. — А если он принесет нам слово, мы сразу поймем, есть ли что-то в мире, кроме воды.
Ворон летал долго. Он улетал и возвращался. И опять улетал. Наконец он вернулся и, распластав крылья над ковчегом, заглушил рокот волн долгим раскатистым словом: «кар-р-р». «Кар!» — прокричал ворон. И это означало, что он увидел не просто сушу, он увидел камень.
И от этого слова произошло много других. Иногда первая глухая буква терялась, и получалось «ар-ар». То есть солнце. А порой в конце слышалось «т». И получилось «ар-ар-ат». И именно к этому слову-камню причалил наш ковчег. Ной оказался прав. Но он не знал еще, что Бог использует слово не только для спасения жизни, но и для ее уничтожения. И никогда не объясняет, за что.
— Кар! — крикнул ворон.
— Кар! — повторил Ной.
— Кара! — откликнулись горы, разрушая землетрясением города и села.
— Кара! — кричали древние персы, загоняя не только людей, но и целые церкви в чрево камня.
— Кара! — столетиями неслось над Россией, когда то с Востока, то с Запада приходили люди для того, чтобы сжечь все живое.
Иногда так хочется захлопнуть окно ковчега!

тун — дом

Елена Черникова
прозаик, драматург, журналист, преподаватель
Москва, Россия

Я черепаха-сирота, комик-урод; оставлена земными родичами; дом всегда со мной: выйти не могу, взять к себе — некуда. Прибита к дому.
Полвека втуне пропадает страшная жажда дома на две черепахи, но из кожи не выйдешь, мой дом приращен, и неси его, черепаха-сирота. И несу. Ты — урод, сирота. Столько любви нет на земле.
Вечное втуне, тщета, безнадежность, порву на летящее, прицельное, горячее **в** и старинный армянский **тун**.
Порву, и в небесном доме встретимся, люди, черепахи.
И я, сирота, перестану лить бесконечные слезы, втуне веками каменевшие на ледяном открытом воздухе космоса бездомных.
«Жизнь — это путь домой», — сказал американец Мэлвилл, писатель. Знал. Откуда, интересно? Он, видимо, тоже был черепахой.
Полвека течет из глаз горючий, послушный, мокрый натрий на корявый кальций панциря, и схватываются они в сердце, и оно тверже углерода. Нечеловеческая это химия вышла у вас, ребята. Алмазное проклятие сиротства.
Армяне говорят: где крепко строишь, там жить не будешь. Правда это. Правда. Мой панцирь крепче стали: бездомье черепахи-сироты, а сирота никогда не живет, но слепо, втуне, поводя тонкой дурацкой шейкой, ищет самый большой на свете тун.
...И когда слезы кончаются, рыдаешь сухо в колючий куст, потом кровью на песок, потом молчишь, наконец, и ничего не говоришь, ибо никто не поймет, и никто не может рыдать так долго, а потом сухо, а потом кровью, только сирота-черепаха.
Тун мой, тун, где ты? Возьми черепаху.

кянк — жизнь

Лина Жельониене
работник языковой школы
Каунас, Литва

В Армению я влюбилась еще до того, как увидела эту страну. А одного слова так мало, чтобы написать об этой стране и ее жителях. Кто был здесь, поймет меня.
Если думаете, что знаете про жизнь уже все, если вам по душе немецкая пунктуальность, если вы любитель дорожных правил, если всегда заранее договариваетесь с другом о встрече — живите, как жили, и ни в коем случае не вздумайте ехать в Армению. Но если чувствуете, что где-то есть люди, которые помогут узнать настоящий вкус жизни — сразу берите отпуск и покупайте билет в Ереван. Я никогда не жалела о том, что в один прекрасный день так и сделала.
Мне невероятно повезло: до своей поездки я познакомилась в интернете с Айком из Еревана. Если сделать много клонов Айка и хоть по одному дать каждой туристической фирме страны, туристы бы съели все фрукты и овощи, посмотрели фильм «Мимино», узнали все про армянские тосты и влюбились бы в Армению так, как это сделала я еще до приезда сюда. Все бы сразу поняли, что с друзьями надо целоваться при встрече, а встречаться — утром, днем и вечером. На улице, дома, в кафе, в парке. Все поняли бы, что насытиться можно до еды, что гулять приятно как днем, так и ночью, ни о чем не беспокоясь. Вы — гость. Вам так легко, просто, вкусно, приятно, интересно, неожиданно, тепло и солнечно!..
Посетив Армению впервые, я поняла, что до этого не знала вкуса абрикоса, ценности дружбы и величия Арарата. Приехав во второй раз, я нырнула в холодные воды Севана и попробовала тутовую водку, в третий раз — навестила хороших друзей, а в четвертый — танцевала на свадьбе того самого Айка, который познакомил меня с Арменией еще до приезда сюда. Жизнь хороша. А если хоть один раз в году ездить в Армению — просто прекрасна.

тар — буква

Михаил Визель
литературный критик, переводчик, редактор
Москва, Россия

В Армении всех гостей обязательно везут в Ошакан — на могилу создателя армянского алфавита Месропа Маштоца, рядом с которой разбит чудесный «сад букв»: небольшой цветник, где пышные травы и узловатые деревья, выросшие из армянской почвы, оплетают каменные изваяния в виде букв армянского алфавита.

Я видел немало великолепных садов — Александровский, Петергоф, Шенбрунн, виллу Памфили, Центральный парк. Все они сделаны с тщанием, любовью и выдумкой. Но ни в России, ни в Америке, ни в одной из стран Европы не может быть ничего, подобного ошаканскому «саду букв». Потому что ни общая для всех западноевропейцев латиница, ни общая для всех восточных славян кириллица не в состоянии так передать неразрывное единство «духа и буквы» древней армянской культуры, как это делает уникальный армянский алфавит. Итальянец не может сказать «мой алфавит», потому что он делит его с людьми совершенно другого менталитета — немцами или скандинавами. Армянин может.

В позапрошлом году мне посчастливилось передать итальянскому поэту карабахский журнал, где были опубликованы переводы его стихов. Он был потрясен не только тем фактом, что его стихи интересны людям, которым приходится ежедневно решать множество проблем, далеких от европейской поэзии, но и самим видом этих переводов, их графическим обликом. Он признался мне, что не подозревал, насколько грозно, весомо могут выглядеть эфемерные строки его стихов. Недаром Мандельштам сравнивал буквы армянского алфавита с «кузнечными клещами». Этот образ может показаться грубоватым, но он совершенно точен. Созданные святым Месропом Маштоцем 36 букв — это материальные предметы, оставляющие отпечаток на всем, к чему прикасаются.

снунд — еда

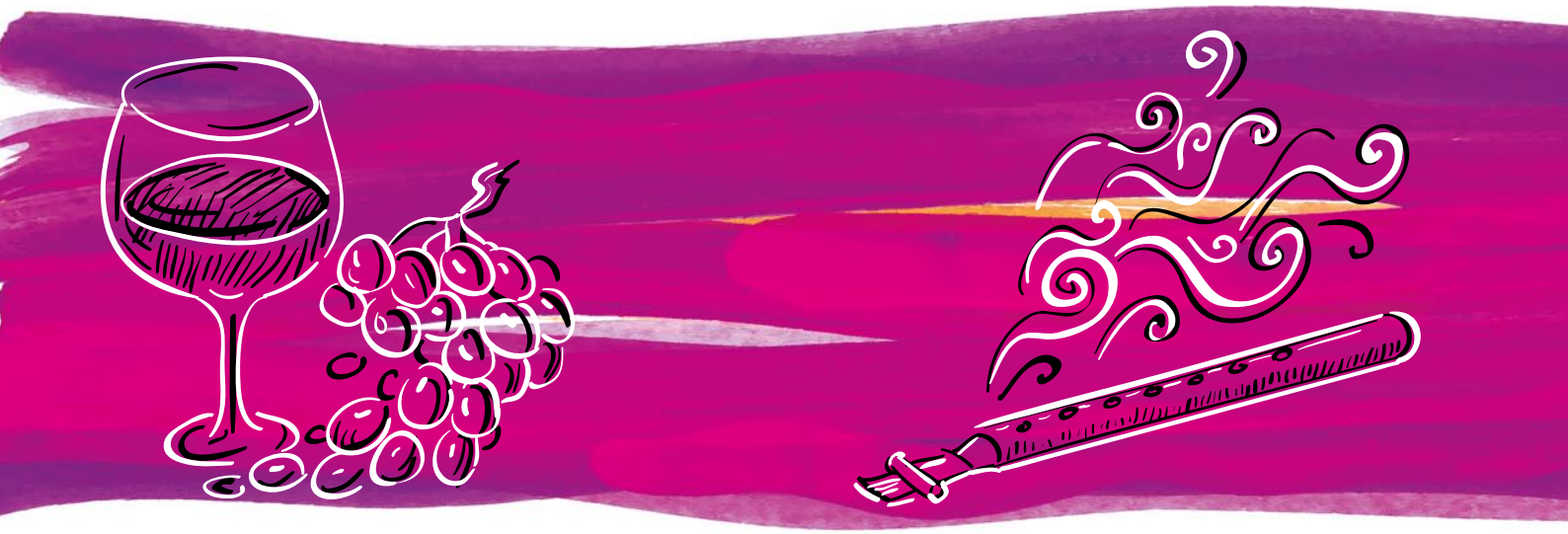
Себастьян Кравчик
дизайнер
Мюнхен, Германия

Меня зовут Себастьян, и, должен признаться, я — чревоугодник. Для меня еда — подарок, увлекательное путешествие, история, которую рассказал человек, приготовивший ее.

Я приехал в Армению, сошел с трапа самолета, было шесть утра. Друзья встретили меня тепло, радостно, угостили обильным завтраком, который не имел ничего общего с европейским представлением о первой утренней трапезе. Еды было много, что, безусловно, стало наилучшим сюрпризом для меня и моего желудка.

Я не знал, с чего начать. А самое главное — не знал, когда закончить. Чем дольше мы ели, тем полнее становился стол. Казалось, места для нового блюда на нем уже нет, но его все равно находили. Настоящий рай! Все, я говорю вам, все было восхитительным! Сыр, острое мясо, тушеные овощи, плов с изюмом, лаваш... Новые вкусы, ароматы и сочетания. Немного жирно на мой вкус, но армяне познакомили меня с отличным решением этой проблемы — водкой! Прекрасная идея. Утром?.. И к этому тоже я быстро привык.

У армян каждая трапеза — семейный праздник. Это помогает сохранять семью сплоченной, настраивает на общение. И неважно, являетесь ли вы членом этой большой семьи. Если вы обедаете с ними, вы — один из них. Армяне! Я действительно надеюсь, что многие люди начнут обедать, как вы, наслаждаться едой, как вы, делать из каждой трапезы событие, как это делаете вы. Я знаю точно: сам я стал носителем этой культуры и собираюсь распространять ее.



гини — вино

Игорь Ширяев
психолог, путешественник
Москва, Россия

Когда я собирался поехать в Армению, мне сообщили, что отказываться выпить за едой в дружеской компании — равносильно тому, чтобы оскорбить человека, обидеть доброжелательного, гостеприимного хозяина и его семью. К тому же друзья сказали, что при всем при том в Армении нет вытрезвителей. Совсем нет! Поэтому я ехал в эту страну не с лучшим настроением по поводу алкоголя. Я и так пить не люблю, а насильно тем более.
И вот я в Армении. Наступает тот самый страшный момент — на столе вино. Доброжелательные хозяева за приятной беседой говорят мне, что по-армянски вино называется «гини». Гини — это нежность и страсть, гини — это радость и здоровье, гини — это Армения! Так говорят хозяева... С ужасом (ведь я почти не пью дома, а в Армении нет вытрезвителей!) я пробую гини и вдруг понимаю, что на самом деле никто не заставляет меня пить. А гини — это не просто вино, но нечто иное и большее. Вкусное, нежное, очень натуральное и слегка пьянящее, дарующее хорошее настроение! И чего я боялся?! Теперь мне понятно, почему в Армении нет вытрезвителей.
А зачем? Если после вина человеку не плохо, а хорошо.
С того момента в моей жизни появилось гини. Настоящее гини — это Армения!

ерг — песня

Равиль Бухараев
поэт, прозаик, драматург, историк и переводчик
Москва, Россия

Это было смутное время распада, когда и я разучился осязать родное вещество жизни: сердце онемело, и я перестал различать покой и движенье. Шахматная, расчерченная на прямоугольные делянки, застеленная мелкой снежной порошей Араратская долина, куда занесло меня печальным журналистским промыслом по дороге на Лачин, простиралась до края возможного. И студеное пространство отзывалось на осознание душевной опустошенности — пустотою же, в которой едва угадывалось тихое, но неукротимое борение бытия: свет-любовь против тьмы-тяжести.
Я, как и все, хотел тепла и счастья, и поминался мне из другой жизни летний, вечнопрочный, слезно-родниковый Гегард и река Азат, звучащая в нерушимом ущелье звонким именем, до странности совпадающим с родным мне татарским, песенным словом «воля»...
И вдруг, в студеной смуте происходящего, постиг и я, что нет ничего во всем распятом вокруг мире спасительней родимой песенной воли, которая в невыразимых слезах утешения одна и остается с тобою, когда все остальное отбирают обманом и силой...
«Ер» — так звучит слово «песня» по-татарски. «Ерг» — так отзывается она своим звездным армянским именем-названьем, растворяя в слезах возвращенного детского счастья заматеревшее эго и устанавливая то земное единство — вселенское родство, роднее которого не бывает. И сердце, и оно может очнуться, как звезда пульсирующая, излучающая в студеный мрак мироздания любовь-родство; звезда вечная, ибо топливо ее — время.
Так уходит горе, и ничего другого не остается для радости, как только заполнить опустевшее пространство. Потому что любовь — это сострадание, и человек — это сострадание, и сила человека — только сила сострадания.
Так и ерг — навсегда в душе и сердце, даже если больше не осталось ни сил, ни слов.

бари — добрый, доброта

Григорий Потоцкий
скульптор, президент Международной академии доброты
Москва, Россия

Впервые я близко столкнулся с армянами в 1974 году. В Грузии, даже не в Армении. Я гулял по центру Тбилиси, когда познакомился с 14-летним мальчиком Арамом. И он мне сказал: «Григорий, ты же гость. Приходи к нам в гости! Пообедаешь, отдохнешь». Я страшно удивился (я боюсь всего незнакомого, чужого), но подумал: денег у меня нет, и, в конце концов, я не девушка, что со мной может случиться? Мы пришли в типичный тбилисский дворик. Через весь двор высоко в небе висело белье на веревках. Домишки двухэтажные как бы вскарабкиваются друг на друга, потому что место возвышенное. Отец мальчика, в прошлом авиаконструктор, был на пенсии. Подрабатывал сапожником. Какой же меня ждал стол! Так все было обильно и вкусно. Меня уложили поспать на часок, отдохнуть после обеда. Как же, я же гость! Потом накормили снова, расспрашивали о Молдавии, откуда я приехал, об Одессе, где учился... Я ушел пораженный таким участием, такой добротой к чужому человеку. Спустя тридцать лет, когда настало трудное время, я установил в Карабахе свой символ доброты — скульптуру «Одуванчик». Потом создал портрет Арама Хачатуряна, памятник Параджанову. Я встречал армян повсюду. Для них нет границ. Они несут добро, жизнерадостность, любовь, трудолюбие. Они живут по всему миру потому, что они добрые.

сирун — красиво, красавица

Лидия Григорьева
поэт, сценарист, культуролог
Лондон, Великобритания

Есть два пласта воспоминаний. Конкретные, житейские: замечательные красивые люди, красавец Арарат, непередаваемая красота Гарни и Гегарда, изумительная красота старинных армянских миниатюр в древних рукописях Матенадарана. Прекрасные лица прихожан в Эчмиадзине, обращенные к католикосу, лицо которого тоже освещено изнутри особой, благородной, нисходящей с небес красотой. Мне довелось поцеловать его руку. И это одно из самых ярких воспоминаний о моих поездках в Армению. Мне долго казалось, что все армяне — поэты и художники. Так сложился там мой круг общения. А есть сокровенные воспоминания сердца. Это слезы, неостановимо хлынувшие из моих глаз, когда в одной из ереванских мастерских прекрасный армянский художник по просьбе друзей запел древние духовные гимны. Сердце мое откликнулось и изошло слезами. Это было просветление и очищение души от наслоений сиюминутности и тщетности нашего повседневного существования. По силе благородного воздействия на душу, как мне кажется, очень близки к религиозным гимнам и многие армянские песни. И главная для меня, от первых же звуков которой сжимается сердце, — «Ов сирун, сирун...». Некий человек однажды сказал мне: «Ты поэт, потому и идеализируешь нас, армян. А ведь среди нас есть и злые, и нечестные люди!» А где их нет? Но они уходят с земли бесследно. А в веках остается красота, творимая красивыми и благородными людьми. И у каждого из них в сердце живет его единственная красавица, будь это возлюбленная, жена или дочь. Или мать. Или родина...

сырреализм

Считается, что **вино** и **сыр** (панир) «повенчаны на небесах». А в любви каждый ищет свою половинку — вина и сыры сочетаются по строго определенным канонам. «Неравные браки» не поощряются.

Фото **Арнос Мартиросян**

У полумягкого Лори от сильных чувств к белому сухому вину «съехала крыша» — он из группы бескорковых сыров

Верный партнер сыра из нежного овечьего молока Вочхари панир — крепкое пряное красное вино

Тел-панир всей своей волокнистой структурой так и «вьется» вокруг свежего белого сухого вина

Мягкий «глазастый» Чанах — солено-острый в зрелом возрасте — одинаково хорош как с красным полусладким, так и с красным полусухим ординарным вином

Из архива Музея-института Геноцида армян

рубикон-65

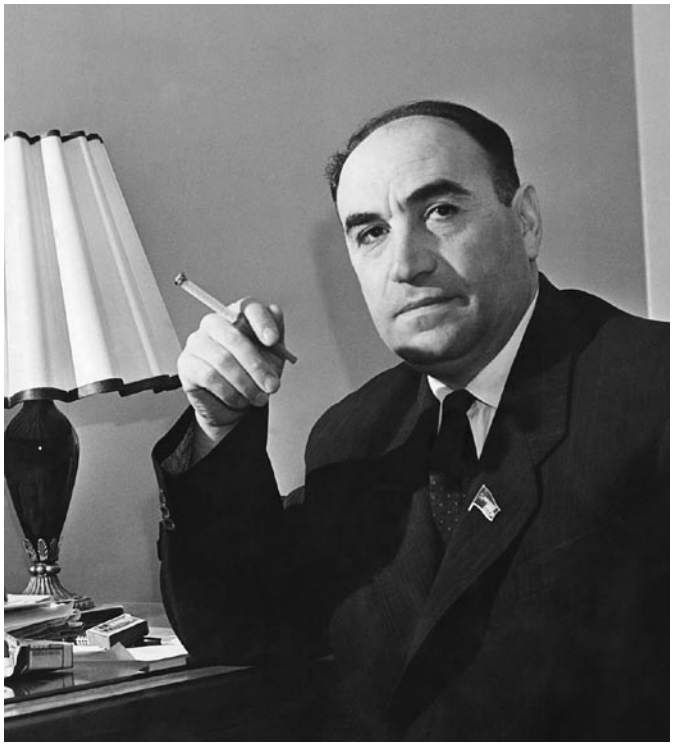
Сегодня никого не удивляет, что в Ереване есть музей и мемориал жертвам Геноцида армянского народа, что о событиях 1915 года написаны тысячи книг, и тема эта регулярно поднимается в газетах, по радио и теле-видению. Трудно представить, что когда-то в Советском Союзе всякое публичное упоминание о Геноциде было практически невозможно, а непубличное — опасно. Так было до 24 апреля 1965 года.

Текст **Никита Заробян, Армен Григорян**

Поворотным пунктом в новейшей армянской истории стал день 24 апреля 1965 года — величайшая трагедия народа перестала наконец быть запретной темой. Что же произошло? Почему после многих десятилетий замалчивания впервые на государственном уровне был отмечен День памяти жертв Геноцида армян в Османской Турции и началось строительство мемориала на холме Цицернакаберд?

Некоторые считают основной причиной происшедших событий «круглую» дату: 1965-й пришелся на 50-летие этой трагедии. Однако до этого было 40-летие, 30-летие... А тема оставалась под запретом. По прошествии стольких лет можно назвать две основные причины. С одной стороны, это консолидация армянских диаспор, ядро которых составляли дети беженцев, получивших образование и осознающих свои права, требующих международного признания и осуждения преступления. С другой стороны, советский режим после Сталина несколько смягчился. Начался короткий период в жизни советского государства, который тогда поэтически был назван хрущевской оттепелью. Появилось, как теперь говорят, окно возможностей. Однако этих предпосылок было бы недостаточно, если бы в нужном месте и в нужное время не появился человек, взявший на себя самое главное — инициативу.

Речь идет о Якове Никитовиче Заробяне, являвшемся в то время первым секретарем ЦК Коммунистической партии Армении, фактическим руководителем республики. Скорее всего, если бы он не предпринял активных шагов по организации мероприятий в честь траурной даты или подошел бы к этому вопросу формально, то окно возможностей закрылось бы еще как минимум лет на 25. Задача, которую Заробян поставил перед собой, была в условиях тогдашней действительности совершенно немыслимой, поскольку при этом затрагивались основы внешней политики СССР и его



Из личного архива Н. Заробяна

→
Я.Н. Заробян — Первый секретарь ЦК КП Армении, 1965 год

идеология. Необходимо было выйти за стандартные рамки компетенции первого секретаря ЦК Компартии союзной республики. Более того, сама постановка подобного вопроса перед Москвой была чревата для Якова Заробяна большими неприятностями, риском для карьеры и безупречного послужного списка. Многие члены Президиума ЦК КП Армении скептически и очень настороженно относились к идее проведения официальных мероприятий в связи с Днем геноцида, опасаясь инцидентов и последующих санкций со стороны Москвы, ведь существовала реальная опасность выхода процесса из-под контроля властей.

Надо сказать, что решение отметить 50-летнюю годовщину Геноцида было не каким-то единичным всплеском патриотизма, а элементом общей политики Заробяна, политики Армянской ССР начала 60-х годов, направленной на укрепление культурной идентичности, восстановление единства армянского народа. Это был, может быть, самый заметный шаг на пути преодоления тридцатилетней политической и культурной изоляции Армянской ССР от мировой армянской диаспоры. Надо также иметь в виду, что для Якова Заробяна события 1915 года не были чем-то отвлеченным — его семья во время Геноцида бежала из города Артвин в Западной Армении. Долгие годы они скитались как беженцы. Все детство и юность Заробяна были полны лишений. Не выдержав тяже-лых условий жизни, умерли отец и старший брат...

Весной 1964 г. Яков Заробян, не вняв доводам скептиков, начал подготовку к проведению Дня Геноцида. Для осуществления официальных мероприятий необходимо было добиться согласия Центра в форме соответствующего решения Президиума ЦК КПСС (так тогда называлось Политбюро). Было проведено несколько совещаний в ЦК КП Армении с участием ведущих историков и представителей творческой интеллигенции, подготовлены убедительные справки для руководства в Москве. Яков Никитович несколько раз встречался с Никитой Хрущевым, который возглавлял ЦК КПСС до 14 октября 1964 г., Леонидом Брежневым, министром иностранных дел Андреем Громыко и главным идеологом партии, секретарем ЦК КПСС Михаилом Сусловым.

Громыко опасался недовольства турок, с которыми в тот период были установлены хорошие отношения на государственном уровне, тем более после того как Советский Союз в 1953 году от имени Армении и Грузии официально отказался от территориальных притязаний к Турции. Особенно трудно было убедить Суслова. Он видел в предложении Заробяна разжигание национализма и покушение на идеологические догмы. Такого же мнения, в принципе, придерживался и осторожный Анастас Микоян. Громыко в конце концов согласился с предложениями Заробяна с условием, что в процессе проведения мероприятий не будет подниматься территориальный вопрос. При этом всю ответственность за недопущение эксцессов руководитель Армении взял на себя. Одним из основных аргументов Заробяна в переговорах с высшими партийно-государственными деятелями Кремля был фактор влиятельной армянской диаспоры. Ему удалось убедить их в том, что, идя навстречу чаяниям армянского народа, СССР приобретает политическую поддержку армянской диаспоры, в противном случае в Спюрке усилятся антисоветские настроения.

←
24 апреля 1965 года. Несанкционированная демонстрация в центре Еревана

→
Слева направо: Яков Заробян, Анастас Микоян и Антон Кочинян. Обсуждается «горячая тема»

Из личного архива Н. Заробяна

13 ноября 1964 г. Президиум ЦК КП Армении по докладу Я.Заробяна одобрил подготовленный текст письма «О мероприятиях в связи с 50-летием массового истребления армян в 1915 году», которое отправили в Москву. Было предложено, кроме установки в Ереване мемориала жертвам Геноцида 1915 г., издать книги, опубликовать статьи, подготовить радио- и телепередачи, провести в Ереване собрания представителей общественности на государственном уровне. Практически все это было осуществлено. В феврале 1965г. правительством Армянской ССР был подготов-лен проект постановления о сооружении мемориала памяти жертвам Геноцида. 15 февраля 1965 г. этот проект одобрил Президиум ЦК КП Армении. Был объявлен конкурс на лучший проект памятника. Макеты памятников были выставлены в Доме архитекторов на всеобщее обозрение. Конкурс объявлялся два раза. Специальная комиссия отобрала лучший проект, и началось строительство. Заробян приложил много усилий, чтобы отмечаемое событие нашло отражение в центральной прессе, в газете «Правда» — органе ЦК КПСС. Это было очень важно, поскольку придавало мероприятиям всесоюзный масштаб. Должна была быть напечатана статья академика М.Нерсисяна о Геноциде армянского народа. Статья «Геноцид — тягчайшее преступление перед человечеством», однако, вышла в совершенно выхолощенном виде. У академика Нерсисяна появился соавтор — некий доктор юридических наук К. Ушаков. От первоначальной статьи Нерсисяна осталась лишь пара абзацев. В «Правде» говорилось, в основном, о геноциде вообще, о преступлениях американцев во Вьетнаме, о расовой дискриминации в ЮАР, о политике португальских колонизаторов в Анголе, Мозамбике, Гвинее и... об успехах социалистической Армении в семье братских народов СССР. Попытка организовать поддержку мероприятий через центральную прессу обернулась очередным советским фарсом. Естественно, инициатива властей Армении не могла быть безразлична широким массам. Людям стало известно, что по требованию Москвы вопрос территориальных требований к Турции не будет затрагиваться. В Ереване — в вузах, на предприятиях — распространялись анонимные листовки с призывом принять участие в митинге протеста на площади Ленина 24 апреля. Многие молодые люди вообще впервые узнавали подробности трагедии полувековой давности. Помимо событий 1915 года, молодежь волновали проблемы Нагорного Карабаха и Нахичевана, а также репатриация армян из-за рубежа. Одним из факторов, способствующих организации митинга протеста на площади, было и то, что собрание в Театре оперы и балета было сугубо государственным мероприятием — широким массам там, естественно, не нашлось места. Многие десятки тысяч людей чувствовали некую изолированность, невовлеченность в происходящее. Утром 24 апреля на центральной площади им. Ленина (ныне — площадь Республики) собралось несколько десятков тысяч человек, и начался несанкционированный властями митинг молодежи. К собравшимся обратились представители творческой интеллигенции, пытаясь убедить демонстрантов разойтись. Но их призывы не были восприняты, а некоторые

Решение отметить 50-летнюю годовщину Геноцида было не единичным всплеском патриотизма, а элементом общей политики Армянской ССР начала 60-х годов

выступавшие были даже освистаны. Обстановка была крайне напряженной, существовала опасность выхода ситуации из-под контроля. Попытка милиции рассеять митинг, требование разойтись не дали результата — многотысячная толпа села на асфальт, демонстрируя свое безразличие к органам правопорядка. Затем демонстранты двинулись по улицам города, скандируя патриотические лозунги. Так как никаких насильственных или хулиганских действий митингующие не предпринимали, власти тоже заняли выжидательную позицию. Примечателен диалог члена правительства Алексана Киракосяна с академиком Ашотом Ованисяном, состоявшийся в тот день:

— Ашот Гарегинович, молодежь не успокаивается...
— А у них есть оружие?
— Какое еще оружие?!
— Раз нет оружия, значит нечего и беспокоиться. Безоружные — это все равно, что церковь без колоколов... Надо просто успокоить их, объяснить ситуацию... Вся эта нервозность оттого, что еще живо поколение, прошедшее через ужасы резни, и мы сейчас как открытую рану тронули...

В этой сложной обстановке вечером в помещении Оперного театра должно было состояться официальное собрание

→
24 апреля 1965 года. Оперный театр. К митингующим обращается Католикос Всех Армян Вазген I

Из архива Мулен-института Генерала армии

представителей общественности, посвященное памятной дате. К началу собрания демонстранты подошли к зданию Оперного театра, требуя пропустить их внутрь. Кто-то из толпы метнул в двери фойе камни, посыпались осколки стекла, поранив нескольких человек. Толпа напирала. Милиция попыталась утихомирить демонстрантов струей воды из брандспойта, но это не помогло. В конце концов, возбужденные демонстранты ворвались в фойе Оперного театра и дальше — в зал, скандируя: «Земли, наши земли!» Призывы присутствовавшего в зале Католикоса Всех Армян Вазгена I к спокойствию не возымели действия — официальное собрание было сорвано вскоре после его начала. Руководство республики перешло в соседнее помещение — Филармонию, — и там в кабинете директора началось совещание по вопросу, какие предпринять действия в создавшейся ситуации. Звучали разные мнения, двое членов Президиума ЦК предложили ввести в город войска. Командующий расположенной в Армении 7-й армии генерал-полковник Давид Драгунский высказался против этого и заявил, что ввод войск в город возможен только по приказу министра обороны СССР. Заробян подвел итог совещания, заявив, что не будет использовать войска против собственного народа. Но в воздухе по-прежнему висел вопрос: какова будет реакция Москвы? Особенно тяжело переживал это, конечно, Яков Заробян, ведь разрешение на проведение мероприятий было дано под его личную ответственность. Однако благодаря его выдержке и взвешенному подходу события не вышли из-под контроля республиканской власти, управление ситуацией не было взято на себя Москвой, как это обычно практиковалось в подобных случаях.

Следует напомнить, что в то время советская система реагировала на подобные вещи очень жестко и по более безобидным в глазах кремлевских руководителей поводам. Достаточно вспомнить расстрел митингующих рабочих Новочеркасска в июне 1962 г. Местная власть в городе была отстранена от управления, и решения принимали присланные из Москвы члены Политбюро — Козлов и Микоян. Через несколько месяцев после событий в Новочеркасске прошел ряд судебных процессов. Участников демонстрации судили как «антисоветские элементы», а события официально представили как «бунт уголовников», бесчинства «банд хулиганов».

В связи с событиями у Оперного театра в Ереване тоже было задержано несколько десятков человек. Однако все они отделались легким испугом, ибо их действия были квалифицированы как мелкое хулиганство, а не как-то иначе. Москва требовала осудить тысячи людей, устроить показательные процессы, но к чести властей Армении эти требования были фактически проигнорированы. Уже к полудню 25 апреля Оперный театр вычистили, стекла вставили, и, когда через день приехала специальная комиссия из Москвы, уже не было никаких следов происшедшего. Конечно, руководство Армении не могло не дать политической оценки событиям 24 апреля. Через четыре дня Президиум ЦК КП Армении принял документ «О фактах беспорядков, имевших место 24 апреля 1965 года в городе Ереване». Это документ на шести листах, явно «для внешнего потребления». Вначале приведено описание событий этого дня, причем в очень мягкой форме. Затем следует критическая оценка деятельности отдельных парторганизаций, можно сказать, «в классической форме». К примеру, критика выглядела так: «Ереванский горком и горрайкомы партии не проявляют высокой требовательности к первичным парторганизациям, ректоратам и коммунистам учебных заведений, руководителям предприятий и учреждений, ответственным за морально-политическое состояние и воспитание членов коллектива, в особенности молодежи». Документ содержит и самокритику. Отмечено, что «Президиум ЦК КП Армении допустил ряд серьезных упущений в деле организации подготовки и проведения мероприятий, связанных с датой 24 апреля, выразившихся в неполном учете всей сложности

Из личного архива Н.Заробяна

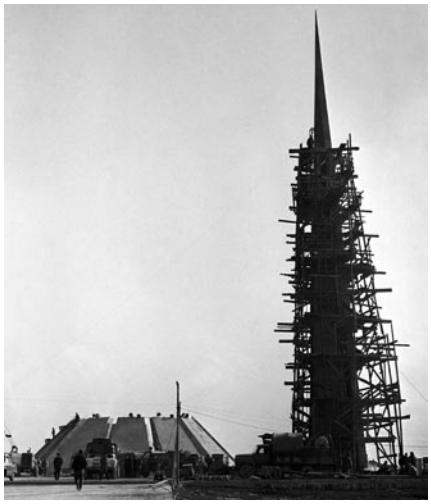
Досье

Яков Заробян родился в 1908 году в г. Артвине (Западная Армения) в семье крестьянина-ремесленника. С 1926 по 1941 гг. проделал путь от рабочего до секретаря райкома в Харькове.
1941—1942 гг. — секретарь горкома ВКП(б), г.Усолье (Иркутская область)
1942—1949 гг. — работа в Омском обкоме ВКП(б)
1949—1953 гг. — работа в различных отделах ЦК КП Армении
1953—1958 гг. — секретарь ЦК КП Армении по промышленности
1958—1960 гг. — первый зам. председателя Совета Министров Армянской ССР
1960 г. — второй секретарь ЦК КП Армении
1960—1966 гг. — Первый секретарь ЦК КП Армении
1966—1979 гг. — зам. министра электротехнической промышленности СССР.
Награжден орденами Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, Октябрьской революции и медалями.
Похоронен в Пантеоне города Еревана.

→
1967 г. Строительство мемориального комплекса на холме Цицернакаберд в Ереване

→
Утро 24 апреля 1965 года. Митинг протеста на площади Ленина

↓
29 ноября 1967 года. Первый секретарь ЦК КП Армении А. Кочинян зажигает вечный огонь мемориала



Фотохур

Из архива Музея-института Геноцида армян

В Ереване распространялись листовки с призывом прийти на митинг протеста на площади Ленина. Многие вообще впервые узнавали подробности трагедии 1915 года

Из архива Музея-института Геноцида армян

Текст листовки, распространенной во время митинга 24 апреля 1965 года на площади Ленина

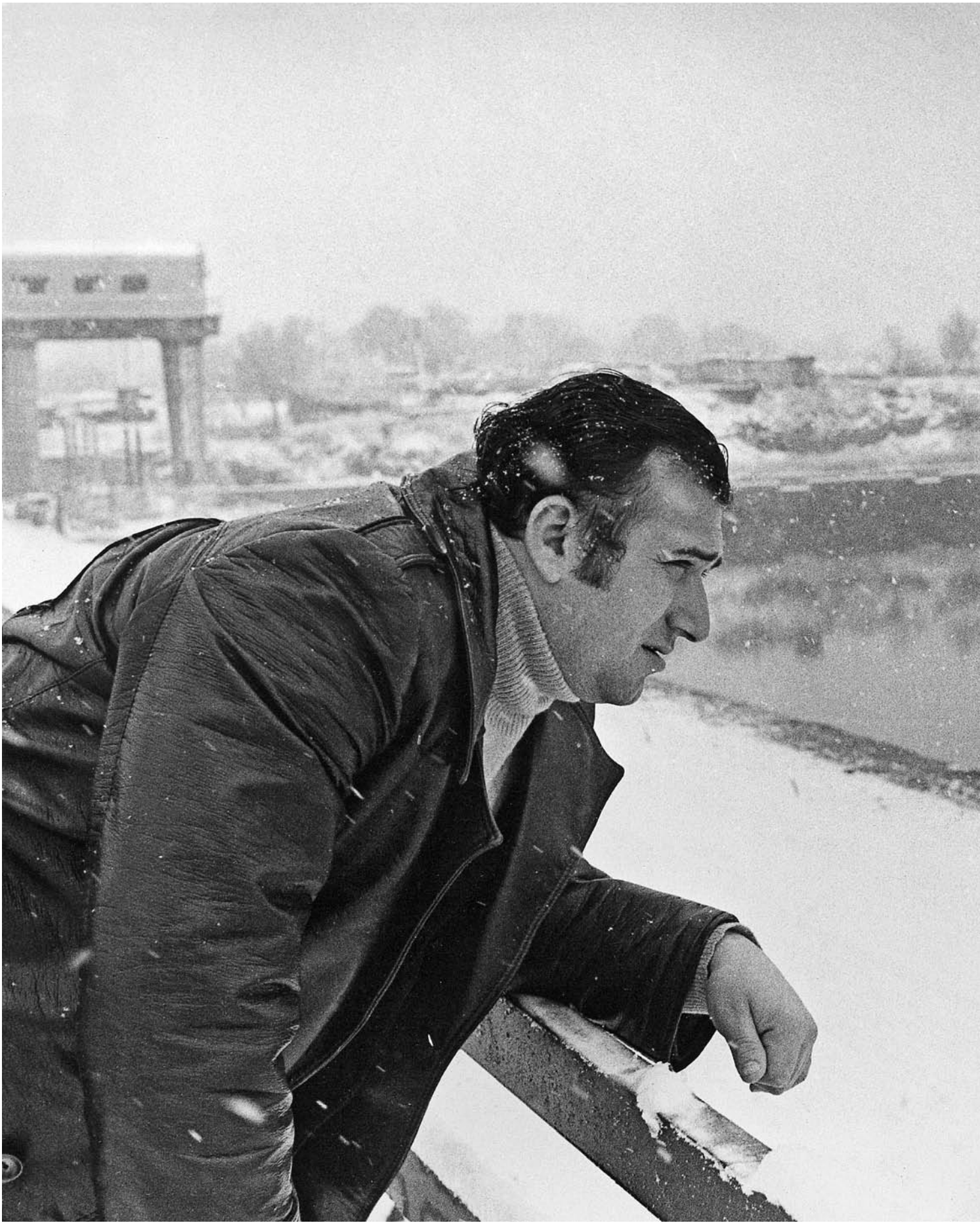
В ЦК КПСС, Совет Министров СССР, Президиум Верховного Совета СССР

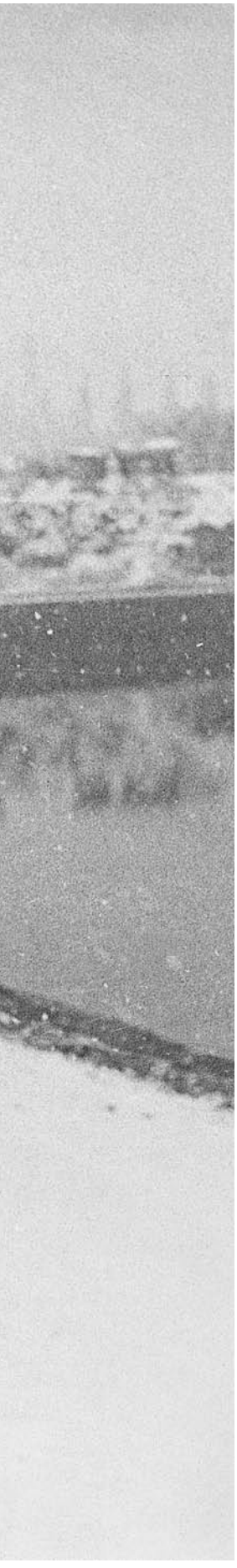
«Многотысячный митинг армянского народа, состоявшийся 24 апреля 1965 года в Ереване, отмечая 50-летие черной резни, принял решение просить руководство Советского правительства устранить возникшие в годы культа личности недостатки в национальном вопросе и справедливо решить требования армянского народа:
— передать Армении Карабах, Нахичеван и другие заселенные армянами исторические армянские земли на территории Союза;
— ускорить репатриацию армян из-за рубежа; репатриированных из-за рубежа армян поселить в Нахичеване, так как плотность населения в Советской Армении достигла критического уровня;
— освободить семерых патриотов.
Армянский народ выражает готовность перенести всякую стесненность в связи с размещением репатриантов.
Участники митинга просят Совет Министров Армянской ССР представить указанную резолюцию центральному правительству СССР. Митинг ждет ответа от руководителя правительства Армении товарища Кочиняна. Участники митинга не разойдутся до тех пор, пока не получат утешительного ответа.

Армянский народ»

и особенностей проведения этой важной политической работы». Постановляющая часть решения под стать вводной. Персонально практически никто не был наказан. Самое «суровое» наказание получил министр охраны общественного порядка: «Указать министру охраны общественного порядка товарищу Арзуманяну на необеспечение им должной охраны здания Театра оперы и балета, где происходило собрание представителей общественности города Еревана». Для «участников беспорядков» и органов власти республики на этом все и закончилось. Если не считать, что через несколько месяцев Яков Заробян все же был отстранен от должности и переведен в Москву на другую работу.

Через два года, 29 ноября 1967 г. на холме Цицернакаберд в Ереване в торжественной обстановке был открыт мемориал памяти жертв Геноцида. Открывал памятник уже следующий Первый секретарь ЦК КП Армении — Антон Кочинян. Как всегда, идеологи попытались совместить несовместимое — памятник открыли в день 47-й годовщины установления Советской власти в Армении. В последующие годы было сделано еще несколько важных шагов — Карен Демирчян, руководитель республики в 1974—88 гг., смог утвердить официальное возложение венков 24 апреля к вечному огню мемориала и минуту молчания. Но тогда, в 65-м, произошло главное — плотина официального молчания была прорвана, и история одной из величайших трагедий XX века стала достоянием широкой общественности, были начаты научные исследования, изданы книги и документы о событиях 1915 года, а данный факт наконец-то обрел свое место в школьных учебниках истории армянского народа. И еще: это был тот редкий случай, когда власть и народ, хоть и с разных позиций, делали одно общее дело. И сделали. ■





последний рекорд

Если бы многократный чемпион и рекордсмен мира по подводному плаванию Шаварш Карапетян жил в Элладе, древние греки сложили бы о его подвигах мифы покруче геракловых. Потому что каждое из его свершений — это десятки спасенных жизней, причем в мирное время! И это, не считая его спортивных достижений.

Текст **Зорий Балаян** | Фото **из личных архивов семьи Карапетян**

Ближе всех

Пожар начался где-то под утро, и первые прохожие с ужасом наблюдали, как пламя охватывает здание Спортивно-концертного комплекса на холме Цицернакаберд. Казалось, в этот февральский день 1985 года город мог остаться без СКК, которым ереванцы имели все основания гордиться, — это было ультрасовременное красивое здание, построенное всего год назад. На месте уже вовсю работали пожарные, которым помогали энтузиасты. Среди них был и Шаварш Карапетян. Он заметил пламя, когда ехал на работу — в здание, находящееся прямо напротив комплекса. В такие минуты у некоторых людей включается автопилот — все реакции происходят в настолько ускоренном режиме, что, кажется, опережают импульсы, поступающие из сознания. Основной инстинкт — инстинкт самосохранения — уступает место порыву благородства. Шаварш подхватил из чьих-то уже слабеющих рук брандспойт и направил мощную струю воды на огненный столб. Вокруг творилось что-то ужасное — кричали люди, рушились сгоревшие части здания, падали, теряя сознание от дыма, пожарные. А потом раздался взрыв... Как оказался в реанимационном отделении больницы скорой помощи, Шаварш не помнил, потому что был доставлен туда в бессознательном состоянии.

Хронологически — это третий из подвигов Шаварша Карапетяна. Начал же я с него потому, что пожар случился значительно позже выхода в свет моей повести об этом удивительном человеке и, естественно, не попал в нее. Честно говоря, мне показалось, что есть во всем этом что-то мистическое — почему-то именно Карапетян всегда оказывался на «месте происшествия». Первый такой случай произошел в 1974 году в местечке Цахкадзор. Накануне Олимпийских игр в Мехико здесь построили Всесоюзную спортивную базу для тренировок советских олимпийцев. Цахкадзор, как писали спортивные журналисты, стал кузницей многих золотых медалей, которые привозили советские спортсмены с различных международных соревнований. Тренировался в условиях высокогорья и Шаварш Карапетян со своими друзьями. В тот день, 8 января 1974 года, он возвращался со спортивной базы в Ереван. В автобусе более тридцати пассажиров — среди них немало спортсменов. Пели. Шутили. Веселились. На крутом подъеме водитель остановил машину — барахлил мотор. Шофер решил проверить. Но едва он выпрыгнул из кабины, как случилось невероятное. Поначалу никто и не заметил, что автобус начал катиться назад, под гору: слишком весело и шумно было в салоне. Первым отсутствие водителя увидел

Photostock.am

Шаварш — он сидел ближе всех к кабине шофера. А машина угрожающе набирала скорость, несясь по дороге, вьющейся по краю глубокого ущелья. Секунды решали все. Шаварш локтем разбил стеклянную стенку, отделявшую кабину от салона, прыгнул на водительское место и нажал на тормоза. Тщетно: они отказали. Еще секунда — и машина слетит с дороги. Но именно в это мгновение Шаварш резко направил автобус в сторону горы. Это было единственно правильное решение, предотвратившее катастрофу и спасшее жизнь тридцати людям. Именно после этого случая Шаварш, отвечая на вопрос, как ему это удалось, сказал свою знаменитую фразу: «Просто я был ближе всех к кабине...»

Цена секунды

Второй раз Шаварш оказался в эпицентре чрезвычайного события в 1977 году. Переполненный троллейбус шел через дамбу-плотину, которая давно уже стала стеной-берегом довольно крупного Ереванского водохранилища, названного горожанами морем. Теперь уже никто и никогда не узнает, почему троллейбус вдруг резко повернул в сторону, врезался в невысокий бордюр и полетел вниз, в воду, на десятиметровую глубину. Когда я перелистывал увесистую папку, составленную специальной комиссией, перед моими глазами секунда за секундой, минута за минутой проходила вся эта страшная картина. Троллейбус упал в воду, как говорится, носом. И там, в самом низу, был водитель. Истинную причину случившегося узнать невозможно, хотя вскрытие показало, что шофер страдал ишемической болезнью сердца. В амбулаторной карточке было отмечено: гипертония. Так что, вполне возможно, что на дамбе он потерял сознание, наклонился набок и... повернул руль.

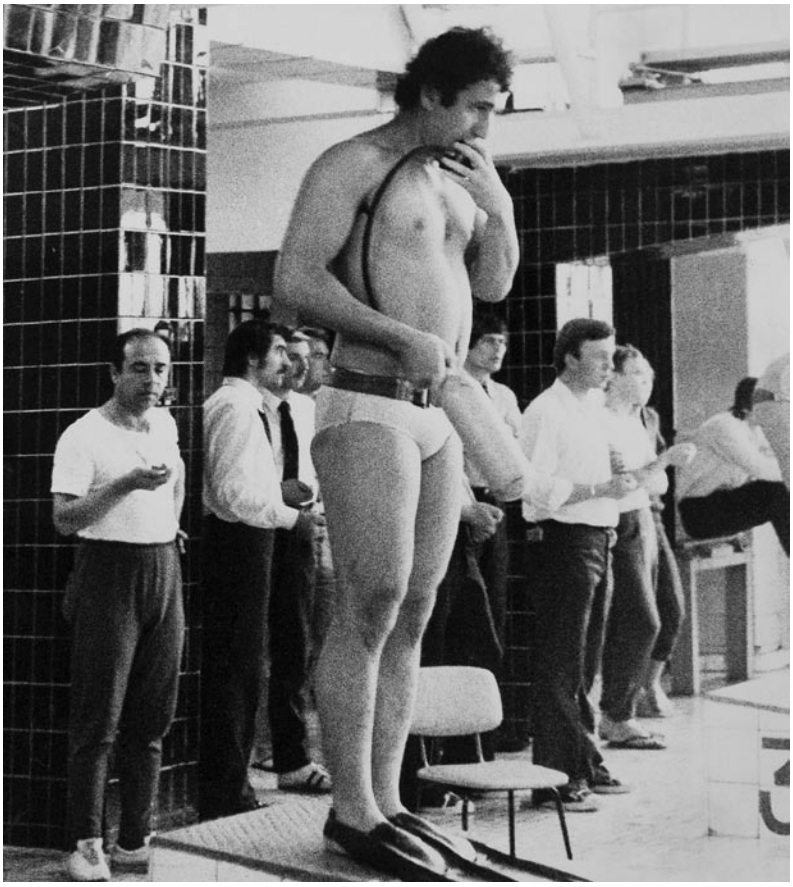
В этот час к водохранилищу ехал на машине отец Шаварша Владимир Карапетян. Он знал, что здесь тренируются его сыновья, и решил по дороге домой навестить их. Так бывало не раз. Правда, они не всегда соглашались ехать домой с отцом — тренировались долго. Иногда четыре часа кряду. А бывало и по восемь часов в день. И в тот день Шаварш и Камо тренировались напряженно. Шаварш пробежал свой обычный перед тренировкой двадцатикилометровый кросс (это и есть разминка чемпиона), когда увидел невероятное: троллейбус в воздухе. А через несколько мгновений — в центре множества концентрических кругов — лишь ролики штанг. Мой друг, журналист Геннадий Бочаров, писал в своем очерке о Шаварше: «Поразительно: на решение, ставшее в его жизни самым значительным, он затратил лишь доли секунды, в то время как на несоизмеримо менее серьезные решения у него, как и у большинства людей, нередко уходят часы, дни, а то и недели. Здесь — миг». Оно и понятно — секунды Шаварша и Камо, конечно, отличаются от секунд большинства людей.

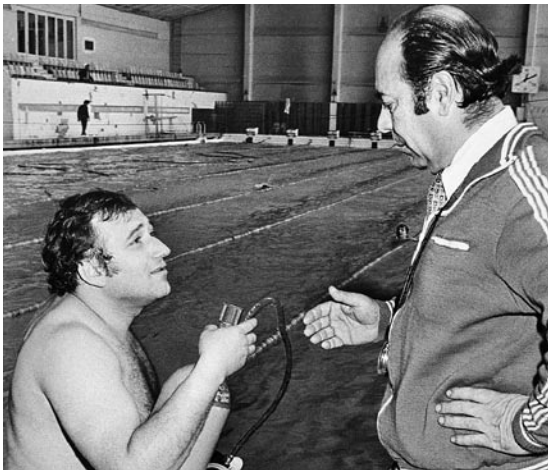
То, что два брата в это время оказались на берегу водоема, конечно, случайность. Как случайностью было и то, что в автобусе Шаварш оказался ближе всех к кабине водителя. Но вряд ли можно назвать случайностью, что первыми на место аварии подоспели оба брата. Они не были легкоатлетами, но бежали со скоростью спринтеров высокого класса. И через несколько мгновений уже были в воде. Два брата, два самых сильных подводных пловца земного шара оказались вместе там, где они, быть может, были нужнее всего. Братья были достойны друг друга. Незадолго до этого Шаварш в своем интервью корреспонденту «Молодежи Эстонии» сказал: «Из соперников в спринте для меня самый опасный — мой брат Камо». А накануне Шаварш установил свой десятый мировой рекорд, и лишь на секунду отстал от него Камо, пришедший к финишу вторым.

Троллейбус находился на глубине около десяти метров. Трудно нырнуть без акваланга на такую

←
Шаварш Карапетян на первенстве Союза по скоростному виду подводного плавания в Киеве, 1974 г.

↓
Брат Шаварша Камо перед заплывом





↑
Шаварш с тренером Липаритом Алмасакяном

глубину. Но братья Карапетян могли опускаться на тридцать метров с гаком. Редко кто может задержать дыхание под водой более чем на одну минуту. А они могли находиться под водой больше пяти. И, наконец, самое главное — скорость. К тому времени мировой рекорд в спринте, как уже говорилось, принадлежал Шаваршу. А, если можно так выразиться, вице-рекордсменом был его брат Камо. Нет, случайностью было только то, что братья оказались в тот миг там, где они были нужнее всего. Все остальное — закономерность. Как закономерно и то, что старший брат, зная свое, пусть минимальное, но превосходство, взял команду на себя. И всего-то четыре слова: «Я достаю — ты подбираешь».

В следующее мгновение Шаварш уже был на глубине десяти метров. Тьма, не видно ни зги. Надо было экономить все: воздух в легких, время поиска, сократить число тех мысленных команд, которые человек дает самому себе. Ухватившись за основание, на котором крепятся штанги, он ногами разбил одно из больших боковых стекол и оказался в троллейбусе, где находились потерявшие сознание от шока люди. В кромешной тьме, где все приходилось делать

В февральский день 1985 г. город мог остаться без СКК, которым ереванцы гордились, — это было ультрасовременное красивое здание, построенное всего год назад

на ощупь, невозможно было выбирать. Шаварш хватал первого попавшегося и стремительно поднимался вверх. Здесь Камо подхватывал бездыханное тело и тащил к подоспевшей уже спасательной лодке. А там, на лодке, свое великое дело делал тренер братьев Карапетян, известный специалист по подводному плаванию, к тому же имеющий немалые навыки по спасению людей на воде, Липарит Алмасакян. Тренер выводил людей из шокового состояния уже через несколько секунд после того, как они оказывались в его умелых руках. А Шаварш, набрав в широкую грудь воздуха, вновь погружался в воду. И единственная мысль была: «Не терять ни секунды!» ▸

Спасать! Спасти как можно больше людей! Рассчитывать на чью-либо помощь ему не приходилось. Никто, кроме него, не сможет сделать то, что делает он. Пробовали смельчаки, не получалось. Мог бы несколько погружений сделать Камо. Но тогда нарушился бы не только ритм спасательных работ, но ушло бы самое главное: надежность, уверенность. Ведь Шаварш смело спускался вниз, хорошо зная, что, если с ним что-то случится, рядом Камо, который сумеет прийти на помощь. И еще: очередного спасенного Камо подбирал не на поверхности, а под водой. Младший брат уже знал, откуда появится старший. И шел навстречу. И на последних метрах он со свежими силами шел к поверхности намного быстрее, чем уставший Шаварш. Опять же выигранные секунды. Секунды ценою в жизнь.

А в это время на берегу в густой толпе стоял Владимир Карапетян. Потом он скажет: «Сколько раз погружался в воду старший сын, столько же раз я невольно задерживал дыхание. Я умирал в тот день много раз. И воскресал».

Когда Шаварш появлялся на поверхности, чтобы после нескольких глубоких вдохов, вентилирующих легкие, набрать очередную порцию воздуха, тело его вмиг покрывалось красными подтеками: он весь был исцарапан и изрезан осколками разбитого оконного стекла.

Очередное погружение. Прошло ставшее привычным оптимальное время — около сорока секунд, а его все нет. Прошла минута — нет. Ушел под воду Камо. Еще полминуты. Нет обоих. Тысячи человек столпились на дамбе. Стояли, затаив дыхание. И только тогда возглас облегчения пронесся над толпой, когда на поверхности появились оба брата — со спасенным в руках.

Случилось же следующее: пассажир, несмотря на то, что был без сознания, инстинктивно ухватился за ноги своего спасителя, мешая ему продвигаться. Единственное, что нужно делать в таких случаях, это расслабиться. Тогда и отпустит тебя утопающий. Так Шаварш и сделал. Несколько раз погибающий человек цеплялся за него мертвой хваткой, и всякий раз чемпиону приходилось повторять все заново. Так были потеряны драгоценные секунды. Но это не просто и не только потерянные секунды. Они отняли слишком много сил у Шаварша.

Спасен восьмой. Десятый. Четко работает конвейер. Подошедшая вереница машин скорой помощи подбирает спасенных. Тут же им оказывается первая медицинская помощь. Вновь искусственное дыхание. Длинной иглой в сердечную мышцу вводится адреналин — и в больницу. Шаварш передавал брату спасенных людей как по эстафете. Камо — на лодку, к тренеру. Из лодки — в машину.

Всего-то прошло каких-нибудь десять минут, но уже двенадцать человек были вызволены из чудовищного плена. Правда, эти подсчеты велись позже. А тогда Шаварш видел, как на берегу появились подъемные краны, как пожарная и милицейская службы пытаются сделать самое главное — вытащить весь троллейбус из воды. Но пока укрепят краны, пока подадут трос, пока зацепят и поднимут всю махину, пройдет время. Много времени. И, превозмогая боль в теле, превозмогая невероятную усталость, он вновь и вновь погружается. В очередной раз он в салоне троллейбуса. Работает, как всегда,

На самое значительное в жизни решение он затратил доли секунды, в то время как на несоизмеримо менее серьезные решения у него уходят часы, дни, а то и недели

Как рыба в воде

Анализируя стиль Шаварша, специалисты по подводному плаванию отмечали, что прославленный чемпион чувствует себя как рыба в воде лишь тогда, когда рядом плывут достойные соперники: «Борьба с равным соперником делает из спорта поэзию». Не было такого случая, чтобы, показав одинаковое время в разных заплывах с главными соперниками, он не выиграл бы у них в решающем. 17 августа 1973 года «Правда» сообщила, что на чемпионате Европы Шаварш Карапетян и Владимир Конь в основных заплывах показали одинаковое время в нырянии на 50 метров. «Был назначен дополнительный заплыв, в котором победил Карапетян». Аналогичный случай произошел в марте 1975 года. «Вечерний Ленинград» писал тогда, что Шаварш Карапетян и Станислав Копайгородский в своих заплывах показали одинаковое время, равное прежнему мировому рекорду Шаварша. «В дополнительном поединке за первое место ереванец сумел развить еще большую скорость, установив новый мировой рекорд». В сентябре 1975 года Шаварш Карапетян в очередной раз отстоял звание чемпиона Европы. Тогда ему было двадцать два года. В чемпионате приняли участие пловцы из шестнадцати стран. Французская пресса назвала успех армянского пловца феноменальным. А результаты, показанные на 100- и 800-метровой дистанции — фантастическими. Специалисты писали о Карапетяне: «Техника плавания отшлифована до мельчайших деталей. Каждый удар моноласты подобен удару хвостового плавника большой рыбы и быстро продвигает спортсмена вперед. Он знает точно, сколько раз нужно взмахнуть моноластой, чтобы пройти ту или иную дистанцию. Это мастер высочайшего класса».

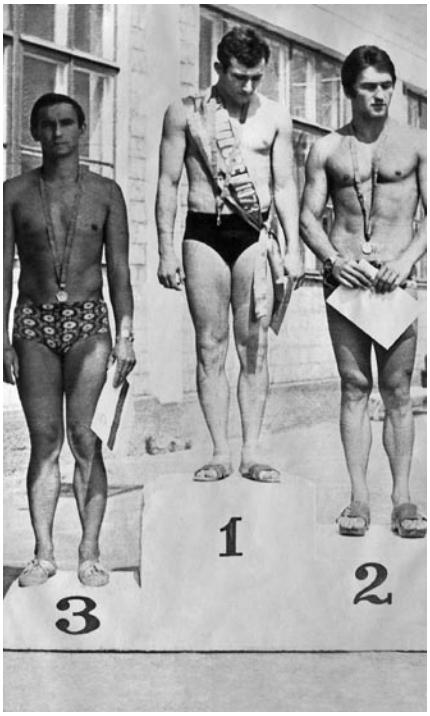
на ощупь. Взял на себя тело. Поднялся на несколько метров. Чувствует: что-то не то. В руках у него — огромный черный матрац от сиденья. Кому-то этот матрац стоил жизни.

Шаварш готов был вытащить всех. Но время, как ни сжимал его рекордсмен мира по спринту, делало свое дело. Люди умирали. Когда он передавал в руки брата очередного пострадавшего, ему сказали, чтобы он помог зацепить троллейбус тросом. Шаваршу понадобилось выбить еще одно стекло: надо было с тросом в руках пролезть в салон, проплыть под потолком, выйти на другую сторону. Затем — вновь подняться наверх, таща за собой отяжелевший стальной трос. И когда огромный и очень страшный троллейбус медленно вылезал из воды, выплевывая в разные стороны потоки мутной воды, Шаварш начал терять сознание. Оказалось, в воде он чувствовал себя куда лучше. Но стоило изрезанному телу соприкоснуться с воздухом, как появилась режущая боль. Ноги свело судорогой. Дала о себе знать резкая перемена температуры. Двадцатикилометровый бег, разгоряченное тело и вслед за этим холодная вода и бесконечные погружения.

Сорок пять дней пролежал Шаварш в постели. Воспаление легких. Сепсис. Полтора месяца не спадала температура. Все эти дни и ночи не отходила от сына мать — Асмик Карапетян. Температура почти все это время держалась на уровне сорока градусов. Лишь на сорок шестой день спортсмен пришел в сознание. Долго не мог ничего понять. Ощупал ноги и поразился. Тонкие, как плети. Он же привык к таким сильным, упругим мышцам, и вдруг — словно их и не было никогда.

Пробует встать — не может. Попросил зеркало, мать не дала. Он не настаивал. А она плакала, глядя на сына.

Братья Карапетян вытащили из воды более двадцати человек. Но лишь двадцать, ровно



↑
Злополучный троллейбус, извлеченный из воды

двадцать удалось вернуть к жизни. Многие из них приходили к Карапетянам домой. Их успокаивали, говорили, что Шаварш болен и навестить его пока невозможно. Другие очень долго не знали, что их спасли именно братья Карапетян и Липарит Алмасакян. И немудрено. Людей без сознания доставляли в больницу. Сами врачи, оказывающие помощь, понятия не имели, что их неожиданных пациентов вытащил из воды один человек. Все были уверены: ведется слаженная работа профессиональных спасателей. Я читал пухлый том, составленный специальной комиссией. Там, между прочим, есть фотография: из воды появляется троллейбус. А чуть поодаль стоит в плавках Шаварш Карапетян. Я присмотрелся — едва держится на ногах. И знаю: через секунду-другую он потеряет сознание.

Золотая рыбка

На пятидесятый день Шаварш стал ходить по комнате. На пятьдесят седьмой вышел на улицу. Через два месяца он уже тренировался в городском бассейне. К концу третьего месяца, перед самым Новым годом, — спортивные сборы в Цахкадзоре. В середине марта в розыгрыше Кубка страны он решил взять старт. Никто не знал, по какой причине вот уже полгода Шаварш не участвует в соревнованиях.

За это время прошло несколько международных состязаний. Но имени прославленного спортсмена не оказалось ни в списках чемпионов, ни в списках призеров. Не было его и среди участников. Я, например, думал, что парень просто, как говорится, сошел с дистанции. Сгорел. Сказал свое слово в спорте и ушел. Иногда в спорте двадцать три года — это возраст. Особенно в плавании. Да и потом, спортивные звезды, они ведь действительно чем-то напоминают падающие звезды, метеоры. Яркая вспышка, яркий хвост на небе и... след простыл.

Никто в то время не знал, что произошла такая история, ведь об этом тогда не написали! Никто не подозревал, что после воспаления в легких образовались спайки, и каждый глубокий вдох спортсмену давался с трудом (на высоте вдоха спайки натягивались, вызывая боли и удушающий кашель). Шаварш скрывал это не только от родных и близких, но и от себя. Жаждал борьбы. Хотел победы. И как никто другой понимал: это конец спортивной карьеры. Шаварш мечтал, чтобы в одном с ним заплыве оказались претенденты на чемпионский титул Анатолий Серьгин и Анатолий Каразаев. Но жребий по-своему решил состав участников каждого заплыва.

На табло красовалась цифра 3 минуты 11,1 секунды. Это был рекорд мира. Несколько раз

Досье

Шаварш Карапетян родился 19 мая 1953 г. в Кировакане, ныне Ванадзор.
Семикратный чемпион СССР, 15-кратный обладатель Кубка СССР, 11-кратный рекордсмен мира, 17-кратный чемпион мира, 13-кратный чемпион Европы. Лучший подводный пловец планеты.
Был удостоен премии Международного Олимпийского Комитета «За честную игру» (Fair Play).
После того как Шаварш Карапетян оставил спорт, он переехал из Армении в США, а затем, в 1993-м, — в Россию. Здесь занялся бизнесом, открыв обувную мастерскую «Второе дыхание».
Сегодня Шаварш Карапетян — почетный президент Российской ассоциации подводного плавания. Четыре года назад юношеские соревнования по подводному спорту в России переименовали в соревнования им. Ш. Карапетяна.
В 2007 году был создан Фонд Шаварша Карапетяна, который будет заниматься благотворительной деятельностью.
Его именем названа одна из малых планет.

цифра передавалась по трансляции. Диктор рассказывал об этапах установления рекорда на дистанции 400 метров с аквалангом. Не преминул сказать и о том, что наибольшие шансы на победу, а возможно, и на установление нового мирового рекорда имеют Серьгин и Каразаев, ибо прославленный чемпион Шаварш Карапетян, судя по всему, не в лучшей спортивной форме: последние международные соревнования прошли без него.

Шаварш очень переживал: жребий развел его с основными претендентами. Значит, бороться придется с самим собой. И не дай бог показать одинаковое с соперниками время. Если это случится, он не сможет выдержать дополнительного заплыва. Никто не знал о его состоянии. Он готовился не просто к старту — к последнему старту.

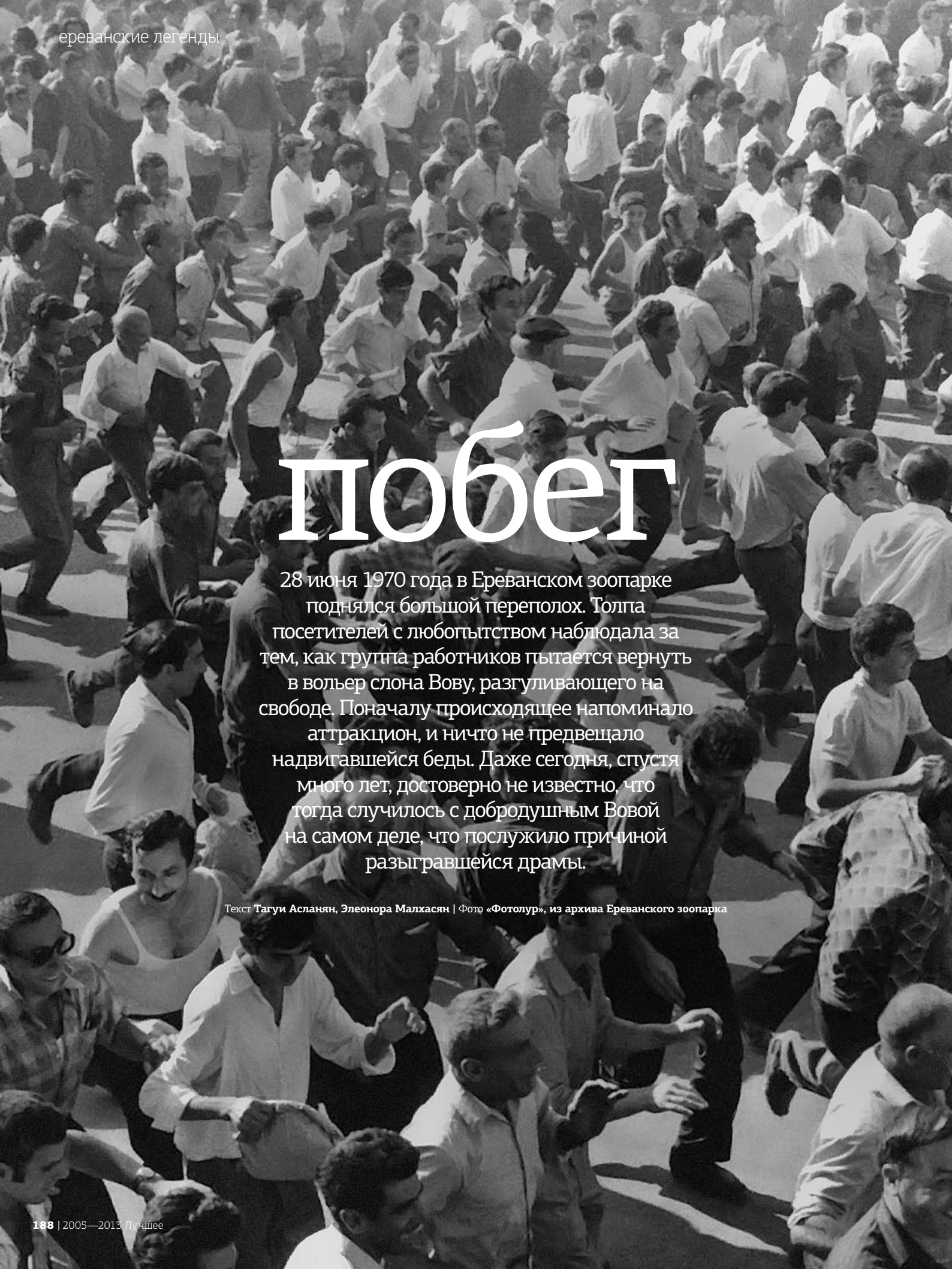
В первом заплыве победил один из самых опытных спринтеров мира Анатолий Серьгин. Последние метры спортсмен плыл при невероятном шуме. Зрители уже смотрели не на пловца, а на табло с секундомером. Спортсмен шел с опережением графика мирового рекорда. Когда рядом с цифрой 3 минуты 11,1 секунды появились 3 минуты 11,0, все вскочили со своих мест, словно по команде. И когда диктор объявил, что во втором заплыве по той же счастливой дорожке плывет Анатолий Каразаев, зрители уже не садились на свои места. Чем черт не шутит? Вдруг удастся увидеть собственными глазами на одной и той же дорожке рождение двух рекордов планеты! Каждый удар моноласты приближал Анатолия Каразаева к рекорду. В этом уже никто не сомневался, когда спортсмен вышел на последнюю прямую после последнего переворота. Он оттолкнулся от борта и под неистовый рев трибун пришел к противоположному берегу с новым мировым рекордом. На табло появилась цифра: 3 минуты 09,5 секунды.

В третьем заплыве стартовал Шаварш. Все та же счастливая дорожка. Он думал только о том, чтобы вдруг не подвели легкие. Чтобы вдруг не начался острый приступ кашля. Чтобы вдруг по телу не пошли красные пятна. После сентября прошлого года с ним это случалось не раз. Аллергия. Он не может долго находиться в воде. Надо же быть такому! Человек, которого спортивные журналисты во всем мире называли Золотой Рыбкой, не мог долго оставаться в воде... Впрочем, в жизни действительно случается такое. Бетховен лишился слуха. Врубель потерял зрение, рекордсмен мира по прыжкам в высоту Брумель сломал ногу. И вот превосходный пловец не может долго находиться в воде. После четырехсот метров его начинает мучить аллергия. Значит, надо как можно быстрее пройти свои последние четыреста метров. Пройти до того, как схватит кашель и тело покроется пятнами.

Когда огромный и очень страшный троллейбус медленно вылезал из воды, выплевывая в разные стороны потоки мутной воды, Шаварш начал терять сознание

И Шаварш плыл стремительно как никогда. Он не слышал гула трибун. Он не слышал, как кричит его родной брат, который лучше, чем кто-либо, знал график мирового рекорда, возможности старшего брата и то, что может с ним случиться.

И когда Шаварш коснулся стенки бассейна, Камо прыгнул в воду. Он знал: старший брат не сможет сам выйти из воды. Он видел яркие красные пятна на широких плечах Шаварша. Братья обнялись. Обнялись в воде. И Шаварш, прижавшись к младшему брату, не мог справиться с приступом кашля. Гул не прекращался. В воду полетели цветы. Шаварш не понимал, что происходит. Он не знал, что установил новый мировой рекорд: 3 минуты 06,2 секунды. Его одиннадцатый рекорд. Последний. Мир приветствовал великого спортсмена. Приветствовали его миллионы людей плюс двадцать спасенных жизней, которые и стали самым главным рекордом братьев Карапетян. ■

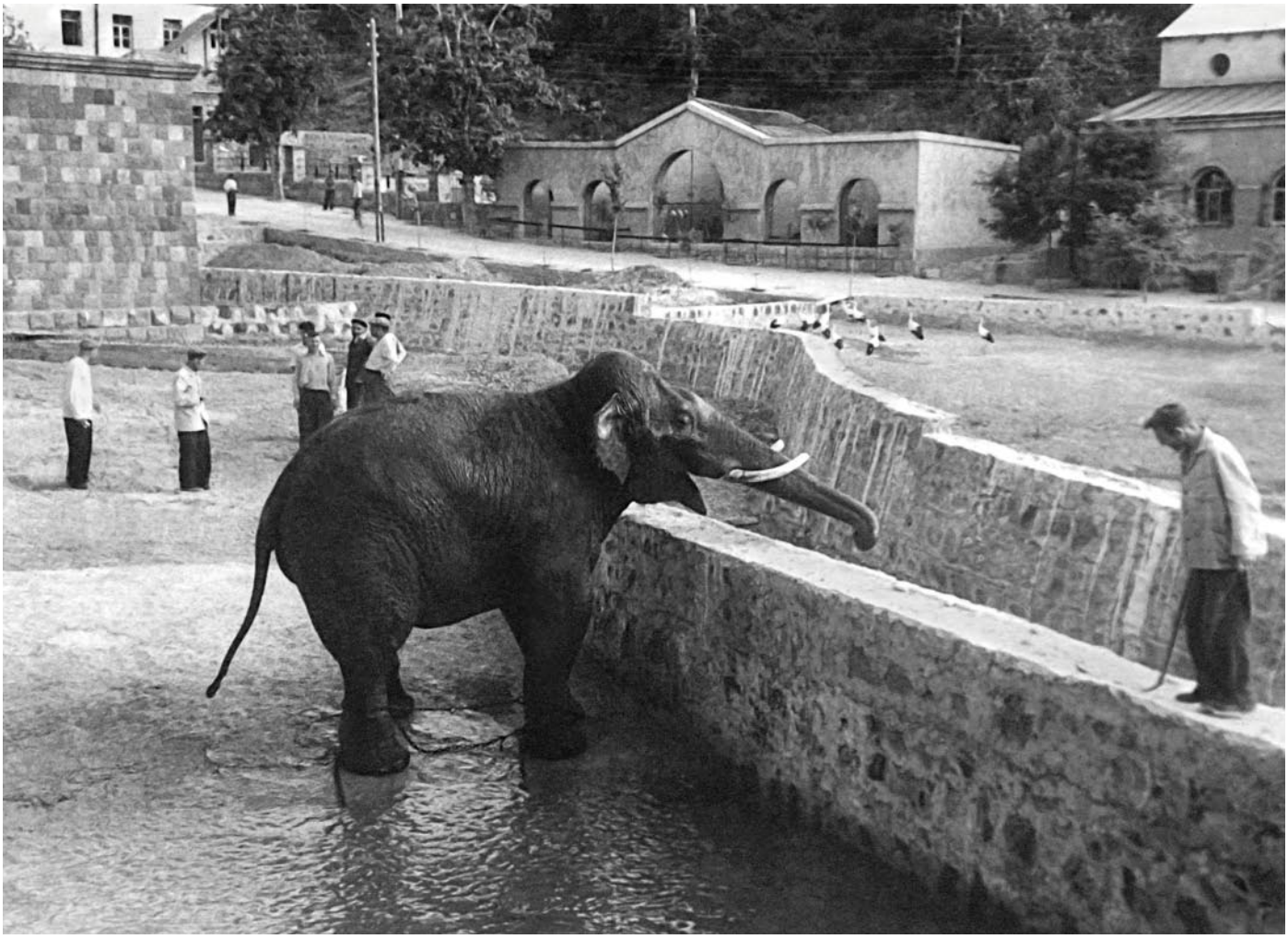


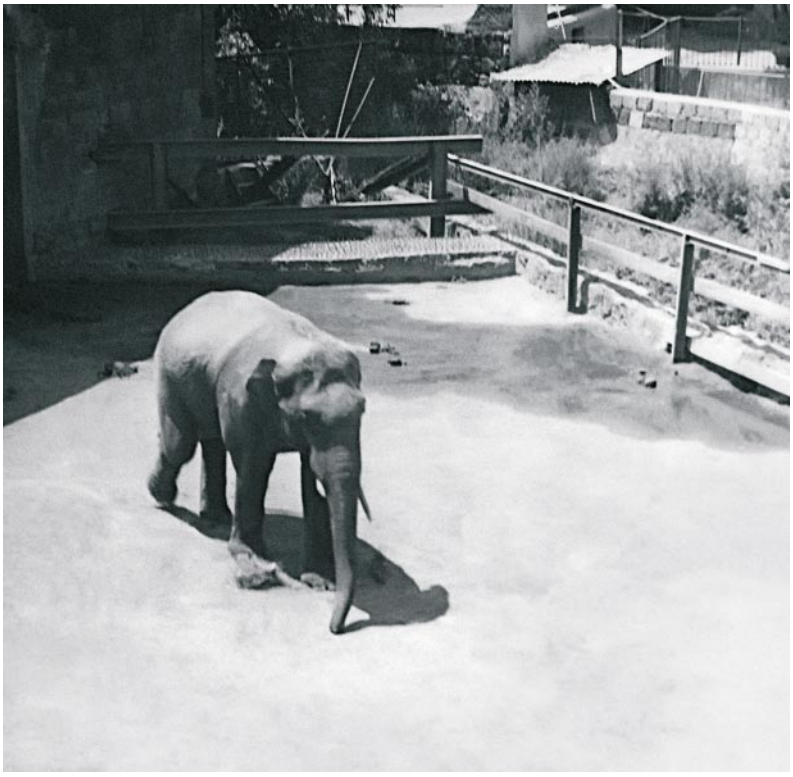
побег

28 июня 1970 года в Ереванском зоопарке поднялся большой переполох. Толпа посетителей с любопытством наблюдала за тем, как группа работников пытается вернуть в вольер слона Вову, разгуливающего на свободе. Поначалу происходящее напоминало аттракцион, и ничто не предвещало надвигавшейся беды. Даже сегодня, спустя много лет, достоверно не известно, что тогда случилось с добродушным Вовой на самом деле, что послужило причиной разыгравшейся драмы.

Текст **Тагуи Асланян, Элеонора Малхасян** | Фото **«Фотолур», из архива Ереванского зоопарка**

Родиной слона Вовы была Индия. Когда ему исполнился год, его перевезли в Советский Союз. Сначала слоненок получил временное пристанище в России, потом — в одном из зоопарков Украины. Последнее его обиталище отличалось от других подобных заведений тем, что на его базе организовывались цирковые представления, и Вова стал их неизменным участником. Однако особыми артистическими данными он не обладал и, как бы усердно ни занимался с ним дрессировщик Иван Щербань, научился исполнять лишь самые примитивные задания. Но за это время Иван так привязался к животному, что постоянно возил его с собой на гастроли и пытался убедить руководство зоопарка, что лучшего циркового артиста найти невозможно.
Когда началась Великая Отечественная война, цирк при зоопарке перестал действовать, а животных срочно распределили по разным городам Советского Союза. На Украине остался только Вова — из-за гигантских размеров его не удалось вовремя эвакуировать. Для перевозки такого исполина требовалось транспортное средство большой грузоподъемности, которое в условиях начавшейся войны трудно было отыскать: не до слонов было тогда. Но Украину надо было срочно покидать, и Иван вместе со своим подопечным пешком двинулся на юг. Вместе они прошли долгие дороги, пережили немало голодных и холодных дней, бессонных ночей. На одной из станций эти странные путники попали под обстрел «Мессершмитов». Слон осторожно, чтобы не раздавить Ивана, прикрыл его своим массивным телом. Может, тогда Иван впервые почувствовал себя защищенным рядом со своим другом. Спустя годы он рассказал об этом случае одному из русских прозаиков, и тот включил в свои воспоминания трогательную историю этой удивительной дружбы.





***

Осенью 1941 года дрессировщик и слон добрались до Еревана, и Вову поселили в еще только строящемся зоопарке. Вскоре Ивана отправили на фронт, но не успел он доехать до Ростова, как пришло срочное предписание. В нем говорилось, что Иван должен немедленно вернуться в Ереван, потому что слон категорически отказывается подчиняться кому-либо другому. Иван вынужденно вернулся, и с тех пор они уже никогда не расставались. Слон спокойно гулял по территории зоопарка, повсюду ходил за своим хозяином и очень нервничал, когда тот исчезал из поля его зрения. Он подсоблял Ивану по хозяйству, сторожил склады, а когда сооружали его новый вольер, помогал рабочим перетаскивать стройматериалы. Подобно няне, он присматривал за обеими дочерьми Ивана, а детишек из окрестностей усаживал на спину и устраивал им прогулки по зоопарку. Но когда кончилась война, слона заперли в вольере, поскольку зоопарк уже открыл свои двери для посетителей. Вольная жизнь закончилась. Теперь добродушный великан часами стоял в своей маленькой «квартирке», чтобы посетители смотрели на него, радовались и восхищались им.

Слон подсоблял Ивану по хозяйству, сторожил склады, помогал рабочим, сооружавшим вольер, перетаскивать стройматериалы

***

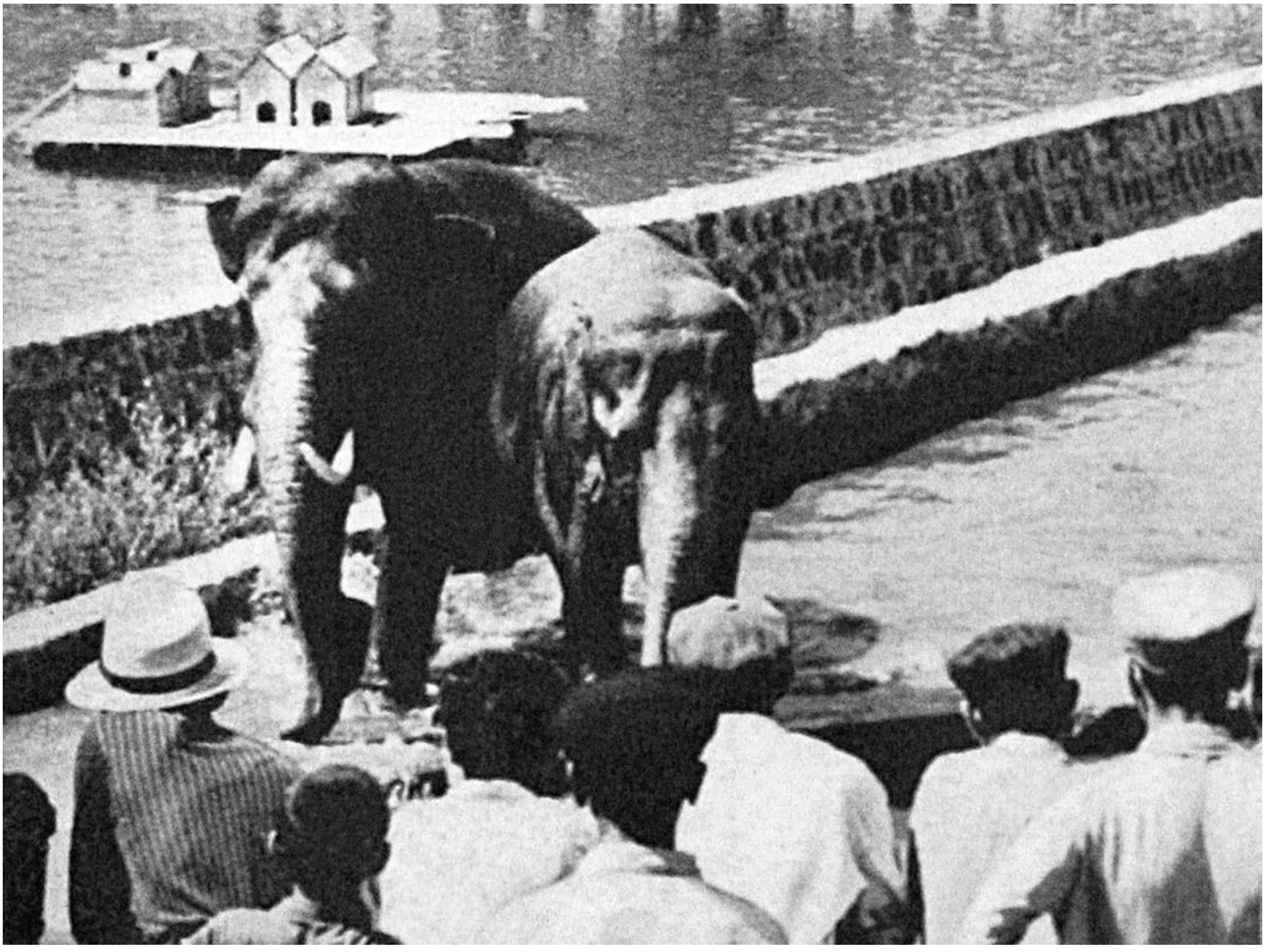
30 лет слон прожил в ереванском зоопарке, забавляя взрослых и детвору. За эти годы Вова вырос, возросли и его потребности в пище. Но не изменились нормы содержания животных в зоопарках: и вольер, и ежедневный рацион слона остались прежними. В СССР животных содержали в зоопарках для развлечения посетителей, а не для того, чтобы восстанавливать природные популяции или сохранять вид в неволе. Даже в цирках жизнь их была предпочтительнее — они больше двигались и их лучше кормили. Вове приходилось самому искать себе еду. Напротив его вольера было много растительности, и он срывал и съедал все подряд, расчищая от зелени территорию на расстоянии вытянутого хобота.

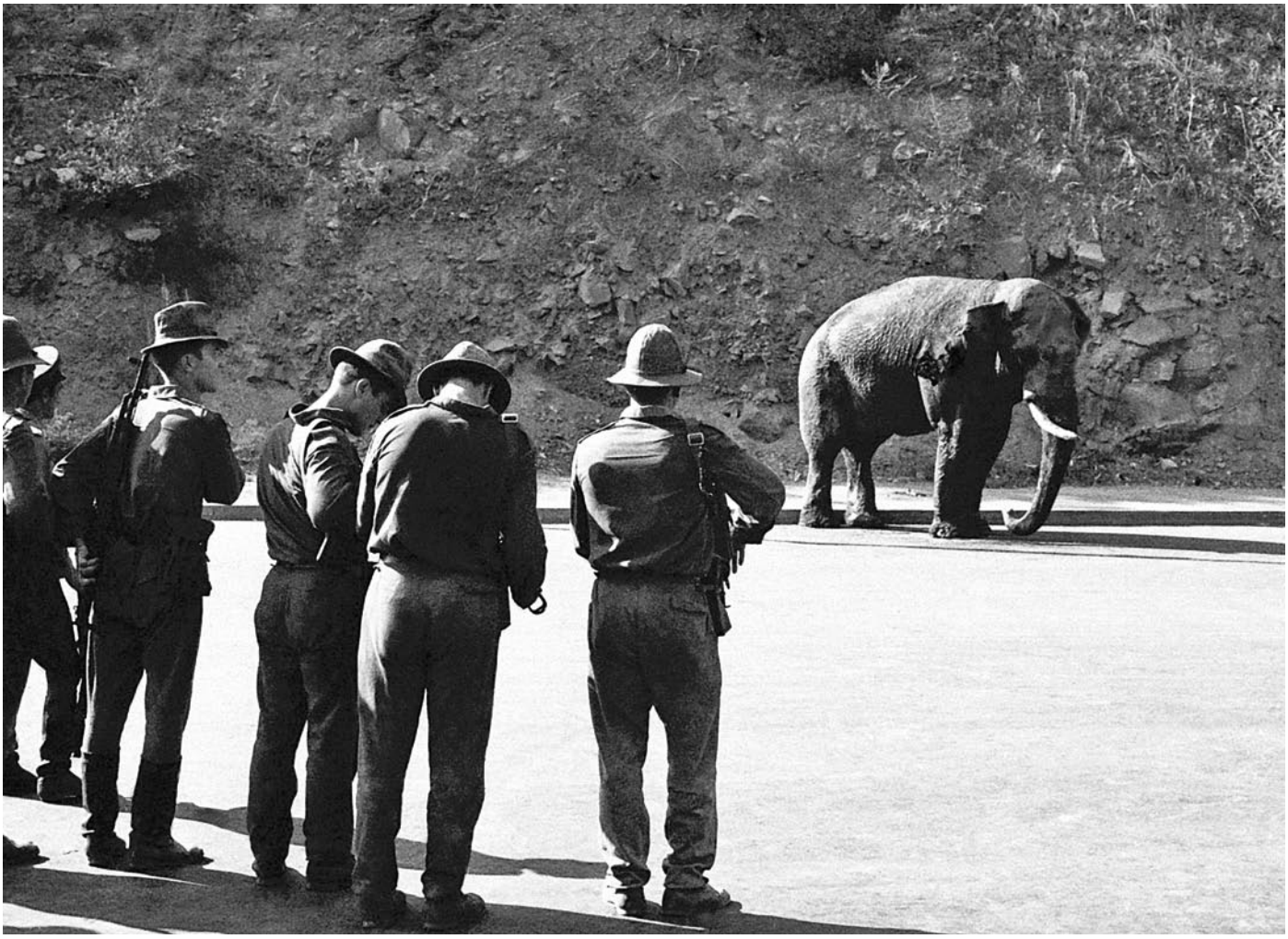
Его первый побег был неожиданным. Слон разнес один из бордюров вольера и, вырвавшись из плена, стал подниматься по склону горы, жадно поедая траву. В тот раз его вернули в зоопарк, правда, Ивану пришлось здорово попотеть. Это происшествие стало своеобразным сигналом — работники зоопарка поняли, что он живет впроголодь. Одако увеличить паек не было никакой возможности — ереванский зоопарк снабжался строго ограниченным количеством продуктов. И тогда был найден весьма своеобразный выход из положения. По негласному соглашению бордюр вольера решили

Заперев слона, Иван вернулся к друзьям. И только утром выяснилось, что Вова вновь вырвался наружу и уже не подчиняется никому

не восстанавливать, чтобы животное могло иногда выходить на волю. Ближе к вечеру Иван шел к подножию горы, и они с Вовой тихо и мирно возвращались в зоопарк. За время «нелегальных» вылазок слона никаких чрезвычайных происшествий зафиксировано не было. До 28 июня 1970 года.

В тот день Вова, как всегда, поднялся на гору полакомиться свежей травой. Но в привычное время Иван за ним не пришел — сотрудники зоопарка в тот день отмечали какое-то событие и о слоне вспомнили, когда уже стемнело. Спохватившись, Иван поспешил к Вове, однако возвращаться они стали не по знакомой дороге, а по другой, которая освещалась электрическими фонарями. Слон то и дело задевал фонарные столбы. Позже была высказана версия, что, возможно, он получил легкий электрический удар, но тогда такое никому и в голову не пришло. Заперев слона в вольере, Иван вернулся к друзьям. И только утром выяснилось, что Вова вновь вырвался наружу и уже не подчиняется никому. Когда работники попытались затащить слона в вольер с помощью водовоза, он разорвал тяжелую цепь, привязанную к ноге, и изо всех сил стал бить хоботом по клеткам и ограждениям. Так, сметая все на своем пути, он шел к выходу из зоопарка. Работники решили, что применять крайние меры не нужно, потому что были убеждены: Вова не опасен и вскоре уймется.





***

Когда Вове еще позволялось свободно расхаживать по ереванскому зоопарку, у него появилось любимое занятие. Машины, ехавшие по трассе, часто останавливались возле зоопарка — кто не мог преодолеть крутой подъем, у кого бензин в баке заканчивался. Пассажирам приходилось выходить из автомобиля и толкать его. Вова научился им помогать. Этому уже не удивлялся никто. Казалось, все в порядке вещей — подумаешь, слон пришел на помощь! Иногда он входил в азарт, и весь день толкал лбом «Виллисы» и «Студебекеры», независимо от того, была в этом необходимость или нет. Вот и в тот день, выйдя из зоопарка и оказавшись на проезжей части, он начал подбегать к машинам, что вызвало у многих естественную панику. Слон тем временем заметил троллейбус и принялся толкать его — уткнулся лбом в заднюю его часть, образовав в ней вмятину. Можно себе представить, что пережили люди, сидевшие в салоне! Водитель троллейбуса, набрав скорость, резко сорвался с места. Никто из пассажиров не пострадал, а вот Вова, с досады поддев чью-то легковушку, повредил себе бивень. В собравшейся вокруг толпе никто не знал, что слон со сломанным бивнем переживает жуткую боль и становится неуправляемым и агрессивным...

***

Информация о сбежавшем из зоопарка слоне дошла до ереванского Городского совета. Было решено принять экстренные меры, тем более что серый гигант направился в сторону железнодорожного моста, то есть приближался к самому центру города. Единственное, о чем тогда думали городские власти, — это как можно быстрее загнать животное обратно в зоопарк, чтобы оно не нанесло никому вреда.

В целях безопасности грузовыми автомашинами были перекрыты все дороги, ведущие к центру города и к жилым кварталам Нор Норк и Аван. Разъяренный слон в сопровождении огромной толпы устремился вниз по проспекту Мясникяна. При опасном сближении люди пытались отогнать беглеца, бросая в него камнями. Ситуация выходила из-под контроля — надо было спасать друг от друга слона и людей. Попытки правоохранительных органов разогнать толпу были безуспешны.

У железнодорожного моста по приказу властей уже расположились вооруженные солдаты, которые ждали приказа стрелять на поражение. Но ереванские власти долго не решались идти на крайние меры. Во-первых, жалко было всеобщего любимца, во-вторых, Вова как-никак был вторым

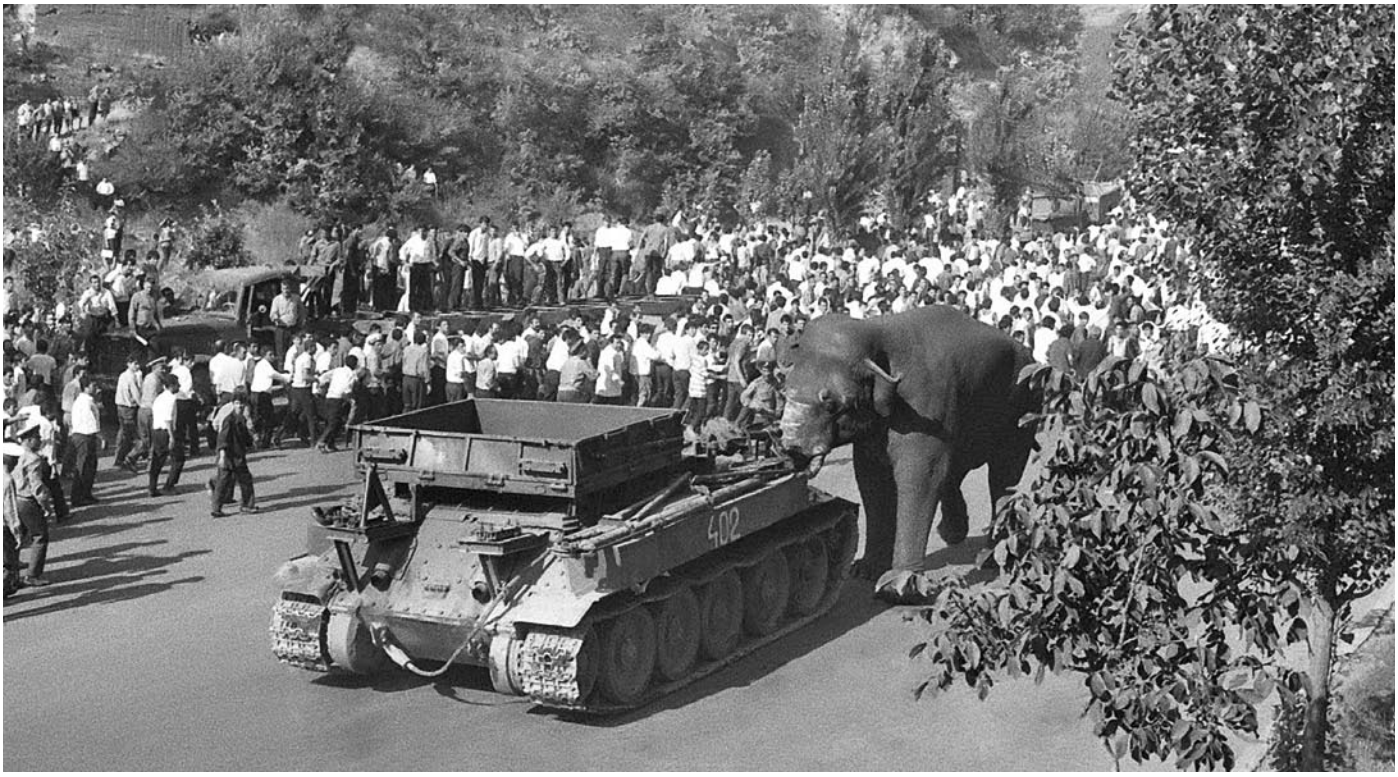
по величине слоном на территории Советского Союза. Но вести о случившемся за считанные минуты долетели до соответствующих органов в Москве. И там было принято решение остановить взбунтовавшееся животное, невзирая на средства. Это был приговор. Но работники зоопарка всячески отговаривали солдат стрелять и старались любой ценой вернуть Вову в вольер. Однако тот уже не подчинялся даже Ивану, который был в полной растерянности — казалось, он не совсем понимал, не верил в происходящее. Верному другу угрожала смертельная опасность, а он не в силах был ему помочь... Солдаты вновь получили приказ стрелять. И автоматные курки были спущены. Пули бились о скалы и рикошетом могли попасть в людей, поэтому стрельбу практически сразу прекратили. Но несколько пуль поразило слона в голову, тяжело ранив его, отчего он еще больше озверел и стал метаться из стороны в сторону.

***

В тот самый день из Германии в Ереван вернулся директор зоопарка Тадевос Еганян.

Иван был в полной растерянности. Верному другу угрожала смертельная опасность, а он не в силах был ему помочь...

По иронии судьбы там ему хотели преподнести особый подарок — ружье-инъектор, с помощью которого в случае необходимости животным можно ввести снотворное и таким образом временно их обезвредить. Но директор отказался — то ли был уверен, что это им не пригодится, то ли подарок был слишком дорогим. Узнав о случившемся, он понял, насколько серьезную совершил ошибку: теперь вернуть Вову в зоопарк можно было лишь с помощью тягача. Огромная гусеничная машина устремилась на несчастное животное. Увидев приближающийся тягач, слон побежал в сторону зоопарка. Казалось, появился шанс, что все завершится благополучно, но, добравшись до ворот, слон отказался войти в них. Раненое животное пробовали втолкнуть на территорию зоопарка тягачом, но оно не сдвинулось с места. Начался настоящий поединок



слона с машиной. Но после нескольких ударов по ногам силы раненого Вовы иссякли, и он свалился замертво...

Когда слон грохнулся на землю, рядом с ним без сознания упал и Иван, и потом еще долго лежал в больнице — случившееся стало для него тяжким испытанием. Потом, спустя год, он лично привез из Бреста в Ереван нового слона для зоопарка. Но разве тот мог заменить ему друга?! Так, за первой трагедией последовала вторая: через несколько лет после описываемых событий Иван погиб в вольере нового слона, когда тот напал на него в приступе ярости.

***

Споры об истинных причинах гнева, обуявшего Вову, продолжаются по сей день. Говорят, после вскрытия выяснилось, что в почках у слона были камни, которые в тот день зашевелились, причинив ему ужасную боль. По другой версии, странное поведение слона могло быть вызвано отсутствием самки. В 1953-м из Германии ему привезли подругу — Тикки. Но после 15 лет совместной жизни Тикки заболела и умерла. Словом, во время описываемых событий Вова был одинок. Однако большинство ветеринаров все же не связывают бешенство слона с его одиночеством и основной причиной считают поврежденный бивень. При этом практически все сходятся во мнении, что к трагедии привел ряд роковых ошибок, которые были допущены в ходе операции по возвращению бунтаря в вольер.

***

Несмотря на то, что свидетелями смерти Вовы было множество людей, на следующий день после происшествия центральные газеты сообщили о том, что «бежавшего из зоопарка слона благополучно вернули обратно, и в настоящее время он находится в своем вольере». В СССР невозможно было признать, что Советская армия убивает любимца всех детей, пусть даже разъяренного и неуправляемого... В отсутствие публикаций в прессе эту историю, ставшую одной из легенд Еревана, жители столицы пересказывали друг другу не один десяток лет — всяк на свой лад. И каждый раз она обрастала новыми подробностями. Но неизменным в этих рассказах было и остается одно — трогательная любовь к слону и так и не покинувшее ереванцев чувство вины от того, что такое случилось именно в их городе. ■

ковры-невидимки

Поистине чудесен город Ереван. И не только своими улицами, архитектурными и историческими памятниками, теплой атмосферой и неповторимым колоритом. Здесь часто случаются истории, которые иначе как чудом и не назовешь. Одну из таких любит вспоминать полковник в отставке Службы национальной безопасности РА Генрих Айрапетян.

Записала **Элеонора Малхасян**

Я коренной ереванец. Семья наша жила в самом центре города — на улице Раффи. В 30-е годы, когда Раффи сочли писателем не очень актуальным, ее переименовали в честь другого армянского писателя — Ованеса Туманяна. Позже ей присвоили имя реабилитированного в 50-е годы бывшего Председателя Совнаркома Армении Саака Тер-Габриеляна и, наконец, теперь — древнеармянского историка Езника Кохбаци. Но я до сих пор считаю себя парнем с Раффи.

Самым красивым местом этой улицы был наш двор — большой, образованный трех— и четырехэтажными зданиями. Здесь жило около двухсот семей разных национальностей, вероисповеданий, взглядов, обычаев. Подавляющее большинство жителей двора составляла интеллигенция — представители науки и искусства. В разное время здесь проживали архитекторы Торос Тороманян и Джим Торосян, литературовед Арутюн Чугурян, актер-чтец Владимир Абаджян, директор Картинной галереи Армении Александр Тер-Габриелян, ректор Ереванского медицинского института Вилен Аствацатурян и многие другие. Самым уважаемым жителем двора был наш садовник, добряк Хаджи-Айк, который в 1932 году переехал в Армению из Греции. Он рассказывал, что прошел пешком из Афин в Иерусалим — к могиле Христа, а в доказательство показывал особую татуировку на левой руке. С появлением Хаджи-Айка наш двор стал еще красивее. Все еще спали, а он и его супруга уже поливали деревья и цветы, которые сами и посадили. А еще в нашем дворе жили двое воров в законе — Алеш и Було. Их присутствие гарантировало спокойствие и порядок. Именно поэтому «ковровая» лихорадка, от которой трясло весь город, нас миновала.

Мне было девять, когда я впервые услышал эту историю. Придя домой из школы, я увидел во дворе соседей, громко обсуждавших последнюю городскую новость. «А вы слышали, что с балконов третьих этажей непонятным образом стали пропадать

ковры?» — начал разговор Хаджи-Айк. Остальные ему не поверили: «Да не может такого быть, как это они могут пропадать с верхних этажей?» — «Очень даже может быть, — вмешалась активная тетя Гоар. — Сегодня я уже слышала эту историю. На рынке». Эта новость и в последующие дни смаковалась в нашем милом, уютном дворе. Обсуждали ее и в школе. Что случалось с коврами, никто понять не мог. Знали только, что исчезают старинные ценные ковры, преимущественно с центральных улиц города, из-под носа блюстителей порядка. Последний раз они загадочно испарились с балкона здания, которое находилось возле Первого отделения милиции (ранее — площадь Азизбекова, ныне — Сахарова). Тайна их исчезновения тогда так и осталась неразгаданной. Вернее, так полагали обычные жители города.

С тех пор прошло немало лет. С 1951 года я стал работать в органах внутренних дел Армянской ССР и познакомился с заместителем начальника Республиканского управления милиции полковником Хачиком Абраамяном. Однажды после работы мы решили пройтись пешком. Добрались до площади Азизбекова, и вдруг Абраамян говорит: «Здесь в тридцатые годы пропадали ковры». Мне вспомнилась услышанная в детстве история и я попросил его рассказать об этом поподробнее.

У старых ереванцев было много ценных ковров, их выбивали и вывешивали на балконах вторых-третьих этажей. Дома в городе были в основном глинобитные, одноэтажные, с плоскими крышами. Двух-, а тем более трехэтажных домов было мало и в них проживала городская знать. Ковры на показ всем оставляли на перилах узорчатых деревянных балконов. Каждая хозяйка хотела продемонстрировать, какими дорогими персидскими или армянскими коврами («вишапагоргами») она владеет. И вдруг они стали исчезать.

Начальник Первого отделения милиции Еревана капитан Шахгельдян решил разгадать эту загадку. Он жил на улице Гнуни (ныне Вардананц). Со стороны улицы у него был деревянный балкон. На ночь в качестве приманки он вывесил на перила свой собственный (единственный) дорогой хорасанский ковер, в подвальном помещении напротив дома посадил милиционеров, которые должны были наблюдать за происходящим. Горе-наблюдатели проснулись ночью от истошного крика начальника, который стоял на балконе и размахивал руками — ковра уже не было. Уставшие милиционеры, которые договорились спать по очереди (каждый клялся, что дремал не более пяти минут) пропустили момент исчезновения ковра. Капитан Шахгельдян, уверявший, что вообще не спал этой ночью, слышал лошадиный цокот и скрип проезжавшего по улице фаэтона.

В уголовном розыске возникло несколько версий. (Среди них была и такая: ковры похищали воры-акробаты, но она отпала — речь шла о третьем этаже.) Забраться на балкон через крышу также было невозможно. Разгуливать с четырехметровой лестницей глупо. Было еще предположение, что, возможно, кража совершается пожарной командой при помощи длинной передвижной лестницы. Организовали вторую засаду. Еще один дорогой ковер повесили на балконе третьего этажа, а напротив установили закрытый пост для трех сыщиков НКВД,

Сурен Манвелян

Досье

Генрих Айрапетян родился в 1926 году в Ереване.

1957 г. — окончил юридический факультет Ереванского государственного университета.

1959—1963 гг. — начальник Эчмиадзинского отделения КГБ Армении.

1964—1967 гг. — начальник Ленинаканского отдела КГБ Армении.

1974—1988 гг. — начальник Ереванского отдела КГБ Армении.

С 1987 г. — помощник Первого секретаря ереванского Горкома КП Армении по военно-мобилизационной работе.

С 1988 г. — заместитель директора по режиму и кадрам Ереванского приборостроительного завода «Базальт» Министерства судостроительной промышленности СССР.

1993—2003 гг. — старший преподаватель-консультант Высших курсов Министерства национальной безопасности РА.

в числе которых был и мой собеседник, тогда еще молодой сержант Хачик Абраамян. На третьи сутки, поздно ночью милиционеры услышали цокот копыт. По улице ехал фаэтон с погашенными фонарями. Остановился под балконом, из него вышли двое, прихватив с собой мешок. Один начал выделывать руками какие-то странные движения, напоминавшие физзарядку, и ковер стал... медленно сползать с третьего этажа. Когда он шлепнулся на землю, милицейский наряд и задержал воров.

Ими оказались братья Мовсесовы — «гастролеры» из Тбилиси. В мешке они держали двух дрессированных сиамских котов. Один из братьев кидал кота с привязанной к нему веревкой вверх. Животное инстинктивно цеплялось длинными острыми когтями за ковер, а снизу начинали тянуть веревку, пока кот вместе с ковром не приземлялся на мостовой. Если ковер был большим, в ход шел второй кот. При обыске в подвале ереванского дома Мовсесовых было обнаружено 5 ковров, среди которых и тот самый, хорасанский, принадлежавший начальнику милиции Шахгельдяну. ■

столбы мироздания

Текст **Эдуард Аянян** | Фото **Арнос Мартиросян**

Начало моей сознательной жизни совпало с переездом в новый дом. Хотя новым он был только в моем представлении, ибо на самом деле эта сталинская четырехэтажка была старше меня почти на 20 лет. Мне нравился этот каменный дом из розового туфа, аккуратные ступени и основательные перила в подъезде, а самое главное — его настоящий, большой, колоритный ереванский двор. С беседками, бельевыми тросами, балконами, дымом от шашлыков, моющими ковры тетками, взбивающими шерсть бабками, точильщиком ножей, продавцом сахарных леденцов и целой оравой таких же, как я, начинающих исследователей жизни. Для человека трех лет от роду доверху залитый ереванской жарой, шумный, яркий и дышащий остро-пряными запахами двор был энциклопедией жизни, пыльным городским фолиантом, настоящей книгой бытия, которую десятки авторов писали до нас и которую предстояло дописывать нам.

***

Во дворе рос виноград. Вернее, его терпеливо выращивали пережившие всех советских вождей дворовые старики. Виноградная лоза натужно тянулась ввысь по стене здания и там, на уровне между первым и вторым этажами, зеленым ковром облегченно растекалась по специально для нее перекинутым деревянным рейкам. И так у всех подъездов. Каждую осень старики, помнящие всех советских вождей и что-то еще, о чем всегда молчали, неторопливо взбирались на стремянки так же неторопливо срезать налившиеся солнцем гроздья. Во всем этом ритуале сквозила какая-то библейская мудрость, послепотопная наследственность и одновременно обреченность патриархальных устоев. Для нас, еще неуверенно владеющих шнурками на ботинках, и виноград во дворе, и старики были иллюстрацией к какой-то ненаписанной сказке, затерявшейся в дебрях современного города. Стариков не интересовало происходящее за периметром двора — то, что по нашей улице пустили линию маршрутного такси, что рядом с домом сгорел овощной ларек и что в гастроном на полной скорости въехал автобус, для них было не более значимым, чем для нас материалы пленумов ЦК КПСС. Старики не суетились, когда недалеко от нас в Ереванское озеро упал троллейбус, не волновались, когда умер Брежнев, и лишь почесали носы, когда началась перестройка. Они и виноград жили своей отдельной жизнью во дворе, который был для них цитаделью относительного покоя, окруженной крепостными стенами жилых домов. Эти дворовые друиды были неотделимы от своих виноградных божеств. Даже лица их были подобны лозе — коричневые, сухие, скрипучие. Мне они казались вечными, как Арарат. Но так только казалось. И когда старики уходили, вскоре после каждого засыхала и «его» лоза...

***

Много лет спустя, став постарше, я узнал, что есть в Ереване немало зданий с «профессиональным уклоном» — дома художников, врачей, писателей и инженеров. И наш двор не был исключением. Однако моей дворовой цивилизации досталось здание не столь престижного профиля — жили

в нем таксисты и работники таксопарка. Я был убежден, что они не должны выглядывать с балкона анфас, а должны сидеть боком, выставив из окна левый локоть. Казалось, на все их здание можно было поставить тикающий счетчик таксомотора. Отличить таксистов во дворе было легко — по откровенно кривоногой ленивой походке и демонстративному неудовольствию, с которым они перемещались в пространстве не на четырех казенных, а на своих двоих. Пеший таксист был подобен матросу парусника «Крузенштерн» в пустыне Каракум. У многих из них были списанные из таксопарка «Волги», а все свои выходные они проводили в гаражах за ремонтом и обсуждением коробок передач, аккумуляторов, задних и передних мостов. Иногда для разнообразия вокруг установленного на капоте радиоприемника «Спидола» обсуждался и арабо-израильский конфликт — минут 10. Но темы протекающих радиаторов, дырявых глушителей и лысых покрышек были фундаментальнее и ближе. При этом, несмотря на кажущуюся бесполезность для общества, с нашей, детской точки зрения, от таксистов был конкретный практический толк — у них всегда можно было выпросить насос, чтобы подкачать футбольный мяч.

***

Одно из первых потрясений, пережитых мною в новом дворе, можно охарактеризовать тремя словами — шерсть, палки, женщины. Я и раньше смутно догадывался, чем набиты наши тюфяки и одеяла, но в моем мозгу не укладывалось, что в современном городе, столице республики, можно наблюдать такое. А понаблюдать было за чем. Синтепон и прочие чудные слова еще не родились на свет, большинство дворового люда было в первом поколении из деревень, а потому с особым со-

циальным подтекстом относилось к тому, на чем спят и чем укрываются. Зимнее одеяло должно было быть толстым, а тюфяк — очень толстым. Толщина тюфяка определяла не просто достаток хозяев, а количество тепла в джоулях и коэффициент мягкости в пока еще не изобретенной международной единице измерения, который они могли позволить себе и предложить гостям. Достигались указанные показатели благодаря количеству и качеству главного компонента — овечьей шерсти. А шерсть надо было мыть. Регулярно. Невзирая на советскую власть и двадцатый век на дворе. Мыли ее в сезон, практически все и практически одновременно. Где высушить в условиях большого города такое количество мокрой шерсти? Ясное дело — во дворе. За несколько дней бежево-коричневые шерстяные комья ровным слоем покрывали крыши гаражей и беседок, дворовую футбольную площадку, любой маломальски ровный участок двора, а иногда даже крыши автомобилей. Из окна двор выглядел пушистым, теплым и мягким. Но это была только прелюдия. Настоящее шоу начиналось после. Женщины взбивали эту самую шерсть ударами длинной тонкой палки или прута. Делали они все это, часто сидя прямо на земле с широко расставленными ногами. Свистящий хлесткий звук прутьев, обрушивающихся на толщи шерсти, напоминал какую-то иезуитскую пытку и сбивал меня с ритма во время занятий на фортепиано. За окном летали взбудораженные бурые клочки, женщины ожесточенно орудовали прутьями, вымещая на шерсти все свои патриархальные комплексы, а старики, сидя под своим виноградом, меланхолично курили, наблюдая за этим древним как мир процессом. Шерсть, прогретая современным солнцем и взбитая по методике раннего средневековья, готовилась к очередной зиме.

***

Женщины в принципе были во дворе везде — сидели на скамейках, пили кофе на прохладных ступенях в подъезде, кричали из окон, ругались в очередях за арбузами и помидорами, мыли ковры. Но никогда, ни разу они не были замечены в беседках. Какой-то негласный закон однажды раз и навсегда превратил дворовые беседки в мужские монастыри, в которых, однако, не было и намека на смирение и послушание.

Беседок во дворе было три — по количеству зданий. Одну безоговорочно оккупировали таксисты. Свой досуг они организовали без лишнего креатива и с неосознанной претензией на Монте-Карло — рубились в карты. Однако играли не в преферанс и далеко не в бридж, а в белот — отчаянный, пошлый и временами беспощадный. Из беседки в небо поднимались клубы сигаретного дыма, временами перемежаемые почти цензурными ругательствами. Вторая беседка досталась новому поколению двора, став для нас информационно-аналитическим центром. Именно там мы узнавали, как расплавить свинец от старого аккумулятора и что если его залить в спичечный коробок, предварительно положив туда листик дерева, то получится гравюра на свинцовой пластине. Там обсуждалось, как из крыла летучей мыши сделать очки, сквозь которые девчонки будут видны без одежды. Там же шли споры, кто лучший футболист в мире и кто победит в «реальной драке» — Чак Норрис или Брюс Ли. Животрепещущий вопрос современности — откуда берутся дети — тоже становился предметом оживленных дискуссий. Но самое главное — в этой беседке мы играли в «беседочный футбол» — абсурдную игру с жестким сводом правил, в которой каждый из шести участников

играл сам за себя. Столбы пыли, грохот кровельной жести, кровавые ссадины и отчаянные крики игроков периодически становились поводом для карательных действий взрослых и изгнания нас из заветных четырех квадратных метров. В такие минуты нам ничего не оставалось, как перебраться к третьей беседке и, на короткое время затаившись, наблюдать за взрослым сеансом одновременной игры. Взрослыми одновременно играились нарды, шашки и шахматы. Часто на спор, иногда даже на интерес. Именно во дворе я открыл для себя, что интеллектуальные игры могут быть не менее азартными и травмоопасными, чем футбол или прятки. Все соседи помнят, как матч за дворовую шахматную корону завершился за полночь на 76-м ходу грандиозной дракой, в которой участвовали гроссмейстеры и их секунданты. Что самое удивительное, наутро корифеи дебютов и эндшпилей снова расставили фигуры, усевшись друг против друга. Разбитые физиономии не могли помешать главному — счет был равным, 7:7, а побитое и изрядно распухшее самолюбие требовало сатисфакции в виде победы интеллекта...

***

Справедливости ради надо сказать, что выяснение отношений и рукоприкладство во дворе были редкостью. Чаще били где-то за углом. И чаще всего тех, кто нарушал местный устав или границы территории. Чужак, осмелившийся проводить местную девушку до дома, обязательно имел разъяснительную беседу с группой прогрессивной местной молодежи, после чего крепко задумывался: провожать ли ее назавтра снова? В такой дикий район, да еще и с подбитым глазом... «Держать» территорию было делом чести. Ну а появление во дворе чужаков в количестве более одного было просто вызовом — мы тут что, зря живем, что ли? Иногда разборки за углом получали логическое продолжение — ответный удар вражеских сил, и тогда на нейтральной территории забивалась стрелка двух дворовых кланов. Пока толковали относительно старшие, младшие пытались выглядеть угрюмо, серьезно и взросло, для чего морщили лбы, выпячивали подбородки и угрожающе сплевывали. Если не удавалось решить дело на словах, то начиналась великая и жестокая потасовка, остановить которую могло или появление милиционеров, или неожиданный визит местных криминальных авторитетов. Последних в нашем ультрапролетарском районе было на порядок больше, чем ударников коммунистического труда, а авторитет их был несоизмеримо выше милицейского. В каждом дворе были свои блатные. Поэтому если у кого из соседей случалась кража, то сначала обращались к «своему», и только если он не мог найти укравшего по своим «особым каналам», обращались в милицию.

***

Но даже криминальная среда не могла повлиять на неписаные законы дворового этикета. Право на информацию соблюдалось свято. Незаметно проскочить с улицы домой было невозможно, по пути необходимо было поздороваться буквально со всеми. Да и дома человек оставался активной частью социума, потому что уединиться и закрыться ему не позволял устав. Днем двери запирали только люди подозрительные, зажравшиеся и вредные. Наша оставалась всегда открытой, что было круто с точки зрения дворового менталитета, но дико напрягало в быту. Незапертая дверь соседками воспринималась как приглашение войти, и они входили, по поводу и без повода, за солью и спичками, за мясорубкой и дрелью, за паяльником и стульями (когда приходили гости), за стремянкой и большой кастрюлей (когда приходили гости), за моими учебниками русского и штопором (когда приходили гости), за отцом, чтобы он починил их телевизор/приемник/магнитофон, а чаще всего — чтобы с нашего балкона развесить свою стирку. Последнее было хуже всего, потому что соседка была на редкость чистоплотной и стирала регулярно. Все попытки приучить стучаться, спрашивать, удобно ли нам, и прочим премудростям такта успехом не увенчались. А соседкин таз с мокрым бельем, ее громкий голос и вечнозеленый халат были для меня чем-то неизбежным, типа контрольной по математике — с этим нельзя было бороться, можно было только смириться. Ведь не запрешь же дверь... При этом было искреннее сочувствие соседке, не имевшей своего доступа к заветному бельевому тросу.

***

Сегодня жителям новостроек не приходится задумываться о том, где сушить белье. Но тогда, в эпоху ручной и полуавтоматической стирки и стиральной пасты «Мечта», решением этой проблемы в большинстве ереванских дворов был столб. Высоченная металлическая труба с приваренными и прикрученными к ней роликами для бельевых тросов. Они радиально расходились от столба практически ко всем 150 квартирам. В выходные и праздничные дни двор больше напоминал парад балтийского флота в устье Невы — тяжело колышущиеся флаги полотенец, консервативные простыни, добродушные семейные трусы, суровые полосатые пижамы и легкомысленные ночные рубашки... Все это постельное, нательное и верхнее тянулось через весь двор к столбу. Столб был осью дворового мира, центром системы координат, идеологической несущей конструкцией. Казалось, обруби эти бельевые тросы — и дома, привязанные к столбу, просто рассыпятся, потеряв связь с реальностью. Это гигантское уродливое созвездие зонтика в центре дворовой галактики было для нас и грот-мачтой воображаемого корабля, и наблюдательным пунктом, и местом спасения от злобной собаки. Каждый бельевой ролик имел свое особенное звучание, свой уникальный скрип в дворовой октаве — бесхитростным ля-бемоль звучали выезжающие из окна четвертого этажа пододеяльники, а суетливый и трусливый скрипучий до-диез возвещал о стирке приданого старой девы с этажа третьего. Нельзя сказать, что вся эта тросо-подшипниковая полифония складывалась в музыкальные шедевры. Скорее, это было похоже на настройку оркестра перед выступлением. Казалось, еще чуть-чуть, и бельевые струны с майками и трусами заиграют Шопена или Штрауса. Но Дом композиторов находился в другом конце города и дирижера во дворе не было. Зато был настоящий камертон — кусок рельса, частые и настойчивые удары по которому гаечным ключом возвещали по утрам нечто совершенно прозаичное, сопровождаясь криком водителя мусоровоза: «Мусор! Мусор!» В детстве мне всегда казалось, что он вот-вот добавит: «Свееежий мусор!» Этот отнюдь не бухенвальдский набат служил сигналом к массовому выходу соседей с мусорными ведрами во двор и к опорожнению последних в адское чрево машины. Полиэтиленовые пакеты тогда были предметом роскоши, и надо было собственноручно вытряхивать родное поганое ведро и с ним же возвращаться порожняком. Говорят, что день у человека складывается так, как он провел утро. Долгие годы наш двор начинал свой день с того, что в массовом порыве избавлялся от мусора.

***

Шашлык во дворе готовился постоянно. Мангалы не успевали обслуживать всех, а в выходные надо было договариваться об очереди. То, что вскоре должно было стать шашлыком, иногда пару дней щипало травку и блеяло прямо под окнами. Откуда-то всегда находились дрова, а мяса всегда было достаточно, чтобы сначала угостить дворовых ребятишек и лишь потом отнести в дом. А в дни свадеб в центре двора вырастала огромная палатка, в которой гулял народ и до утра гремела музыка. Шашлык в такие дни готовился в масштабах, сопоставимых с городским праздником. Дым заполнял подъезды и квартиры, им пахли наши волосы, пахло свежевыстиранное белье, шашлыком пропахло все наше дворовое детство. Холодные и темные девяностые стали хронологическим рубежом, который дворовый шашлык перейти не смог. Когда у некоторых после многих тяжелых лет появилась возможность снова пустить в дело мангалы, они стеснялись готовить во дворах, где большинство еще жило впроголодь. И шашлык из дворов ушел — в рестораны и закусочные, на загородные дачи, в чужие руки. Ушел и не вернулся, как не вернулись старики, так и не рассказавшие нам то, о чем молчали всю жизнь. И я помню, как однажды пообещал себе всегда рассказывать — про то, как мы крутили волчок, как прятались на чердаках, как взрывали ампулы с камфорным маслом, как готовили взрывпакеты из болтов, спичек и полиэтилена, как постепенно уменьшался и сжимался необъятный в детстве двор, как исчезал виноград, как сменялось вывешенное белье, машины и их владельцы, и про то, как однажды двор перестал пахнуть шашлычным дымом и праздником. ■

ограбление по-армянски

5 августа 1977 года в Ереване произошло невероятное по своей дерзости ограбление. Впервые в СССР позарились на святая святых — Госбанк. Дело не в том, что в Стране Советов не было талантливых воров, а в том, что даже у «воров в законе» было твердое убеждение: в СССР банки не грабят. И вдруг нашлись люди, которые «пошли на дело».

Текст **Зорий Балаян** | Фото **Назик Арменакян**

Их было всего двое. Двоюродные братья Калашяны. Разрабатывал план до мельчайших деталей исключительно Николай. Один. Брал неприступную крепость исключительно Феликс. Один. От начала до конца. Но в самом начале, естественно, был наводчик.

— Банк.

Компания словно по команде расхохоталась. Не изменился в лице лишь Завен.

— Никто из вас не знает, что такое психологический барьер. Так и умерли бы, не узнав, если бы не я. Все почему-то уверены, что банк брать нельзя.

— «Брать» — это значит напасть и захватить, — возразил Николай. — А у меня, да будет тебе известно, другие принципы. Брать банк, идти на вооруженное ограбление — это не по мне. И потом, ведь это — банк! Не какая-нибудь там сберкасса. Там же сейфы, сигнализация, охрана, наконец.

— Все верно. Стены сейф-комнаты бронированы. Двери — не дотрогешься. А вот потолок — обыкновенный. Тонкая бетонная плита. Если не ногтем, то простым сверлом запросто можно ковырнуть. Это же твой метод — через стену. Просто представь, что стена не вертикальная, а горизонтальная.

— Мне непонятно. Деньги хранятся не в подвале?

— В том-то и дело, что нет. Сейф-комната на втором этаже. А комната отдыха на третьем... Если операция пройдет успешно, сорок тысяч — мои.

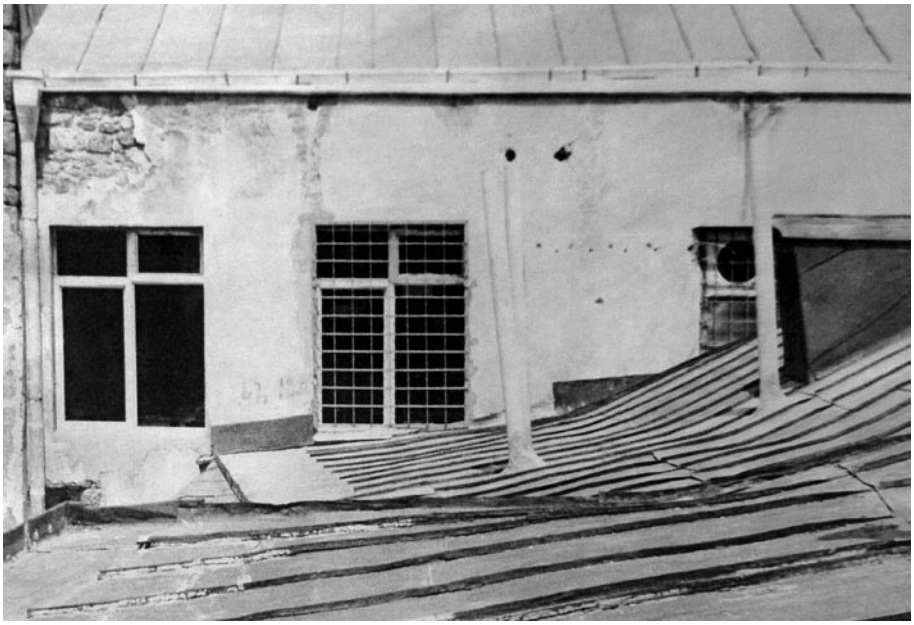
— Никакой операции, — перебил Николай. — Сказано — забыто.

— И все-таки подумай над моим предложением, — настаивал Завен.

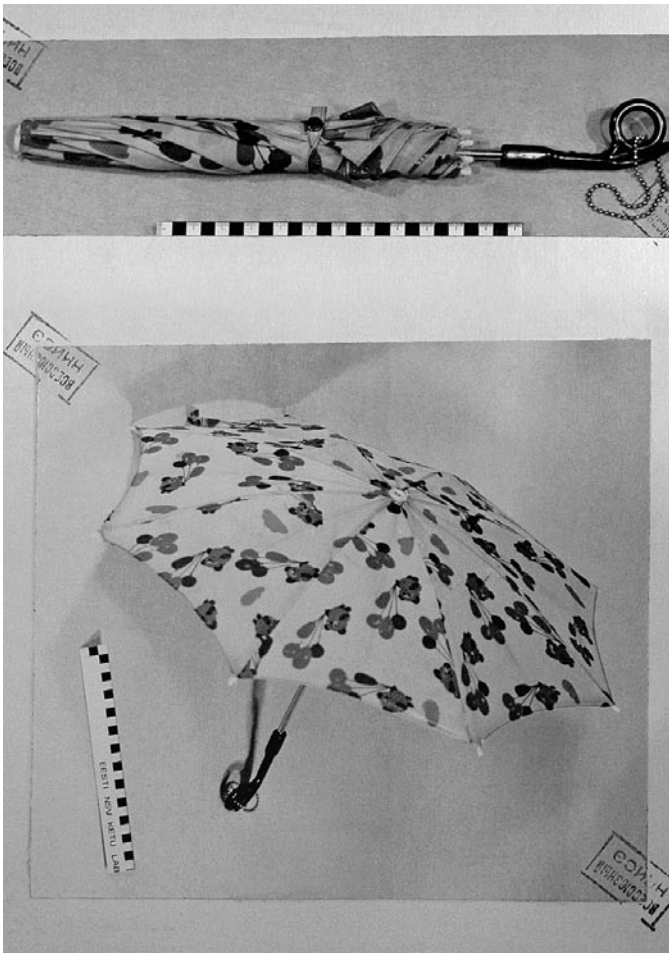
— Я уже подумал — забыто. Если еще раз повторишь, пеняй на себя.

Однако «забыто» было только на словах. Каждый день Николай приходил в банковский переулок с блокнотом и карандашом. Часами следил, как передвигается наружная охрана. Когда и куда подъезжают инкассаторские машины. Когда выходит последний служащий,

↓
Окна банка на третьем этаже, с которых накануне ограбления сняли решетки



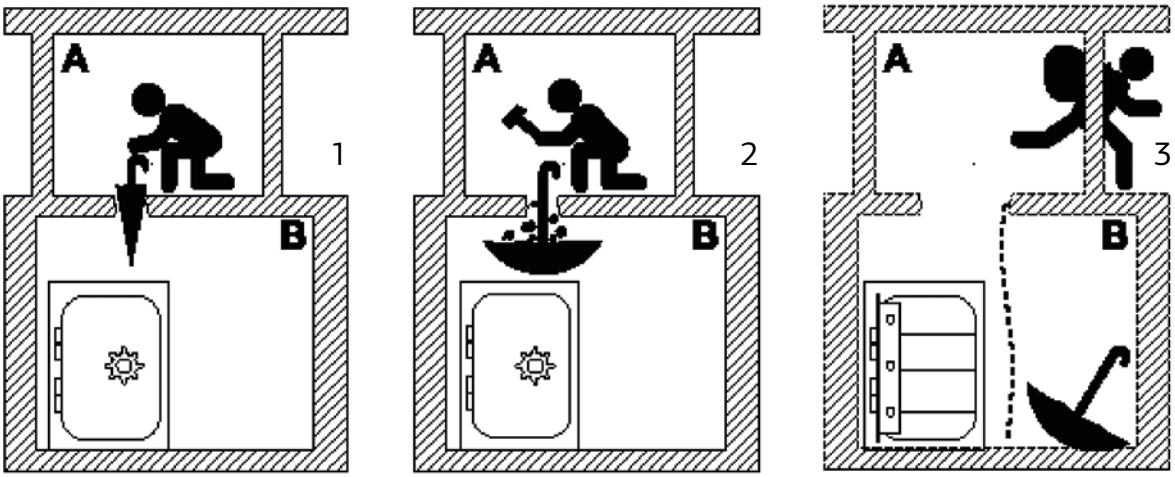
когда опечатывается внутренняя решетчатая дверь... Вскоре Николай убедился, что никакой внутренней охраны нет. «Наверное, правильно, — рассуждал он, — что делать охране внутри, когда все закрыто и находится под сигнализацией? Внутрь можно пройти только через наружные входы. По стене не пролезешь. Через крышу — невозможно. Остается самое невероятное: стена. Но стены охраняются. И стены, выходящие на улицу, и та, что выходит во двор. А четвертая? К четвертой примыкает жилой дом. Это значит — пробивать придется не одну стену, а две. Но главное, есть где подступиться. Продырявил обе стены — и выходи прямо в коридор третьего этажа банка. Тот самый этаж, где находится комната отдыха...»



↑
Хранилище Госбанка — бронированные стены и двери не спасли от «атаки» сверху

←
Детский зонтик — одно из главных «действующих лиц» в ограблении

Так было определено место, где Феликс должен был пробить сначала перегородку чердака, а потом и капитальную стену третьего этажа банка. Время — 5 августа, вечер пятницы, чтобы иметь два дня в запасе — на всякий случай. Затем Николай передал Феликсу список вещей, которые тот должен был достать для операции. Складной лом. Да такой, чтобы складывался втрое и чтобы диаметр был три сантиметра. Полдюжины сверл десяти — одиннадцатимиллиметровых с победитовыми наконечниками. Фонарь. Перчатки. Коловорот. Ножовка. Несколько полотен для



← План-схема проникновения в хранилище через отверстие в бетонном потолке. А — Комната отдыха на третьем этаже; В — Хранилище

ножовки. Зубила. Молоток. Детский зонтик... Больше всего Феликса удивил этот самый детский зонтик.

— Давай прорепетируем. Для чего складной лом?

— Чтобы открыть любые двери.

— Для чего зубила и молоток?

— Ты мне лучше скажи, для чего мне детский зонтик? Я уже больше недели ломаю голову.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Долбить стену. Продырявить потолок коловоротом. Дальше действовать вновь зубилом и молотком.

— Для чего ножовки?

— Пилить арматуру, которая проходит вдоль бетонной плиты. Одну оставить. С самого края.

— Для чего?

— Чтобы привязаться к ней.

— Каких размеров сделаешь дырку в потолке?

— Примерно сорок сантиметров в диаметре.

— Как будешь сверлить?

— С краев, по окружности. Потом буду выковыривать складным ломом и зубилом.

— Какова высота потолка?

— Более четырех метров.

— Когда будешь работать ломом и зубилом, куда будут падать куски бетона?

— Вниз. На пол.

— Который час будет примерно, когда куски бетона начнут падать на пол?

— Примерно три — четыре часа ночи.

— То есть эти куски будут падать с такой высоты в абсолютной тишине, когда даже на улице ни шороха, ни единой машины. Значит, будет стоять грохот.

— И еще какой грохот! — согласился Феликс.

Николай не зря провел две долгие бессонные ночи. На второй день он наконец нашел то, без чего невозможно было бы ограбить банк

— И что ты предпримешь?

— Буду работать осторожно.

— Все равно куски будут падать. Несколько десятков кусков. Несколько десятков громких ударов.

— А что ты предлагаешь? — Феликсу не терпелось узнать, как предотвратить шум.

— В первую же дырку просунуть детский зонтик.

— И что?

— Зонт пройдет, раскроется и куски бетона попадут в него. Бесшумно.

— И кто будет его держать?

— Ты.

— А кто будет сверлить, долбить, ковырять?

— Ты.

— У меня только две руки.

— И две ноги. Зонтик можно привязать к ноге.

— А как быть, когда зонтик наполнится?

— Опустить на веревке.

— Значит, я должен привязать его к ноге на длинной веревке.

— Подумай, что мы забыли? Что еще ты должен взять с собой?

— Не знаю. Вроде уже обо всем договорились.

— Нет. Что-то, возможно, самое главное, мы упустили. Но об этом я тебе скажу через два дня... Я и сам не знаю, что именно мы забыли. Я просто чувствую это. И мне нужны два дня, чтобы еще раз все продумать...

Николай не зря провел две бессонные ночи. На второй день он наконец нашел то, без чего невозможно было бы ограбить банк. Где-нибудь на севере — пожалуйста, но не в южном городе, пятого августа, когда с утра уже дышать нечем...

— Ну, и что мы забыли? — спросил Феликс.

— Воду, — тихо ответил Николай.

Коротко проследим за ходом мыслей Николая. Август месяц. Ереван. Самая знойная пора с душными ночами. Человек трудится с молотком, коловоротом, ломом несколько часов кряду. Потеет. Кроме того:

— Когда человек волнуется или поражен неожиданным известием, ему дают холодную воду. Не зря люди говорят друг другу: «Выпей холодной воды и успокойся».

— Верно...

— Сколько же воды ты собираешься взять с собой?

— Одну бутылку.

— А для сверла? Работать будешь с бетоном. Сверло накалится.

— Ну, две бутылки.

— Меньше пяти — запрещаю! Бутылка

→
Картина, которую утром 7 августа 1977 года сыщики застали на месте преступления

воды стоит десять копеек без тары. Из-за нескольких копеек потеряем несколько миллионов. Повторяю, не менее пяти бутылок!

— Хорошо, сделаю, как ты велишь.

Но Феликс впервые ослушался своего шефа. Он взял с собой не пять, а три бутылки...

Расчет на то, что чердачная стена поддастся легко, оказался неверным. Провозившись более трех часов и вытащив из стены первый камень, он убедился, что стена трехслойная. Три слоя камней. «Кажется, шеф, как всегда, оказался прав, — подумал Феликс, осушая вторую бутылку воды. — Осталась всего одна, а пить хочется все больше...» Терпеть стало невмоготу. Высунув голову из слухового окна на крыше, он жадно глотал вечерний воздух. Неожиданно лицо его просияло. Он смотрел и не верил собственным глазам. Окна банка открыты настежь! С них были сняты не только решетки, но и рамы. Феликс вспомнил, что Завен упоминал о том, что в банке затеяли ремонт. Был уже девятый час вечера. Феликс вылез на крышу и медленно подполз к краю. Всего лишь на метр возвышался чердак жилого дома над подоконником банка. Только один прыжок. Не рассчитаешь — упадешь и разобьешься насмерть. Рассчитаешь — значит, долбить две стены не придется... И Феликс не стал мешкать. Через минуту он уже был в коридоре третьего этажа банка. Когда же, преодолев невероятные препятствия, он возился с дырой в полу, который был потолком сейф-комнаты, то почувствовал, что от чудовищной жары и нестерпимой жажды теряет сознание. Складным ломом открыл несколько комнат в поисках хотя бы стакана воды, но тщетно. Не было ни капли даже в бачке унитаза. И он не выдержал...

Феликс вернулся к Николаю. «Провал» — читалось во всем его облике...

— Вода! — едва шевеля губами, сказал Феликс. — Я умирал от жажды. Я не смог...

— Сколько бутылок воды ты взял с собой?

Преодолев все препятствия, Феликс почувствовал, что от чудовищной жары и нестерпимой жажды теряет сознание. И он не выдержал...

— Три.

Николай с размаху ударил напарника по лицу.

— Я всегда думаю, прежде чем что-то делать. Если бы я сказал: тысячу бутылок, надо было взять тысячу. А сейчас ложись спать, Индеец Джо...

Феликс так и не успел сказать Николаю, что стены чердака и банка ему не пришлось пробивать. Сил на разговоры уже не хватило. Утром Николай подошел к Феликсу и шепотом сказал:

— Подойдешь к объекту. Если что не так — сразу догадаешься. Хотя я уверен, там все спокойно. Ровно в пять повторишь вчерашний маршрут. Возьмешь с собой воды — трех бутылок хватит. Завернешь их в белую бумагу. Так ведь нынче ходят в гости, неся водку или коньяк. Но для того, чтобы не вызвать подозрения у жильцов дома... что нужно сделать?

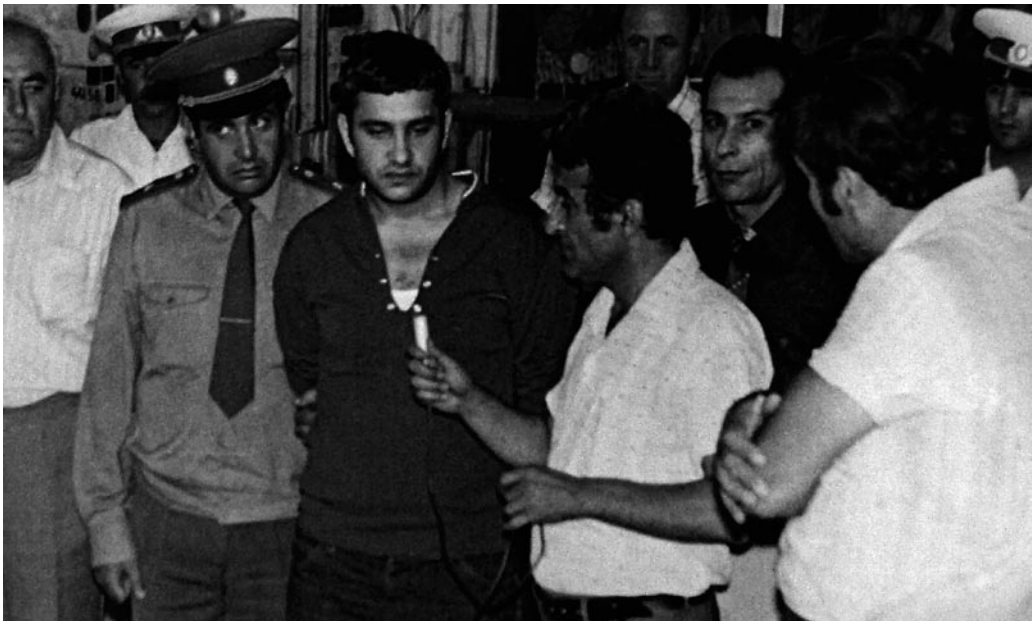
— Я не знаю. Я уже ничего не соображаю.

— Нужно погладить брюки. Посмотри только, в каком ты виде. Переоденься!

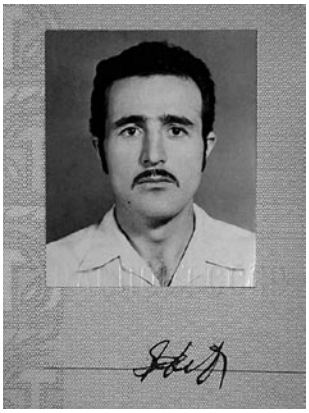
Феликс медленно поплелся к выходу. Николай резко окликнул его.

— Я ошибся, — тихо сказал он. — Не вздумай переодеваться — плохая примета. Просто пойди и приведи себя в порядок.

В тот вечер, точнее в ночь с субботы на воскресенье, Индеец Джо, он же Феликс Калашян, искупил свою вину перед братом. Когда в первый раз сверло прошло сквозь пол, Феликс почувствовал облегчение. Но ему еще долго пришлось повозиться, прежде чем сложенный зонтик прошел в отверстие. Еще через полчаса Феликс смог пролезть в отверстие и спуститься на веревке. Кругом были деньги, аккуратно сложенные в гнездах. Брал в основном крупные купюры. Наполнив рюкзак до отказа, начал взбираться наверх. На тренировках он одолевал пять — шесть метров по канату с двухпудовой гирей. Рюкзак с деньгами весил столько же. И он легко поднялся под самый потолок, повис на согнутой руке, а другой стал вытаскивать пачки из рюкзака

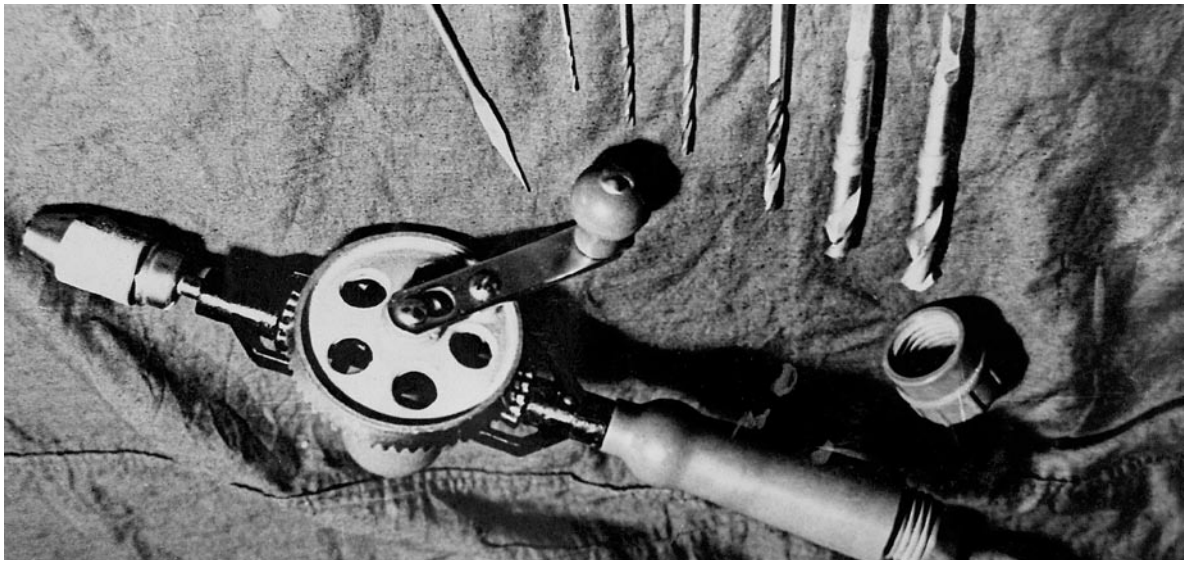


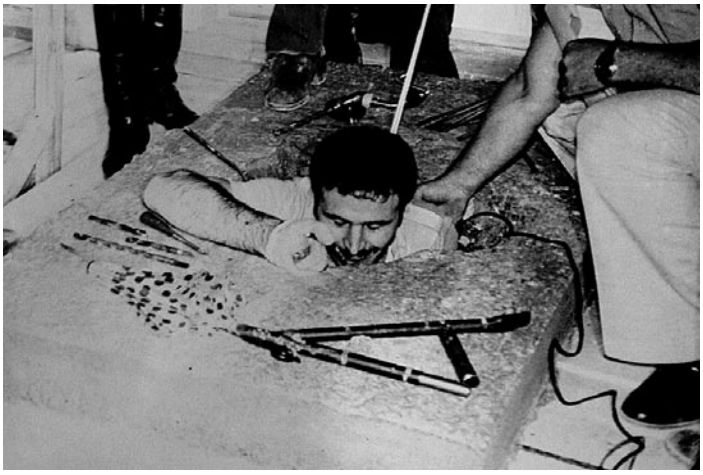
↓
Паспорт расстрелянного Феликса Калашяна до сих пор хранится в материалах уголовного дела — таков порядок



↑
Разработчик и организатор дерзкого ограбления Николай Калашян дает показания перед телекамерами

→↓
Нехитрый набор инструментов Феликса — вещественные доказательства, приобщенные к уголовному делу





↑
Во время следственного эксперимента Феликс в точности повторил весь путь до хранилища

←→
Те самые сторублевые купюры серии «АИ» и облигации, на которые они обменивались

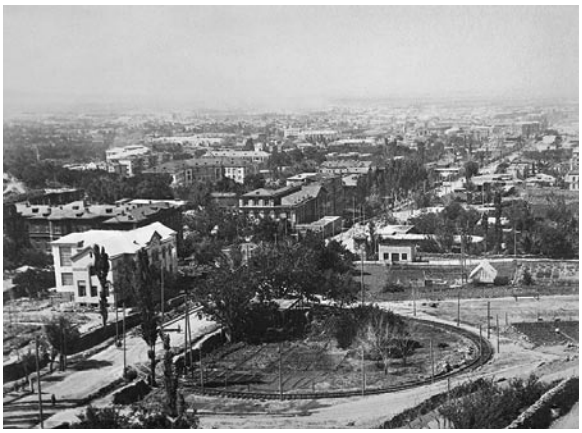
и выбрасывать через отверстие.
Когда в рюкзаке осталась примерно половина содержимого, он запихнул его в дыру, оттолкнул в сторону и выбрался сам...
Когда братья подсчитали «улов», вышло в общей сложности один миллион пятьсот двадцать пять тысяч рублей, из коих — сто десять пачек новых сторублевок. Преступники прекрасно знали, что по всей стране объявлен розыск не только самих грабителей, но и сторублевых купюр этой серии — «АИ».
Единственным выходом было обменять купюры на трехпроцентные займы в разных городах и небольшими частями. Для этого Николай перебрался в Москву. Вначале в сберкассах обменивали купюры, бывшие в употреблении. Затем попробовали новенькие. Никаких проблем. Вскоре поняли, что девочек, сидящих за окошками сберкасс, никакие серии ничуть не интересуют. У Николая возникла идея: где-то на бойком, людном месте, скажем, на стадионе, разбросать откуда-то сверху несколько сот сторублевых купюр серии «АИ», понимая, что после этого начнется каша. Трудно будет огромные массы людей привлекать к ответственности, особенно если такую операцию провести сразу в нескольких городах страны. Однако он отказался от этой идеи, потому что пробные обмены сторублевых купюр в Ташкенте и Москве прошли гладко. Обменом занимались московские друзья (любовница Николая и ее брат), так сказать, славянской национальности, которые были уверены, что деньги эти Николай выиграл в карты. Погорели, как это обычно бывает, случайно. Брат любовницы, видя, что все проходит гладко, решил обменять сразу шесть тысяч рублей. У кассирши было всего три тысячи. Она передала их клиенту и попросила, чтобы тот подождал, пока она принесет недостающую сумму из основной кассы. Кассирша задержалась — заболталась. И «курьер», запаниковав, удрал с тремя тысячами, оставив в сберкассе вторую половину. Кассирша же оказалась блестящим физиономистом, и по ее описанию художник-криминалист нарисовал словесный портрет подозреваемого. Сказать, что остальное было делом техники, значит ничего не сказать. Это отдельный разговор. Отдельная история. История о том, какую уникальную операцию по задержанию провела московская милиция...

На тренировках он одолевал пять — шесть метров по канату с двухпудовой гирей. Рюкзак с деньгами весил примерно столько же

Братьев Калашян приговорили к расстрелу... Признаюсь, я против отмены смертной казни. Я не могу смириться с тем, что человек, изнасиловавший ребенка или убивший старушку, нанеся ей множество ножевых ран, остается жить под солнцем. Грабители же ереванского банка никого не насиловали и не убивали. Конечно, я понимал, что закон един для всех. Мы жили в стране, где за хищение десяти тысяч рублей приговаривали к расстрелу. А тут — один миллион пятьсот двадцать пять тысяч. Тем не менее, я решил поднять вопрос о замене смертной казни на максимальный срок лишения свободы. Зацепка у меня была. Это то, что преступники — братья. Пусть не родные, но ведь их отцы — родные братья. У обоих отцов нет других сыновей. Прерывается род, фамилия. Оба молодые — 27 лет...
Вместе с председателем Президиума Верховного Совета Армении Бабкеном Саркисовым составили письмо в Президиум Верховного Совета РСФСР. Через несколько дней Бабкен Есаевич позвонил мне: «Поздравляю, просьба наша удовлетворена. Только ты никому об этом пока не говори».
А еще через несколько дней Николай и Феликс Калашяны были... расстреляны. Наша просьба действительно была удовлетворена. В документе с этакой царской резолюцией «Казнить нельзя, помиловать» запятая стояла на нужном месте. Однако сам документ из Москвы опоздал — всего на двадцать четыре часа. ■

ракурс

Все на свете постепенно меняется — люди, страны, города. Особенно интересно наблюдать за этим, если смотреть на вещи под одним и тем же углом зрения. И этот взгляд сквозь время всегда вызывает в душе легкое волнение и ностальгическую улыбку. Такую же, как при пролистывании семейного фотоальбома.



Фотопут

Сурен Манвелян

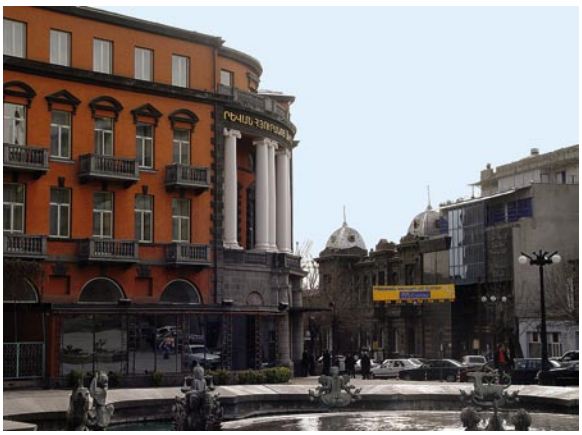
Сквер Абовяна. Архивное фото — 1944 года

«Архитектура Советской Армении», Москва 1951 г.

Сурен Манвелян

Улица Московян. Архивное фото — 1949 года

Национальная фильмотека Армении



Ваге Мелконян

Улица Астафяна, ныне — Абовяна. Архивное фото — 1930 года

«Архитектура Советской Армении». Москва. 1951 г.

Сурен Манвелян

Озеро Тохмах.
Архивное фото —
1949 года

Мартын Шахбазян

Айк Мелконян

Площадь
Спандаряна,
ныне — Гарегина
Нжде.
Архивное фото —
1980 года

Национальная фильмотека Армении

Айк Мелконян

Площадь Ленина,
ныне — Республики.
Архивное фото —
1926 года

Национальная фильмотека Армении

Назик Арменакян

Перекресток
улицы Амиряна и
проспекта Сталина
(ныне — Маштоца).
Архивное фото —
1947 года

Акоп Энекян

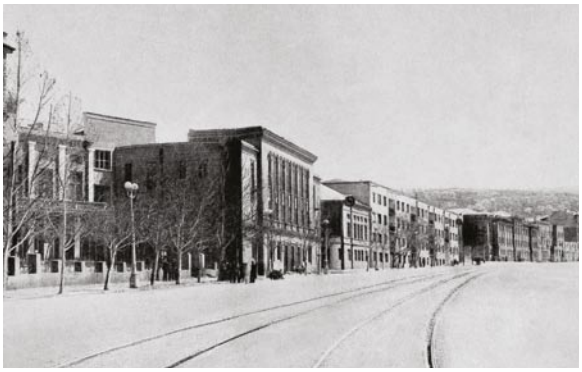
Сурен Манвелян

Республиканский стадион. Архивное фото — 1958 года

Национальная фильмотека Армении

Назик Арменакян

Ущелье реки Раздан. Архивное фото — 1916 года



«Архитектура Советской Армении», Москва, 1951 г.

Сурен Манвелян

Улица Корюна. Архивное фото — 1949 года

Национальная фильмотека Армении

Сурен Манвелян

Памятник Иосифу Сталину в парке «Ахтанак» (ныне — «Мать Армения»). Архивное фото — 1950 года

ТАВЕРНА ЕРЕВАН

Мы храним армянские национальные традиции

мы любим наш город

www.PandokYerevan.am
www.facebook.com/PandokYerevan

Амиряна 5
Тел.: (010) 545 545

Пароняна 7
Тел.: (010) 530 563

Хоренаци 29/2
Тел.: (010) 582 512

Реклама

AMERIABANK

The Banker
Bank of the Year 2013
ARMENIA

СВОБОДА ДОСТИЧЬ БОЛЬШЕГО

корпоративный банкинг | розничные банковские услуги
инвестиционный банкинг | управление активами

www.ameriabank.am | 56 11 11
Первый армянский банк в Apple Store

РЕКЛАМА